Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

**«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Липецкий филиал

МИР И РОССИЯ
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

МАТЕРИАЛЫ XXIII ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЧНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Том 4

Секция 4

Юридическая наука как элемент модернизации современного общества

Подсекция 1
Теория и история государства и права

Подсекция 2
Уголовное право и процесс

23 апреля 2026 г. (г. Липецк)

Воронеж • 2026

УДК 34
ББК 67я431
М63

Рецензент:
Шурупова Ольга Сергеевна, профессор кафедры английского языка ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, д-р филол. наук, доцент

Мир и Россия в условиях новой реальности: материалы XXIII Всероссийской очной студенческой научно-практической конференции (Липецк, 23 апреля 2026 г.): в 6-ти т. Т. 4. Секция 4. Юридическая наука как элемент модернизации современного общества. Подсекция 1. Теория и история государства и права. Подсекция 2. Уголовное право и процесс / под общ. ред. В.В. Соловьевой и В.М. Шагуновой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2026. – 282 с.

Материалы сборника научных трудов участников XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Мир и Россия в условиях новой реальности», состоявшейся 23 апреля 2026 г. в г. Липецк. В сборнике представлены исследования студентов и магистрантов из России.

Сборник предназначен для широкого круга читателей: ученых, специалистов-практиков, аспирантов, студентов.

Опубликованные материалы представлены в авторской редакции.

УДК 34
ББК 67я431

© Коллектив авторов, 2026
© Липецкий филиал РАНХиГС, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДСЕКЦИЯ 1.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Абрамова А.С.
Проект научной юриспруденции в школе естественного права (Г. Гроций, Т. Гоббс): методологический параллелизм абстрактных понятий права и идеальных объектов классической науки 9

Гревцев Е.А.
Принцип федерализма в контексте распределения публичной власти в Российской Федерации 14

Климова Е.Н.
Юридическая наука в системе правового сознания: специфика её соотношения с правовой доктриной и идеологией 17

Князева Т.Ю.
Проблема соотношения права и морали в аналитической юриспруденции: тезис о разделении (separability thesis) как ядро юридического позитивизма 20

Лахтин А.И.
Нормы права: проблемы построения конструкции и их реализация 23

Малащенкова А.В.
Психологические загадки нюрнберга: самоубийство Геринга перед виселицей и «притворное безумие» Гесса 27

Плеснякова А.Ю., Рассолова Е.О.
Пробелы в праве: понятие и виды 32

Поминова А.В.
Юридический натурализм в контексте современных правовых систем: проблема интеграции естественно-правовых принципов в позитивистскую доктрину 37

Поминова А.В.
Юридический позитивизм vs. естественно-правовая доктрина: методологический дуализм и его влияние на судебную практику 41

Поминова А.В.
Юридическая аксиология: онтологический статус и иерархия правовых ценностей в системе правового регулирования 45

Попова А.Ю.
Постнеклассическая наука: ценностная детерминация
и человекоразмерность как новые критерии научности 49

Просянок К.В.
От кодификации М.М. Сперанского к цифровому праву:
эволюция законодательства России 52

Рыжкова Ю.И.
Историческая эволюция понятия метода 56

Черненко В.В.
Соотношение юридической науки и философского подхода
к праву 59

ПОДСЕКЦИЯ 2.
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Акулов Е.А.
Оперативно-розыскная характеристика преступлений против
собственности, совершаемых с незаконным проникновением 63

Анютина А.А.
Пути повышения эффективности правовой охраны жертв
преступлений, вызванных национальной ненавистью..... 67

Бирюкова У.И.
Особенности объективной стороны преступлений, совершаемых
педагогическими работниками либо иными лицами, на которых
законом возложены обязанности по воспитанию
несовершеннолетнего по ст.156 УК РФ 70

Болдырева Ю.А.
Разграничение смежных составов от незаконной добычи
и оборота особо ценных диких животных и водных
биологических ресурсов..... 73

Буракова А.С.
Соотношение юридической науки и философского подхода
к праву 78

Воронина Е. А., Шардыкина С.А.
Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза в отношении
несовершеннолетних 81

Гальцова С.А.
Преступления медицинских работников против жизни и здоровья..... 85

Гостеева М.А.
Дискуссионные вопросы определения объективных признаков легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем 88

Дворянкина А.А.
Актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 93

Димкова Ю.А.
Проблемы защиты прав детей в чрезвычайных ситуациях 100

Дьяков Н.С.
Информационная безопасность, или как спастись от киберугроз 105

Еремкина К.К.
Автоматизированные системы мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей как инструмент противодействия терроризму: технологические возможности и правовые ограничения 108

Зимина Ю.М., Устинова Т.А.
Специфика уголовных наказаний, применяемых к несовершеннолетним 113

Кабанцов В.С.
Характеристика личности потерпевшего и преступника в условиях мегаполиса 117

Калинкин Д.А.
Проблемы квалификации преступлений незаконной предпринимательской деятельности 120

Кизима М.А.
Нарушение тишины в ночное время: когда бытовое хулиганство становится уголовным преступлением 125

Киселев А.А.
Уголовно-правовые основы противодействию информационному терроризму: проблемы квалификации и правоприменения 130

Корбут А.Д.
Социальная адаптация и ресоциализация бывших осужденных: пути повышения эффективности в профилактике рецидива 133

Коротаева Э.О.
Уголовно-процессуальные акты: понятие, признаки, классификация 137

Косых В.А.
Особенности разграничения составов преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 Уголовного кодекса Российской Федерации 142

Крот Д.А.
Особенности производства сокращенного дознания в отечественном уголовном судопроизводстве 146

Курганская О.Л.
Проблемы квалификации домашнего насилия в современном уголовном законодательстве 150

Леденев Д.В.
Роль и значение уголовно-процессуальных актов в обеспечении законности и справедливости уголовного судопроизводства 153

Лоис Р.С.
Уголовная ответственность за разглашение врачебной тайны: пробелы закона и проблемы доказывания..... 156

Лунёв Р.С.
Модернизация уголовно-правовой охраны критической информационной инфраструктуры: вызовы дигитального (цифрового) суверенитета..... 161

Ляпина Д.К.
Уголовно-процессуальные акты на стадии предварительного следствия 169

Макарова М.Е.
Субъективные признаки и причины должностных преступлений в сфере правосудия..... 172

Максакова В.В.
Наложение ареста на цифровую валюту в уголовном процессе: пределы судебного контроля и проблемы исполнимости 177

Мелякова Е.С.
История развития уголовной ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью..... 182

Меркулова Д.А.
Уголовно-процессуальные акты стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию..... 187

Михайлова А.А., Пивоварова Л.Д.
Экономические киберпреступления на современном этапе развития общества 192

Мошкарова Е.В.
Обвинительное заключение как правоприменительный акт, завершающий предварительное следствие по уголовному делу..... 197

Неделин Д.С.
Проблемы квалификации преступлений против жизни и здоровья... 203

Некрылова В.Р.
Судебно-почерковедческая экспертиза и её роль в судебном доказывании 208

Овчарова П.А.
Проблемы отграничения изнасилования от иных составов преступления..... 213

Пасечник К.В.
Современные методы и технологии судебной экспертизы: проблемы и перспективы развития 218

Руденко О.В.
О тенденциях уголовно-правовой политики в сфере экономических преступлений: анализ изменений последних лет..... 221

Селищева О.С.
Квалифицирующие признаки превышения должностных полномочий (ст. 286 ук рф): применение насилия, применение оружия и причинение тяжких последствий 226

Сергеева А.В.
Проблемы разграничения уничтожения и повреждения имущества со смежными составами в правоприменительной практике..... 229

Смирнова И.А.
Понятие и объект преступлений, составляющих незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ..... 233

Соколов Н.А.
Проблемы квалификации акта международного терроризма..... 237

Сокольских С.Р.
Особенности расследования разглашения данных предварительного расследования..... 243

Сысоева Н.А.
Процессуальные акты стадии подготовки к судебному разбирательству 246

Тарасов П.П.
Предупреждение краж и грабежей, совершаемых маргинальными группами в местах массового скопления людей 250

Толстых Н.В.
Реализация уголовной ответственности в условиях вооруженного конфликта: к вопросу о формировании военно-уголовно-исполнительного права 253

Тупотилов П.В.
Залог как мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы применения и перспективы совершенствования 258

Филина Н.Н.
Необходимая оборона: законодательное регулирование и проблемы правоприменения 263

Хромина А.А.
Условия реализации условно-досрочного освобождения 267

Шерстюк М.А.
Проблемы и перспективы реализации молодежных гражданских инициатив в контексте системной поддержки добровольческой деятельности 271

Ширяев И.Н.
Квалификация скрытого майнинга (cryptojacking) как неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) 274

Щербатых В.Н.
Проблемы квалификации превышения должностных полномочий 277

ПОДСЕКЦИЯ 1.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Абрамова А.С., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Соловьева В. В., д. и. н., профессор

ПРОЕКТ НАУЧНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ В ШКОЛЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА (Г. ГРОЦИЙ, Т. ГОББС): МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ ПРАВА И ИДЕАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ КЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию методологического параллелизма между формированием абстрактных понятий права в трудах представителей школы естественного права (Гуго Гроция и Томаса Гоббса) и созданием идеальных объектов в классической науке семнадцатого века. В ней анализируются ключевые положения теории естественного права у Гроция и Гоббса, проводится сопоставление их методологических приёмов с методами классической науки в тот период времени. Но, самое главное, демонстрируются параллели между «идеальной моделью» естественного права Гроция и понятием «идеальной поверхности» у Галилея, между гипотетической конструкцией «естественного состояния» у Гоббса и идеализированными моделями в физике. Результаты исследования имеют теоретическую, методологическую и практическую значимость, так как углубляют понимание природы права, выявляют универсальные научные подходы, создают основу для адаптации юридической науки к современным вызовам.

Ключевые слова: естественное право, методологический параллелизм, правоведение, аксиоматический подход, классическая наука семнадцатого века.

Современное правоведение в настоящий момент времени сталкивается с необходимостью переосмысления фундаментальных вопросов, которые связаны с природой права как такового, его источниками и методами познания. Это произошло в первую очередь из-за того, что ему приходится адаптироваться к происходящим в мире изменениям, свя-

занным с глобализацией, появлением новейших технологий, из-за которых в праве сейчас наблюдаются методологические разрывы, поэтому требуются новые способы его осмысления как сложного социального института. Всё это можно подтвердить следующими словами: «Глобализация значительно изменяет современные правовые системы, требуя их адаптации к новым реалиям мирового сообщества» [8, с. 462].

В связи с этим обращение к наследию школы естественного права, которое представлено трудами Гуго Гроция и Томаса Гоббса могут помочь наглядно выявить истоки современных концепций права, а также отчётливо проследить их связь с развитием научной методологии. Ведь данные исследователи являются ключевыми фигурами в развитии естественного права, которые к тому же сильно повлияли на формирование научной методологии в юриспруденции [6, с. 22].

Более того, анализ их идей особенно важен в контексте параллелей между формированием абстрактных понятий в юриспруденции и созданием идеальных объектов в классической науке семнадцатого столетия. Например, Гроций в своих трудах выстраивал систему естественного права как универсальную, рационально обоснованную конструкцию, независимую от конкретных исторических и культурных условий, тогда как Гоббс акцентировал всё внимание на связи естественного права с конкретным социальным и политическим контекстом.

Таким образом, исследование методологического параллелизма между абстрактными понятиями права в наследии Г. Гроция и Т. Гоббса и идеальными объектами классической науки, действительно, может углубить теоретическое понимание права как такового и методов его познания, а также создать практическую основу для адаптации юридической науки к современным вызовам.

В общем, данное исследование имеет многоуровневую актуальность:

- На теоретическом уровне оно углубит понимание природы права;
- На методологическом - выявит универсальные научные подходы;
- На практическом - создаст основу для решения современных проблем.

Из всего этого вытекает цель этой статьи – проанализировать методологический параллелизм в конструировании абстрактных понятий права у Гуго Гроция и Томаса Гоббса, а также исследовать взаимосвязь данного процесса с формированием идеальных объектов в контексте классической науки семнадцатого столетия.

Для достижения выше поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- Изучить основные концепции естественного права у Гуго Гроция и Томаса Гоббса;

- Рассмотреть, как основные концепции данных исследователей успешно гармонировали с другими сферами науки семнадцатого века.

Данное исследование будет полезно преподавателям истории политических и правовых учений, методистам для разработки учебных программ по истории правовой мысли, научным работникам, занимающимся исследованиями методологии правоведения.

Итак, естественное право согласно взглядам Гуго Гроция представляет собой предписание здравого разума, то есть основывается на неких универсальных принципах, доступных каждому человеку через его разум и моральное сознание [7, с. 8].

Следует отметить, что он выделял такие предписания естественного права, как:

- Воздержись от присвоения чужого;
- Верни чужую вещь, если она оказалась в твоём владении;
- Возмести выгоду за пользование чужой вещью;
- Договора должны выполняться;
- Возмести ущерб, причинённый по твоей вине;
- Должно происходить воздаяние людям их заслуженного наказания.

Из этого вытекает, что право у Гроция подразумевает под собой именно обязанность, направленную на то, чтобы человек не нарушал запретов, либо стремился исполнить определённое предписание [2, с. 12-16].

Следует отметить и то, что данный учёный противопоставлял естественное право волеустановленному, если первое было независимым от воли людей и каких-либо божественных установлений, то второе создавалось именно тем или иным государством и отображалось в различных нормативных актах.

Но, самое главное, данный исследователь старался придать юриспруденции статус точной науки путём использования методов, схожих с математическими – дедукцию, логическую строгость и так далее. Например, он применял такие подходы, как:

- Аксиоматический подход, представляющий собой метод изучения, который основывается на дедуктивном рассуждении, от общих принципов к определённым конкретным выводам. Иными словами, в основе рассуждений данного исследователя находились логические принципы, которые были аналогичными математической аксиоматике [2, с. 12-16].

- Абстрагирование, Гроций при изучении права полностью отвлекался от каких-либо исторических, культурных, политических условий, тем самым стремясь создать некую «чистую» правовую модель. Иными словами, он его рассматривал в абстрактной форме, игнорируя какие-то отдельные факты, касающиеся права, то есть поступал как те

же математики, которые изучали фигуры, но при этом не вдавались в детали конкретных тел. Для наглядности приведём следующие слова Г. Гроция: «Ибо, откровенно признаюсь, что, говоря о праве, я отвлекаюсь мыслью от всякого отдельного факта, подобно математикам, которые рассматривают фигуры, отвлекаясь от тел» [5, с. 41].

- Универсализм – нормы естественного права у этого исследователя имели всеобщий характер и могли быть применены во всех сферах. Данный факт подтверждается следующими словами: «Нормы естественного права, диктуемые потребностью разумного общежития, являются общеобязательными и незыблемыми, они везде одинаковы, и не могут быть изменены «даже самим богом»» [4, с. 72].

Из всего этого вытекает то, что концепция естественного права Гроция, действительно, перекликается с методами классической науки семнадцатого столетия, в особенности с математикой и физикой. Например, Галилео Галилей ввёл такое понятие, как «идеальная поверхность» для того, чтобы изучать движение, а тот же Г. Гроций создал «идеальную модель» естественного права. Иными словами, оба данных исследователя задействовали в своих изысканиях принцип идеальности – первый для идеализации физических моделей, а второй – для того, чтобы создать идеальную модель в правоведении.

Что касается Т. Гоббса, то он сделал акцент на социальном и политическом контексте возникновения права, введя такой термин, как «естественное состояние», который подразумевал под собой гипотетическую модель общества, существовавшую ещё до возникновения государственности, в связи с этим в нём царила «война против всех» [3, с. 6].

Ключевыми же элементами методологии данного исследователя следует считать:

- Идеализацию, естественное состояние Гоббса, не историческая реальность, а мысленная конструкцию, которая позволяет логически вывести государственность как необходимую форму, способствующую преодолению хаоса и служащую безопасностью для общества;

- Антропологию, в основе учения этого исследователя лежат представления о низменности человеческой природы, которая заключается в том, что в каждом человеке есть такие качества, как эгоизм, трусость, склонность к предательству, подлость и так далее.

- Абсолютизм, для обеспечения порядка в государстве необходима абсолютная власть, которая как устанавливала бы, так и поддерживала правовые нормы;

- Контекстуальность – в отличие от Гроция, Гоббс отчётливо подчёркивал зависимость права от различных социальных условий, а также от политической организации государства.

Если проводить параллели концепции Т. Гоббса с наукой семнадцатого века, то следует подчеркнуть, что он занимался конструированием идеальной модели «естественного состояния», как и физики того времени, например, Эванджелист Торричелли создававший идеализированные концепции в своей сфере. Более того, и у того, и у другого слишком много общего – они оба стремились к систематизации знаний, в своих исследованиях использовали эмпирические данные и практические методы [1, с. 255-256].

Таким образом, наследие Гуго Гроция и Томаса Гоббса, действительно, является очень важными, в особенности для современного правоведения, ведь их методический подход к осмыслению права, тесно связанный с научными парадигмами семнадцатого века, предоставляет собой ценные инструменты для анализа и решения комплексных задач, стоящих перед юридической наукой сегодня. Изучение же их трудов не только углубляет понимание природы права, но и предлагает практические ориентиры для развития правовых систем в будущем.

Список цитируемой литературы:

1. Баландин, Р. К. Кто есть кто в мире науки / Р. К. Баландин. – М.: Издательский дом «Вече», 2012. – 384 с.

2. Батиев, Л. В. Гуро Гроций о естественном праве в широком и узком смыслах / Л.В. Батиев // Философия права. - 2013. - № 5 (60). – С. 12-16.

3. Горяинов, О. В. Особенности естественно-правовой теории Т. Гоббса в контексте метафизики человека / О.В. Горяинов // Актуальные проблемы российского права. – 2008. - № 1 (6). – С. 4-10.

4. Гроций, Г. О праве войны и мира / Г. Гроций; под общ. ред. С. Б. Крылова. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.

5. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства: учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. – 560 с.

6. Тонких, А. А. Сущность и историческое развитие концепции естественного права в научной юриспруденции / А.А. Тонких, В.В. Соловьева // Новый юридический вестник. – 2025. - № 4 (46). – С. 21-22.

7. Тонких А. А. Учение Гуго Гроция о государстве и праве юриспруденции / А.А. Тонких, В.В. Соловьева // Новый юридический вестник. – 2025. - № 4 (46). – С. 7-9.

8. Тюпина, А. Н. Современное право и государство в условиях глобализации / А.Н. Тюпина // Молодой учёный. – 2024. – № 48 (547). – С. 462-465.

Гревцев Е.А., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Кузнецова Н.Н., канд. юрид. наук, доц.

ПРИНЦИП ФЕДЕРАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В статье рассматриваются конституционно-правовые механизмы реализации принципа федерализма в Российской Федерации. Особое внимание уделяется правовым инструментам разграничения предметов ведения и процедурам взаимодействия федерального центра с субъектами Федерации.

Ключевые слова: федерализм, публичная власть, распределение власти, власть в субъектах, разграничение власти.

В отечественном государственном устройстве принцип федерализма выполняет ключевую системообразующую функцию, обеспечивая баланс между централизованным управлением и региональной автономией. Механизмы распределения публичной власти способствует учету этнокультурных, экономических и территориальных особенностей субъектов Российской Федерации. В свою очередь, это создает основу для гармоничного развития регионов в рамках единого правового пространства, сохраняя при этом их уникальность.

Сохраняющийся дисбаланс системы распределения властных полномочий, где наблюдаемая тенденция к централизации противоречит конституционным гарантиям федерализма порождает конфликты и ограничения региональной самостоятельности в решении вопросов местного значения.

До событий 1917 г. федеративное устройство формально сочеталось с жесткой централизацией управления, где реальные властные полномочия концентрировались в руках центральных органов. Современный же этап российского федерализма начался с принятия Конституции 1993 г., закрепившей асимметричную модель федеративного устройства (с сочетанием конституционного и договорного регулирования). Особенностью этого периода стало заключение двусторонних договоров между федеральным центром и субъектами Федерации, что породило неравенство в их правовом статусе [5, с. 290]. Несмотря на провозглашенные принципы равноправия субъектов, фактическое распределение полномочий демонстрировало тенденцию к централизации властных функций.

Ст.ст. 71-73 Конституции РФ детально регламентируют разграничение предметов ведения между федеральным центром и субъектами Федерации [1]. Данное разграничение создает т.н. «систему сдержек и противовесов», обеспечивающую баланс интересов различных уровней публичной власти. Установленный механизм распределения компетенций служит правовой основой для построения эффективной модели федеративных отношений.

Кроме того, Конституцией РФ установлены принципы разграничения предметов ведения и полномочий в качестве фундаментальной основы федеративного устройства государства: ст.ст. 71 и 72 детально регламентируют сферы исключительного ведения федерального центра и совместной компетенции, создавая правовую основу для распределения властных полномочий. Данные положения обеспечивают баланс между единством государственной власти и самостоятельностью регионов в решении вопросов местного значения. Закрепленный конституционный механизм служит гарантией сохранения территориальной целостности при одновременном развитии регионального самоуправления.

Конституционные нормы дифференцируют три уровня компетенции: исключительные полномочия Российской Федерации, совместные предметы ведения и самостоятельные полномочия субъектов федерации. Ст. 73 Конституции РФ закрепляет, что «вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти» [1]. Четкое нормативное закрепление предметов ведения позволяет минимизировать конфликты юрисдикции между центром и регионами.

Правовые акты субъектов Российской Федерации развивают федеральные нормы в рамках установленной компетенции, обеспечивая адаптацию к региональным особенностям. Региональное законодательство конкретизирует порядок осуществления переданных полномочий с учетом местной специфики. Такое регулирование позволяет оптимизировать управленческие процессы, сохраняя единство правового пространства. При этом региональное нормотворчество осуществляется в строгом соответствии с федеральным, что, в свою очередь, предотвращает противоречия в системе публичной власти [6, с. 66].

В современной российской практике наблюдается устойчивая тенденция к централизации публичной власти в стратегических сферах государственного управления. Данный процесс проявляется в усилении координации федеральным центром вопросов обороны, безопасности и внешней политики через механизмы вертикали власти. Кон-

ституционное закрепление исключительных полномочий Российской Федерации создает правовые основания для концентрации управленческих решений на федеральном уровне [2, с. 380].

Параллельно с централизационными процессами сохраняются элементы децентрализации в реализации социально-экономических и культурных программ регионального уровня. Субъекты Федерации обладают самостоятельностью в разработке и внедрении проектов развития территорий с учетом местной специфики, что особенно заметно в сферах образования, здравоохранения и культурной политики. Данный подход позволяет адаптировать общегосударственные стратегии к региональным особенностям при сохранении единства базовых стандартов.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 9. – Ст. 851.

2. Ахмедов, К. К. Современная практика реализации федералистских принципов в России / К. К. Ахмедов // Молодой ученый. – 2020. – № 18 (308). – С. 379-381.

3. Бендюрина, С.В. Обзор монографии «Федерализм, верховенство права и права человека» / С.В. Бендюрина // Российское право: образование, практика, наука. – 2024. – №1. – С. 88-93.

4. Заякин, В. Г. Современные проблемы распределения полномочий между органами власти Российской Федерации и ее субъектов / В. Г. Заякин // Молодой ученый. – 2020. – № 51 (341). – С. 202-204.

5. Печегина, А. Ю. Особенности федерализма в Российской Федерации / А. Ю. Печегина // Научный журнал «Эпомен». – 2021. – № 58. – С. 289-294.

6. Томилин, О. О. К вопросу об организации публичной власти в субъектах Российской Федерации / О. О. Томилин // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. – 2021. – № 6. – С. 65-69.

Климова Е.Н., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Соловьева В. В., д. и. н., профессор

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ: СПЕЦИФИКА ЕЁ СООТНОШЕНИЯ С ПРАВОВОЙ ДОКТРИНОЙ И ИДЕОЛОГИЕЙ

Аннотация

В статье исследуется место юридической науки в структуре правового сознания. Раскрываются понятия правовой доктрины и правовой идеологии, их общие черты и различия. Обосновывается, что юридическая наука занимает особое рефлексивное положение по отношению к доктрине и идеологии, выступая одновременно их источником и критическим фильтром. Делается вывод о необходимости разграничения когнитивного, нормативно-ценностного и идеологического измерений в правовом сознании.

Ключевые слова: юридическая наука, правовое сознание, правовая доктрина, правовая идеология, правовая идеология, научная объективность, правовая культура.

Правовое сознание - сложный феномен, включающий обыденные представления, профессиональное мышление, научные теории, доктринальные установки и идеологические конструкции. Юридическая наука претендует на статус производителя объективного, системного и верифицируемого знания, однако её функционирование неразрывно связано с правовой доктриной (совокупностью авторитетных концепций) и правовой идеологией (ценностно-политическими взглядами). Цель статьи - выявить специфику соотношения науки с доктриной и идеологией, границы их взаимовлияния и условия сохранения научного характера познания [4, 864].

Более продуктивной, чем традиционное деление на обыденное, профессиональное и научное сознание, представляется структура из трёх компонентов: правовая психология (эмоционально-чувственный уровень), правовая идеология (теоретически оформленные ценностные системы) и юридическая наука (критическое, рефлексивное знание, ориентированное на истину). Наука занимает метапозицию: она не только отражает правовую реальность, но и анализирует структуру правового сознания, включая доктрину и идеологию. Этим она отличается от доктрины, которая сама чаще всего является предметом научного анализа [3, 288].

Правовая доктрина - это система господствующих теоретических положений и толкований, признаваемых авторитетными. Её ключевые черты: авторитетность (а не доказательность), практическая направленность и относительная консервативность. Соотношение науки и доктрины амбивалентно: наука питает доктрину (новые концепции со временем становятся доктринальными), но доктрина может тормозить научный прогресс, канонизируя устаревшие взгляды. Ключевое различие: наука допускает плюрализм конкурирующих теорий, доктрина стремится к единообразию. Наука - «фабрика» альтернатив, доктрина - «фильтр» авторитетных интерпретаций [2, 848].

Правовая идеология - систематизированная часть правового сознания, выражающая интересы социальных групп и обосновывающая желаемое правовое устройство. В отличие от науки, идеология всегда партийна: она служит легитимации или критике правопорядка, а не поиску истины. Соотношение науки и идеологии наиболее конфликтно. Возможны три модели. Первая - идеологизированная наука (советская юриспруденция, национал-социалистическое право): наука утрачивает автономию, подменяя истину классовым или партийным интересом. Вторая — научно обоснованная идеология: идеология заимствует у науки методы и данные, но сохраняет ценностную ангажированность. Третья - дистанцированная наука: наука изучает идеологию как объект, не становясь её частью. В современном правоведении доминируют вторая и третья модели в разных пропорциях. Полная дистанция невозможна, поскольку выбор объекта исследования уже ценностно нагружен.

Наука, доктрина и идеология различаются по целевой направленности. Наука ориентирована на поиск объективной истины, познание права как социального феномена. Доктрина преследует практическую задачу - обеспечение единства понимания и применения права. Идеология нацелена на легитимацию или критику правопорядка с позиции определённых групп [1, 707].

По критерию обоснованности различия также очевидны. Наука опирается на доказательность, верификацию и логическую непротиворечивость. Доктрина использует критерий авторитетности, традиции и признания профессиональным сообществом. Идеология исходит из соответствия групповым интересам или из аксиоматических постулатов, не подлежащих эмпирической проверке.

По отношению к плюрализму различия наиболее остры. Наука поощряет конкуренцию теорий. Доктрина стремится к унификации, маркируя отклонения как «недоктринальные». Идеология в авторитарных системах требует монополии на истину; в демократических возможен плюрализм как соревнование разных идеологий.

По связи с юридической практикой наука воздействует опосредованно (через образование, экспертизу). Доктрина имеет непосредственную связь: судьи ссылаются на доктринальные толкования, законодатель учитывает доктринальные разработки. Идеология связана с практикой политически - через партийные программы и законодательную деятельность.

Границы между наукой, доктриной и идеологией подвижны. Научные труды могут становиться доктринальными источниками (например, труды Савиньи или Шершеневича). Идеологические лозунги способны превращаться в доктринальные принципы (идея разделения властей). Одна работа может одновременно содержать науку, доктрину и идеологию [6, 698].

Однако методологически важно эти феномены различать. Подмена доказательства ссылкой на авторитет - доктринальный ход; обоснование политической целесообразностью - идеологический. Наука сохраняет идентичность лишь постольку, поскольку способна критически дистанцироваться от доктринальных авторитетов и идеологических требований [5, 650].

Главный риск - сциентистское самоослепление, когда ценностные суждения выдают за нейтральные описания (например, утверждение «частная собственность естественна» – не научный факт, а доктринально-идеологический постулат). Условия сохранения научного характера: рефлексивность, институциональная автономия, методологический плюрализм и этическая нейтральность (различение сущего и должного).

Юридическая наука занимает уникальное положение в правовом сознании: в отличие от доктрины, она не требует безоговорочного признания; в отличие от идеологии, не служит групповым интересам. Однако наука не существует в вакууме: она питает доктрину и функционирует в пространстве идеологических смыслов. Её задача - сохранять критическую дистанцию, превращая доктрину и идеологию в предмет беспристрастного анализа. Только тогда юриспруденция остаётся наукой, а не формой идеологической работы или комментированием авторитетов.

Список цитируемой литературы:

1. Вебер, М. Наука как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения / М. Вебер. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 707–735.

2. Нерсесянц, В.С. Философия права / В.С. Нерсесянц. – Москва: Норма, 2019. – 848 с.

3. Овчинников, А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме / А.И. Овчинников. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002. – 288 с.

4. Поляков, А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода / А.В. Поляков. – Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – 864 с.

5. Честнов, И.Л. Постклассическая теория права / И.Л. Честнов. – Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2012. – 650 с.

6. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. – Москва: Издание Бр. Башмаковых, 1911. – 698 с. – (Репринт: Москва, 1995).

Князева Т.Ю., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Соловьева В. В., д-р ист. наук., профессор

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И МОРАЛИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ТЕЗИС О РАЗДЕЛЕНИИ (SEPARABILITY THESIS) КАК ЯДРО ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы соотношения права и морали в аналитической юриспруденции. Исследуется смысловое содержание тезиса о разделении права и морали в аналитической юриспруденции как направлении правового позитивизма. Акцентировано внимание на идеях основоположника аналитической юриспруденции философа и теоретика права Джон Лэнгшо Остина. Кроме этого, рассмотрены основные взгляды английского философа и правоведа Иеремия (Джереми) Бентам на право и мораль как яркого представителя правового позитивизма.

Ключевые слова: аналитическая юриспруденция, юридический позитивизм, право, мораль, закон, моральная оценка, общество, полезность.

Проблема соотношения права и морали как социальных категорий имеет особое значение в правовой философии в призме регулирования общественных отношений. Вопрос соотношений права и морали является дискуссионной темой и учёные, занимающиеся философией права выдвигают свои точки зрения и аргументы.

Юридический позитивизм как направление юриспруденции среди множества систематизированных правовых мыслей сосредотачивал

внимание на вопросе взаимозависимости права и морали [5, с. 83]. Представители данного направления правовой мысли отрицали взаимосвязь права и морали и придерживались мнения объективности их разделения. Именно данная точка зрения занимала центральное место в развитии идей представителей правового позитивизма.

Аналитическая юриспруденция является преобразованной формой юридического позитивизма, специфической чертой данного направления научной мысли является ориентация на аналитическое изучение права и связанных с ним категорий с целью всестороннего анализ объекта или явления. Следовательно, цель аналитического позитивизма – это формирование полноценного представления о правовом явлении или объекте, начиная от его природы и заканчивая его целостным развитием. В рамках аналитической юриспруденции как направлении правового позитивизма право и мораль исследовались раздельно как обособленные явления правовой философии.

Тезис о разделении права и морали по своему смысловому содержанию отражает полное отсутствие взаимной зависимости и общности. Таким образом, в рамках аналитической юриспруденции мораль как этическая категория не является содержательным компонентом права, не влияет на его формирование совместно с иными источниками права [3, с. 117].

Создателем идеологии аналитической юриспруденции является британский философ и теоретик права Джон Лэнгшо Остин. Основными трудами ученого, излагающим мысли и тезисы, попадающие в рамки правового позитивизма, были «Лекции о юриспруденции, или философии позитивного закона», «Определение предмета юриспруденции», которые в последующем оказали существенное влияние на развитие правовой науки. Исследуя вопрос о соотношении права и морали, Джон Остин разделял их на два самостоятельно существующих явления в обществе, полагая, что право формируется, основываясь на нормах поведения общеобязательного характера, а мораль не является исключительно неотъемлемым элементам права.

Исследуя право Остин, исходил из его формального содержания, придерживаясь мнения, что оно не нуждается в моральной оценке, которая не соотносится с принципами научной концепции права, так как мораль относится к категории этики как философской дисциплины.

По Остину источником права является распоряжение лица, представляющего верховную власть в государстве, которая выступает в качестве правовой нормы и в случае её нарушения наступает определенное соразмерное наказание. По мнению философа, ключевой категорией юриспруденции является сам по себе закон, а не оценка его содержания, в том числе с точки зрения моральных принципов, а соответственно и справедливости.

Так, Дж. Остин писал: «Существование закона – это одно, а его достоинства или недостатки – совсем другое. Вопрос о том, существует ли закон, – это одно, а вопрос о том, должен ли он существовать и соответствует ли он заданному или предполагаемому критерию, – это совсем другое» [2, с. 185].

Джон Остин в своей правовой теории выделял такую категорию как «позитивная мораль», не являющеюся предметом юриспруденции наравне с позитивным правом. Раскрывая суть позитивной морали, философ писал, что источником её утверждения не является верховная власть, принципы морали формируются самими людьми в социуме в пределах их общественного поведения. К позитивной морали по учению Остина относились такие морально-этические принципы как честность, порядочность, уважительное поведение, добросовестность и т.д. В трудах Остина можно увидеть приверженность взглядов на то, что позитивное право свои формальным и общеобязательным характером может не соотносится с принципами морали и религии, но все это не лишает его функционального назначения и законной силы.

Английский философ и правовед Иеремия (Джереми) Бентам является одним из ярким представителей правового позитивизма, идеи которого в области права оказали существеннее влияние на развитие аналитической юриспруденции [6, с. 58].

Иеремия (Джереми) Бентам с точки зрения общественного регулирования право и мораль относил к разным самостоятельным сферам. Он полагал, что право выражается в законе, который должен соответствовать принципу полезности для общества, если это принцип не выполняется закон не имеет право на существование. Мораль Бентам также соотносит с критерием полезности, но в другом обличии: «достижение пользы, выгоды, удовольствия, добра и счастья». Разделяя сферы регулирования права и морали, правовед писал: «судьи должны издавать законы, а священники проповедовать Евангелие» [1, с. 10].

Следовательно, Бентам цель права видел в достижении общественного порядка и стабильности развития, а цель действия морали в достижении человеческого счастью и пользе.

Таким образом, тезис о разделении права и морали является основополагающей идеей аналитической юриспруденции как направления правового позитивизма. Смысловое содержание в рамках данной правовой идеологии состоит в том, что мораль существует отдельно от права, каждая категория имеет свою сфере регулирования и источник происхождения. При этом моральные принципы могут закладывать в основу идей права, но моральная оценка не является обязательным компонентом позитивного права.

Список цитируемой литературы:

1. Александрова, А. В. Правовые воззрения Иеремии Бентама и их влияние на британское пенсионное законодательство / А.В. Александрова // Вестник МГПУ «Юридические науки». – 2025. – № 4 (60). – С. 7-15.
2. Иванов, А. Е. Концепция суверена в теории Дж. Остина / А.Е. Иванов // Вестник Московского университета. – 2023. – № 5. – С. 183-204.
3. Иконникова, Г. И. Философия права : учебник для вузов / Г. И. Иконникова, В. П. Ляшенко. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 298 с.
4. Ранний юридический позитивизм в Англии, Германии и Испании второй половины XIX – начала XX века : антология / А.М. Михайлов, А.М. Корженяк, А.П. Зройчикова, А.А. Костикова. – Москва : ИНФРА-М, 2021. – 200 с.
5. Селютина, Е. Н. История и методология юридической науки : учебник и практикум для вузов / Е. Н. Селютина, В. А. Холодов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 203 с.
6. Сорокина, Ю. В. Соотношение права и морали в современной философии права / Ю.В. Сорокина // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2020. – №3 (42). – С. 56-61

Лахтин А.И., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель –Рыжкова И.Д., канд. юрид. наук

НОРМЫ ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ КОНСТРУКЦИИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ

Аннотация

В статье выявлены основные теоретические и практические проблемы конструирования норм права и их реализации, а также определены направления совершенствования юридической техники.

Ключевые слова: норма права; правовое предписание; реализация правовых норм; правило поведения; закон; правоприменение; механизм действия.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной теории государства и права сохраняется значительный разрыв между

идеальной логической моделью правовой нормы и её реальным текстуальным воплощением в нормативных правовых актах. Как справедливо отмечает М. Л. Давыдова: «ключевая проблема заключается в различении «нормы права» как идеальной модели и «правового предписания» как реальной единицы текста закона» [1, с. 152]. Именно этот разрыв порождает многочисленные дефекты правового регулирования, снижающие эффективность реализации правовых норм.

В теории государства и права традиционно выделяется трёхэлементная структура нормы права: гипотеза (условия действия), диспозиция (само правило поведения) и санкция (последствия нарушения). С. С. Алексеев определял норму права как «логически завершённое правило поведения, которое рассчитано на многократное применение и обеспечено государственным принуждением» [2, с. 231].

Однако на практике законодатель редко помещает все три элемента в одну статью закона. Чаще всего статья содержит лишь фрагмент логической нормы, а правоприменитель вынужден реконструировать недостающие элементы из других статей, разделов или даже нормативных актов. Такая «разорванность» нормативного материала создаёт серьёзные препятствия для правильного уяснения смысла правового предписания.

Одной из наиболее острых проблем построения конструкции нормы права является неопределённость её элементов. Если гипотеза сформулирована размыто, субъект права не может чётко определить, при каких именно обстоятельствах у него возникают права и обязанности. Если диспозиция содержит оценочные понятия («разумный срок», «добросовестность», «существенный вред»), это открывает широкий простор для субъективного усмотрения правоприменителя. Если же санкция не определена или сформулирована альтернативно без чётких критериев выбора, то юридическая ответственность становится непредсказуемой, что подрывает принцип правовой определённости и равенства всех перед законом.

Логические противоречия - тоже дефект нормативной конструкции. Они бывают между частями одной нормы или между разными нормами. Часто одна статья закона говорит одно, а другая - прямо противоположное. Тогда правоприменителю приходится выбирать. Но критерии выбора (например, что специальная норма важнее общей или что закон большей силы выше закона меньшей силы) не всегда понятны. Для их применения нужны дополнительные знания. Есть и другая проблема - избыточность норм. Законодатель нередко повторяет одни и те же правила в разных статьях или даже законах. Это не помогает, а мешает понять, что же хотел сказать законодатель. Бывает и так, что в нормативных актах до сих пор числятся положения, которые давно

устарели, но формально не отменены. Такие «мёртвые» нормы засоряют правовую систему. Они опасны для правоприменителя: он может по ошибке применить то, что уже не работает.

Теперь о том, как нормы реализуются. Реализация - это когда абстрактное правило превращается в реальные действия людей. В. В. Лазарев в своём фундаментальном труде указывал на: «сложности «перевода» абстрактной нормы в конкретное решение» [3, с. 91].

Эти сложности многократно возрастают, когда норма содержит оценочные понятия или сформулирована с использованием отсылочных и бланкетных конструкций.

Реализация правовых норм осуществляется в нескольких формах: соблюдение, то есть воздержание от запрещённых действий, исполнение, то есть совершение предписанных активных действий, использование, то есть реализация субъективных прав и применение, то есть властная деятельность компетентных органов по разрешению конкретного дела. Наибольшее количество проблем возникает именно в сфере правоприменения. Здесь наиболее отчётливо проявляется разрыв между абстрактной нормой и конкретной жизненной ситуацией.

Правоприменитель, то есть судья, следователь или должностное лицо, вынужден каждый раз интерпретировать норму применительно к уникальным обстоятельствам дела. Эта интерпретация может быть буквальной, то есть смысл нормы ясен, расширительной, делает смысл шире текста или ограничительной, делает смысл уже текста. Отсутствие единообразных подходов к толкованию, особенно при использовании оценочных понятий, ведёт к нарушению принципа правовой определённости и равенства.

Так, Ю. А. Тихомиров обращает внимание на ещё один важный аспект: «механизм действия нормы, включая проблемы её дисфункций, когда норма принята, но не реализуется из-за отсутствия механизмов приведения в действие или противоречия с неформальными правилами поведения» [4, с. 147].

В российской правовой системе немало так называемых «спящих» норм - предписаний, которые формально вступили в силу, но не применяются на практике из-за отсутствия необходимых подзаконных актов, процедур или институтов.

Ещё одна проблема реализации - низкая правовая культура населения. Граждане часто не знают своих прав и обязанностей. Даже идеально сконструированная норма остаётся мёртвой буквой, если люди не осведомлены о её содержании и не имеют мотивации к её соблюдению. Поэтому важнейшим условием эффективной реализации выступает не только совершенство юридической техники, но и системная правопросветительская работа, а также создание действенных стиму-

лов для правомерного поведения, позитивных в виде льгот и преимуществ, и негативных в виде неотвратимости санкций за нарушение.

В заключение следует отметить, что проблемы построения конструкции норм права и их реализации тесно взаимосвязаны. Дефекты юридической техники на стадии правотворчества неизбежно оборачиваются трудностями и ошибками на стадии реализации. Для преодоления указанных проблем предлагаются следующие направления: во-первых, совершенствование законодательной техники, включая более широкое применение правил логики при конструировании гипотез, диспозиций и санкций; во-вторых, развитие судебного толкования и обобщение судебной практики по применению оценочных понятий; в-третьих, систематический мониторинг эффективности действующих норм с последующим устранением выявленных дефектов, включая признание утратившими силу устаревших предписаний. Только комплексный подход позволит сократить разрыв между нормативной моделью и её реальным воплощением в общественных отношениях.

Список цитируемой литературы:

1. Давыдова, М. Л. Нормативно-правовое предписание: природа, типология, технико-юридическое оформление. / М.Л. Давыдова – СПб.: юрид. Центр Пресс, 2009. – 214 с.

2. Алексеев, С. С. Общая теория права: учебник. / С.С. Алексеев – 2-е изд. – Москва: Проспект, 2009. – 576 с.

3. Лазарев, В. В. Применение советского права. / В.В. Лазарев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 200 с.

4. Тихомиров, Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю. А. Тихомиров; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Российское правотворческое о-во. — Москва: Формула права, 2010. – 398 с.

Малащенкова А.В., студент
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва
Научный руководитель - Шауро И.Г., канд. юрид. наук, доц.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ НЮРНБЕРГА: САМОУБИЙСТВО ГЕРИНГА ПЕРЕД ВИСЕЛИЦЕЙ И «ПРИТВОРНОЕ БЕЗУМИЕ» ГЕССА

Аннотация

В статье анализируются события Нюрнбергского процесса – самоубийство Германа Геринга и амнестическое поведение Рудольфа Гесса. На основе дневников Г. Гилберта, тестов Д. Келли, материалов Международного военного трибунала и Лондонского устава 1945 года рассматривается структура нарциссического расстройства Геринга и истерической амнезии Гесса. Самоубийство Геринга следует интерпретировать как последнее контролируемое действие с целью восстановления иллюзии всемогущества. Симуляция Гесса со временем трансформировалась в подлинную болезнь.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс; Герман Геринг; Рудольф Гесс; нарциссическое расстройство личности; симуляция психического расстройства; Международный военный трибунал.

В истории XX века, пожалуй, не найти более мрачного и одновременно интригующего зрелища, чем Нюрнбергский процесс. Он стал важнейшим событием в истории международного правосудия. Этот процесс проходил с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года. За это время перед судом предстали 24 главных военных преступника нацистской Германии. Среди них были и Герман Геринг, и Рудольф Гесс, и Иоахим фон Риббентроп и другие известные личности.

Процесс имел огромное юридическое значение, ибо впервые в истории целая государственная структура была признана преступной. С правовой точки зрения Нюрнбергский трибунал заложил основы современного международного уголовного права, в частности – принципа персональной ответственности высших должностных лиц, впоследствии закреплённого в Римском статуте Международного уголовного суда 1998 года [1, ст. 25, 27]. Однако Нюрнберг стал чем-то большим. Его часто рассматривают не только с исторической, правовой, политической, но и с психологической точки зрения. Именно здесь развернулась напряжённая работа юристов, психиатров, психологов. Ключевыми фигурами были Дуглас Келли и Густав Гилберт. Их задача состояла в диагностике вменяемости подсудимых.

Решение о создании Международного военного трибунала было принято задолго до окончания войны. В октябре 1943 года министры иностранных дел СССР, США и Великобритании подписали Московскую декларацию, предусматривавшую наказание нацистских преступников. Эта декларация стала первым политико-правовым обязательством союзников судить главных военных преступников [2, с. 12].

Окончательный документ о создании трибунала был подписан 8 августа 1945 года в Лондоне представителями четырёх держав – СССР, США, Великобритании и Франции. Лондонский устав определил четыре вида преступлений: преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности и заговор для совершения этих деяний [3, ст. 6]. Юридическим новшеством Устава стало положение о том, что должностное положение подсудимого не является основанием для смягчения наказания (статья 7) [3, ст. 7], а исполнение приказа не освобождает от ответственности, если преступление совершалось сознательно (статья 8) [3, ст. 8].

Судебный процесс состоялся в Нюрнберге во Дворце юстиции. Главными обвинителями выступили Роман Руденко (СССР), Роберт Джексон (США), Хартли Шоукросс (Великобритания) и Франсуа де Ментон (Франция).

Итогом процесса стали обвинительные приговоры в отношении 22 подсудимых, из которых 12 были приговорены к повешению [4, с. 8]. Однако этот процесс породил две главные психологические загадки Нюрнберга: самоубийство Германа Геринга за несколько минут до виселицы и странное поведение Рудольфа Гесса, который на протяжении всего процесса то впадал в амнезию, то внезапно обретал ясность сознания. Главные вопросы: почему Геринг пошёл на такой шаг, и был ли Гесс безумен или же он очень хорошо симулировал? Оба случая стали предметом научного анализа, породили множество гипотез и легенд.

Во время работы Нюрнбергского процесса Густав Гилберт вёл систематический дневник, фиксируя эмоциональные реакции и невербальное поведение подсудимых. Позже он опубликовал этот дневник под названием «Нюрнбергский дневник» [5, с. 45].

Дуглас Келли, напротив, делал упор на количественные методы: применял шкалу интеллекта Векслера-Бельвью и тест Роршаха. Результаты показали, что большинство подсудимых обладали нормальным или высоким интеллектом. Причём чем выше был интеллект, тем изощрённее были попытки оправдать собственные действия.

Обратимся к первому случаю – личности Германа Геринга. Он был ключевой фигурой Третьего рейха: рейхсмаршал, главнокомандующий люфтваффе, а с 1941 года – официальный преемник Гитлера, второй человек в нацистской иерархии. Герингу было предъявлено

обвинение в преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности [3, ст. 6]. В ходе процесса он был признан виновным по всем пунктам. Его личность строилась вокруг власти, социального превосходства и физической силы. На начальном этапе следствия Геринг адаптировался быстрее других: прекратил употребление паракодеина, которым злоупотреблял долгие годы, начал регулярно выполнять физические упражнения. Он отличался высоким интеллектом. Однако в беседах с психиатрами Геринг описывал себя как великого государственного деятеля, а не преступника. Он осознавал обвинения, но искренне не считал свои действия преступными.

30 сентября 1946 года Герингу огласили смертный приговор через повешение, и он подал ходатайство о замене на расстрел. Для него было важно не избежать смерти, а сохранить контроль над обстоятельствами её наступления: повешение считалось позорной казнью, тогда как расстрел – достойным для офицера. Однако Устав Международного военного трибунала в статье 27 предписывал именно повешение как единственную форму смертной казни для главных военных преступников, альтернативы не предусматривались. Согласно статье 26, приговор был окончательным и не подлежал пересмотру [3, ст. 26, 27]. Именно поэтому Геринг решился на самоубийство. Он незаметно получил ампулу с цианистым калием. Обстоятельства её передачи до сих пор остаются предметом расследования [6]. По одной версии, капсулу передал американский офицер охраны Джек Уиллис, по другой – адвокат Геринга, проносивший её в ручке портфеля. Существует даже версия, что ампулу передала жена Эмми во время прощального поцелуя, но это скорее романтическая легенда [7]. Самоубийство произошло 15 октября 1946 года: за несколько часов до казни Геринг разжевал и проглотил капсулу, после чего умер на тюремной койке.

На первый взгляд может показаться, что это импульсивный поступок, но если углубиться, становится понятно: самоубийство было средством восстановления всемогущества. Геринг отказался признать власть суда. По легенде, он написал предсмертную записку: «Рейхсмаршалов не вешают, они уходят сами» [8]. Её подлинность не подтверждена, но она предельно точно передаёт его психологию.

Смерть от собственной руки была для него единственным способом избежать позорной казни. Перед смертью Геринг написал несколько писем семье и бывшим соратникам, где вновь утверждал, что лишь выполнял приказы и защищал Германию. Раскаяния не произошло, и его самоубийство было не актом отчаяния, а последним контролируемым действием.

Теперь перейдём ко второму персонажу, во многом противоположному первому. Рудольф Гесс с 1933 по 1941 год занимал пост замести-

теля фюрера по партии, являясь третьим лицом в нацистской иерархии после Гитлера и Геринга. Он считался «совестью нацизма» и наиболее преданным идеологии функционером. Гесс обвинялся по Статье 6 Лондонского устава в преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности [3, ст. 6]. Однако Трибунал признал его виновным только в преступлениях против мира (заговор и планирование агрессивной войны) и приговорил к пожизненному заключению, не найдя доказательств личной причастности к военным преступлениям и преступлениям против человечности [9, с. 2].

С самого начала следствия Гесс демонстрировал амнезию: отказывался узнавать бывших соратников, не мог ответить на простые биографические вопросы. Обвинители квалифицировали это как истерическую амнезию. Немецкий судья отмечал колебания поведения. К началу Нюрнбергского процесса Гесс уже имел репутацию человека с нестабильной психикой: когда он попал в плен к британцам, там психиатры заподозрили у Гесса паранойяльную шизофрению. В конце 1945 года международная комиссия психиатров постановила, что Гесс вменяем в юридическом смысле, поскольку способен отличать добро от зла и руководить своими действиями. В отчёте также говорилось, что Гесс сознательно преувеличивает симптомы и использует их для самозащиты. Реальное психическое расстройство действительно имело место, но сочеталось с элементами симуляции [10].

30 ноября 1945 года произошёл неожиданный поворот: Гесс заявил на заседании трибунала, что полностью вменяем и симулировал амнезию, чтобы избежать самооговора и не давать показаний против соратников. Он попросил разрешения защищать себя лично. Заявление было связным и логичным, что подтвердило выводы комиссии о его вменяемости [11]. Однако последующие события оказались ещё более странными. Через некоторое время память Гесса снова начала пропадать. В 1946 году наступил период мутизма – полного прекращения речевой коммуникации. Он общался только записками, которые писал дрожащей рукой. Психиатрический консилиум вновь подтвердил диагноз истерического расстройства, но также повторно подтвердил вменяемость.

С позиции юриспруденции этот случай обнажил фундаментальную проблему. Критерий вменяемости, закреплённый в статье 2 Лондонского устава («способность понимать несправедливость своих действий») [3, ст. 2], не учитывал диссоциативные расстройства, при которых человек может формально отличать добро от зла.

Главный вывод из этого случая: симуляция и реальное психическое расстройство не являются взаимоисключающими. Изначально Гесс мог симулировать, однако со временем это трансформировалось в подлинную болезнь [12]. Гесс был приговорён к пожизненному заклю-

чению и отбывал наказание в Шпандау с 1947 по 1987 год. Тюремные врачи фиксировали прогрессирование болезни: у него развились параноидные идеи, он подозревал охрану в попытках отравления. В 1987 году Гесс был найден мёртвым в садовом домике тюрьмы. Официальное заключение гласило о самоубийстве через повешение, хотя некоторые исследователи оспаривают эту версию. Однако факт многолетней психической болезни сомнений не вызывает.

Между главными героями существовала психологическая связь, зафиксированная Гилбертом. Геринг относился к Гессу с пренебрежением и называл его сумасшедшим романтиком, не понимавшим реальной политики. Гесс обвинял Геринга в коррупции и тщеславии. Это напряжение отражает два типа тоталитарной личности. Первый, представленный Герингом, – циничный прагматик, для которого власть была самоцелью. Второй, представленный Гессом, – фанатичный идеолог, для которого власть была служением идее.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что поведение Германа Геринга и Рудольфа Гесса нельзя рассматривать как нечто случайное или сугубо ситуативное. В случае с Герингом его самоубийство стало последней возможностью сохранить нарциссическую идентичность «рейхсмаршала», для которого смерть от руки палача был неприемлема. Что касается Гесса, то этот случай обнаружил недостаточность формального критерия вменяемости, поскольку диссоциативные расстройства позволяли Гессу формально отличать добро от зла, но при этом существенно влиять на его процессуальное поведение. Таким образом, личностные критерии, возникшие в условиях нацистской системы, продолжали определять действия осуждённых даже перед лицом правосудия.

Список цитируемой литературы:

1. Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 25. – Ст. 2654.

2. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 окт. 1943 г.): Сборник документов / Министерство иностранных дел СССР. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 1. – 517 с.

3. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Лондон, 8 августа 1945 г.) [Электронный ресурс] // Dokipedia. – URL: https://dokipedia.ru/info/5193369 – Статьи 2, 6, 7, 8, 26, 27.

4. Наумов, А. В. Нюрнбергский процесс: история и современность / А. В. Наумов // Российская юстиция. – 2006. – № 9. – С. 2–10 ; № 10. – С. 4–12.

5. Гилберт, Г. М. Нюрнбергский процесс глазами психолога / Г. М. Гилберт. – М. : Родина, 2025. – 272 с.

6. Рассказ ветерана: Американская газета узнала, каким образом Герману Герингу удалось избежать виселицы [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2005. – 7 февр. – URL: https://lenta.ru/articles/2005/02/07/goering/

7. Williams, C. Former GI Claims Role in Goering's Death / C. Williams // Los Angeles Times. – 2005. – February 7.

8. 70 лет Нюрнбергскому процессу: первым на виселицу отправился главный пропагандист Третьего Рейха, желавший выселить евреев на Мадагаскар (ФОТО) [Электронный ресурс] // Новый День. – 2015. – 20 нояб. – URL: https://newdaynews.ru/ekb/rabkrin/549631.html

9. Оглашение приговора главным немецким военным преступникам // Правда. – 1946. – 2 октября. – № 234. – С. 2.

10. «Отчет и заключение медицинских экспертов, обследовавших Гесса» ; «International Military Tribunal "Blue Series," Vol. 1».

11. Обсуждение вопроса о вменяемости Гесса. Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 30 ноября 1945 г. [Электронный ресурс] // Docs.HistoryRussia.org. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163331

12. Тайны Нюрнбергского процесса не раскрыты и 50 лет спустя [Электронный ресурс] // Тюменский курьер. – 1995. – 21 окт. – URL: https://tm-courier.ru/1995/10/21/tajny-nyurnbergskogo-proczessa-ne-raskryty-i-50-let-spustya-2/

Плеснякова А.Ю., Рассолова Е.О., студенткки
АНО ВО «Российский новый университет», Елецкий филиал, г. Елец
Научный руководитель – Плеснякова В.Н., канд. полит. наук, доц.

ПРОБЕЛЫ В ПРАВЕ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Аннотация

В статье исследуется одна из центральных проблем теории государства и права — пробелы в праве. Рассматриваются причины их появления, а также основные способы преодоления в российской правовой системе, к числу которых относятся нормативное и казуальное восполнение. Отдельное внимание уделено различным основаниям классификации правовых пробелов.

Ключевые слова: право, правовые отношения, правовая система, правотворчество, государственные органы, правоприменение, пробелы, толкование права, казус.

Динамичное развитие общественных отношений, а также ошибки, допускаемые в процессе правотворчества, значительно увеличивают численность и меняют характеристики недочетов в правовых структурных составляющих. Зачастую определяемые пробелы, которые типично проявляются в праве, дают возможность увидеть несовершенство в формулировках правовых норм, в недостаточном правовом самосознании. Наблюдаются неверные толкования правовых актов, ошибки и недочеты в правоприменении. Необходимо указать на то, что юридическая наука и ее составляющие развивается достаточно стабильно, но порой не интенсивно.

Российская юридическая доктрина в качестве основополагающей признает постулат, который содержит утверждение об отсутствии или же недостаточности в праве нормативных указаний на разрешение ситуаций, которые являются реальными и жизненными. Соответственно, правовые пробелы должны быть в зоне регулирования права и получать объективное юридическое разрешение. В юридической науке ведутся дискуссии, которые во главу угла ставят терминологические обозначения правовых пробелов. Определения предела указанного раздела отношений в обществе обязательно должны урегулированы на строго правовой основе [1, с. 242].

Сфера регулирования правовых отношений включает многочисленные направления, которые требуют упорядоченных юридических постулатов. Данные правовые отношения должны контролироваться уполномоченными органов юрисдикции, включающих многочисленные правовые субъекты. При этом в данном контексте допускаются различные государственные меры воздействия. Такого рода действия весьма значимы для развития правовых отношений в государстве, а также для иных участников правовых отношений.

Установлена теоретическая возможность законодателя принимать правовые акты любой направленности, но при этом в случае расхождения в содержании таких актов и не соответствии условиям, которые были предварительно указаны, то данные акты не будут являться полноценными элементами правовой системы, которая действует в стране. А в некоторых случаях практическая реализация таких актов приносит минимальный результат. Процесс деятельности по правотворчеству предполагает складывание и уточнение пределов, которые контролируют правовое регулирование. Необходимость точного определения данного регулирования дает возможность разделить общественные отношения, которые уже находятся в регулируемом правовом поле и общественные отношения, требующие нормативного оформления. На данном этапе устанавливаются предписания, которые реализуются практически, выявляются различные дефекты и пробелы правового

регулирования, устанавливаются пределы осуществления права, производимые правоприменительными органами.

Данный логико-структурный дефект имеет различные терминологические обозначения. Юристы в России и зарубежом характеризуя его, употребляют различную терминологию. Это и «правовой вакуум», «пустота позитивного права», «недостатки законодательства», «пробел в законе», «пробел в законодательстве» и другие аналогичные смысловые выражения. Но «пробел в праве» является самым содержательным, точным, емким, широким и точным [3, с. 243].

Анализируя существующие в научном мире подходы, можно сделать вывод о существовании различных видов пробелов в правовом поле. Речь идет о выделении пробелов по отраслевой принадлежности к конституционному, гражданскому, уголовному, семейному праву. Классифицировать пробелы необходимо как по смежному, так и по самостоятельному критерию и относить такую классификацию и в материальное, и в процессуальное прав. Пробелы можно найти и в отдельно регулируемых правовых институтах. Правотворческая и правоприменительная деятельность разграничивает пробелы в правовых системах. Это зависит от принадлежности к разным видам права, которые различаются территориально, то есть относятся к российскому, иностранному, международному праву. Необходимо уточнить, что данное право должно подлежать применению в Российской Федерации.

Различение пробелов регулируется также в формальном выражении правовых основ, где данные пробелы подложат выявлению. Имеется в виду применение в различных нормотворческих проявлениях. Это нормативные правовые акты, нормативные договора, обычаи оборота деловых бумаг, судебные прецеденты.

Различные виды нормативных актов позволяют выделить правовые пробелы в законодательной основе. Это законы Конституции, федеральные, подзаконные акты. Пробелы могут наблюдаться и в президентских указах, в правительственных постановлениях, Правительства Российской Федерации, других актах.

Объем пробелов определяется как полный, иногда или существенно абсолютный, частичный, относительно несущественный.

Большое значение имеет классифицированная система пробелов, основанная на поиске и определении конкретного нормативного нарушения, когда есть недоработки в нормах права, дефинициях, юридических сроках, других и регулирующих элементах.

Самостоятельными основаниями выступают принципы разделения пробелов по отсутствию структурных элементов правовых норм. Такие пробелы можно найти в таких составных частях, как диспозиция, санкция.

Пробелы возникают как первичные и вторичные. Иначе их называют первоначальными и последующими. Анализируя возникновение первоначальных пробелов, необходимо указать на их существование в тот момент, когда принимается нормативный акт. На данный момент уже наблюдаются значительные упущения в деятельности правотворческих органов. Как результат - правовое регулирование отсутствует в части общественных отношений. Формирование последующих пробелов происходит значительно позднее, уже на момент появления новых общественных отношений. При этом появляются новые социальные связи и новые неизвестные праву ситуации.

-по причинам возникновения пробелы принято подразделять на объективные и субъективные. Объективные пробелы обычно не зависят от воли субъектов правотворчества, тогда как субъективные являются следствием нарушения правил юридической техники и тактики либо неудачного выражения законодательной воли;

-значимым является и разграничение пробелов на преднамеренные (сознательные) и непреднамеренные (неосознанные). В большинстве случаев пробелы носят непреднамеренный характер. О преднамеренном пробеле можно говорить тогда, когда законодатель сознательно оставляет определенную группу общественных отношений вне правового регулирования на конкретный период времени;

-по способу преодоления различаются пробелы, которые могут быть устранены в процессе правоприменительной деятельности, и пробелы, не поддающиеся преодолению средствами правоприменения. [1, с. 246]

Интерес представляет и выделение таких разновидностей пробелов, как очевидные и скрытые, типичные и нетипичные. В зарубежной юридической науке более детально разработаны и иные основания их классификации: действительные и мнимые, простительные и непростительные, внешние и внутренние, имманентные и трансцендентные, онтологические и деонтологические, идеологические и телеологические, технические и содержательные, критические и декритические пробелы. Все названные классификационные подходы обладают не только теоретической, но и прикладной ценностью, поскольку позволяют более точно определить характер конкретного пробела и, следовательно, выбрать наиболее адекватный способ его восполнения.

В российской правовой системе используются два основных способа устранения пробелов: 1) нормативное восполнение и 2) казуальное восполнение. Главным из них является нормативное восполнение. Под ним понимается правотворческая деятельность компетентных субъектов, итогом которой становится принятие нового нормативно-правового акта, внесение изменений в действующий акт либо отмена

устаревшего нормативного предписания. В целях нормативного восполнения применяются также различные формы систематизации законодательства, а в исключительных случаях — референдум. Однако устранить пробел посредством правотворчества непосредственно после его выявления удается не всегда.

Причины появления пробелов в практике правоприменения наблюдается достаточно часто в процессе необходимости срочного разрешения проблем, которые возникают в конкретных делах. Не находят своего оправдания достаточно длительные поиски верного решения, долгое ожидание ситуации, когда будет принято специальная нормативная рекомендация либо специальное нормативное предписание. Данные действия без всякого основания затягивают процесс разрешения дела, создается ситуация, в которой нарушаются права, нарушаются законные гражданские, организационные, объединенные интересы. Отдельные случаи требуют выстраивания такого вида деятельности, когда на первое место выходит устойчивость в общественных отношениях, четкая разграниченность, определенная правовая поддержка. Опыт правоприменения требует накапливания информации о данных ситуациях для того, чтобы регулировать данные отношения.

Такие ситуации требуют так называемого казуального восполнения, которое можно отнести к одной из сфер правоприменения. Реализация казуального восполнения происходит в рамках правовых аналогий. Речь идет о особом выделенном в юриспруденции и юрисдикции институте, деятельность которого направлена на созданные и определенно устойчивые общественные отношения. В сущности, казуальное восполнение применяется конкретно именно для тех правовых параметров, которые нормативно закрепляются в нормативных основах. Необходимо заметить, что данные нормативные основы регулируют по аналогии правоотношения.

Российское законодательство закрепляет основы преодоления правовых пробелов в статье 11 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [2], статье 6 Гражданского кодекса Российской Федерации [4].

Правовая система развивается весьма активно и динамично. Происходит стабильное восполнение вышеуказанной системы различными структурами, элементами. Следовательно, можно утверждать, что данная деятельность работает на то, чтобы государственные и общественные потребности были удовлетворены в полной мере.

Список цитируемой литературы:

1. Актуальные проблемы теории государства и права [Электронный ресурс] : учеб. пособие / авт.-сост. И. Л. Петрова ; Владим. гос. ун-

т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2023. – 424 с. – ISBN 978-5-9984-1768-9.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026)// СПС Консультант Плюс

3. Власенко Н.А. Теория государства и права: учебное пособие для бакалавриата / Власенко Н.А. М. : Норма : ИНФРА-М., 2021. 480 с. https://znanium.com/read?id=364299

4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СПС Консультант Плюс

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025)// СПС Консультант Плюс

Поминова А.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Соловьева В. В., д-р ист. наук., профессор

ЮРИДИЧЕСКИЙ НАТУРАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ: ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ В ПОЗИТИВИСТСКУЮ ДОКТРИНУ

Аннотация

Статья исследует проблему интеграции естественно-правовых принципов в позитивистскую правовую доктрину. Анализируются механизмы «позитивации» естественного права: конституционное закрепление, международно-правовое признание, конституционное правосудие и отраслевая рецепция. На материале российской и европейской правовых систем показано, что современный конституционализм представляет собой исторически беспрецедентный синтез двух подходов.

Ключевые слова: юридический натурализм, естественное право, позитивное право, интеграция, конституционализм, права человека, верховенство права, позитивация естественного права.

Одним из центральных вопросов современной философии права является вопрос о возможности и формах включения естественно-правовых принципов в структуру позитивного правопорядка. На протяжении столе-

тий юридический натурализм и позитивизм рассматривались как взаимоисключающие подходы [7]. Однако развитие конституционного права во второй половине XX – начале XXI века обнаружило феномен, не вписывающийся в логику жёсткого противопоставления: современные конституции системно включают в позитивный правопорядок принципы, традиционно относимые к естественному праву – неотчуждаемые права человека, достоинство личности, справедливость, правовое государство. Данный феномен – «позитивация» естественного права – ставит перед правовой теорией фундаментальные вопросы: сохраняют ли естественно-правовые принципы надпозитивный характер, будучи закреплены в законодательстве? Каким образом обеспечивается их нормативная действенность? Означает ли конституционное признание преодоление дуализма двух доктрин? Цель настоящей статьи – исследовать указанные вопросы на материале современных правовых систем.

Классическая доктрина естественного права, восходящая к Аристотелю, Цицерону и Фоме Аквинскому, исходила из существования объективного порядка справедливости, предшествующего любому законодательству. «Несправедливый закон – не закон» (lex iniusta non est lex) – эта максима выражает суть классического натурализма [7]. Современный юридический натурализм существенно отличается от классического. Дж. Финнис обосновывает естественное право не через метафизическую «природу вещей», а через практический разум: существуют базовые формы человеческого блага, самоочевидные и не требующие выведения из фактов природы [11]. Л. Фуллер предложил «процедурный натурализм»: право обладает собственной «внутренней моральностью» – формальными требованиями, без соблюдения которых нормативный акт не является правом в полном смысле [12].

Р. Дворкин обосновал существование юридических принципов с моральным измерением, обязывающих судью к конструктивной интерпретации – поиску решения, наилучшим образом обосновывающего существующую практику [3]. Общим для всех современных версий натурализма является отказ от наивного объективизма при сохранении ключевого тезиса: понятие права не может быть определено без обращения к содержательным ценностным критериям [9].

Процесс включения естественно-правовых принципов в структуру позитивного правопорядка осуществляется через несколько взаимосвязанных механизмов. Конституционное закрепление является наиболее значимым: Конституция РФ признаёт права и свободы человека «высшей ценностью» (ст. 2), закрепляет их неотчуждаемый характер (ст. 17), провозглашает прямое действие Конституции (ст. 18). В. Д. Зорькин характеризует эти формулировки как «позитивацию» естественного права – перевод надпозитивных принципов в нормы

действующего конституционного права [4]. Международно-правовое закрепление обеспечивается Всеобщей декларацией прав человека (1948), Международными пактами о правах (1966), Европейской конвенцией (1950): концепция неотчуждаемых прав является прямым наследием естественно-правовой традиции, однако механизм реализации – договорный, то есть позитивистский по форме.

Конституционное правосудие выполняет функцию «переводчика» между языком надпозитивных принципов и конкретными правовыми решениями. Н. С. Бондарь характеризует деятельность Конституционного Суда РФ как «конституционную аксиологическую интерпретацию», посредством которой естественно-правовые принципы приобретают операциональный характер [2]. Отраслевая рецепция обеспечивает проникновение естественно-правовых принципов в законодательство: принцип добросовестности в гражданском праве, соразмерности в уголовном, справедливого разбирательства в процессуальном. С. С. Алексеев описывал этот процесс как «просачивание» правовых идеалов в ткань позитивного законодательства [1].

При всей значимости описанных механизмов «позитивация» естественного права не лишена внутренних противоречий. Первая проблема – сохранение надпозитивного характера: если естественно-правовые принципы полностью «растворяются» в позитивном праве, они утрачивают критическую функцию. По замечанию В. С. Нерсесянца, естественное право, ставшее всецело позитивным, перестаёт быть естественным [9]. Конституция РФ пытается решить эту проблему через запрет пересмотра глав 1, 2 и 9 обычной процедурой (ст. 135), придавая конституционным ценностям квазинадпозитивный статус. Вторая проблема – неопределённость содержания: «достоинство личности», «справедливость», «правовое государство» допускают различные интерпретации, что порождает риск судейского произвола. Дж. Финнис предлагает разграничить «абсолютные» требования естественного права и «относительные», допускающие варьирование [11]. Третья проблема – институциональная. Фактическое сосредоточение полномочий по интерпретации естественно-правовых принципов в конституционных судах порождает вопрос о пределах судейской дискреции. В. В. Лапаева предупреждает об угрозе «судебного активизма» – подмены законодательной политики судейским усмотрением [6]; необходимы процедурные гарантии, обеспечивающие транспарентность ценностной аргументации в судебных решениях [8].

Современные правовые системы демонстрируют устойчивую тенденцию к интеграции естественно-правовых принципов в структуру позитивного правопорядка на конституционном, международно-правовом, институциональном и отраслевом уровнях. «Позитивация» естественного права не является окончательным решением проблемы

дуализма двух доктрин: она порождает собственные теоретические и практические затруднения – проблему сохранения критической функции надпозитивных принципов, неопределённость их содержания и институциональные пределы судейской интерпретации. Современный конституционализм может рассматриваться как наиболее развитая форма синтеза двух подходов: закрепляя надпозитивные принципы в нормативном тексте высшей юридической силы и создавая институт конституционного контроля, он обеспечивает одновременно ценностную обоснованность и формальную определённость правопорядка [4]. Дальнейшее развитие данного синтеза видится в совершенствовании методологии конституционно-ценностной аргументации [2].

Список цитируемой литературы:

1. Алексеев, С. С. Право : азбука, теория, философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 1999. – 712 с.

2. Бондарь, Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. - 543 с.

3. Дворкин, Р. О правах всерьёз / Р. Дворкин ; пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 390 с.

4. Зорькин, В. Д. Конституционно-правовое развитие России / В. Д. Зорькин. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 719 с.

5. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен ; пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. – Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. – 540 с.

6. Лапаева, В. В. Типы правопонимания : правовая теория и практика / В. В. Лапаева. – Москва : Российская академия правосудия, 2012. – 577 с.

7. Лейст, О. Э. Сущность права : проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст. – Москва : Зерцало, 2002. – 279 с.

8. Мальцев, Г. В. Нравственные основания права / Г. В. Мальцев. – Саратов : Изд-во СГУ, 2008. – 550 с.

9. Нерсесянц, В. С. Философия права : учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. – 2-е изд. – Москва : Норма, 2005. – 656 с.

10. Радбрух, Г. Философия права / Г. Радбрух ; пер. с нем. Ю. М. Юмашева. – Москва : Международные отношения, 2004. – 240 с.

11. Финнис, Дж. Естественное право и естественные права / Дж. Финнис ; пер. с англ. В. П. Гайдамака, А. В. Панихиной. – Москва : ИРИСЭН ; Мысль, 2012. – 554 с.

12. Фуллер, Л. Мораль права / Л. Фуллер ; пер. с англ. Т. Даниловой. – Москва : ИРИСЭН, 2007. – 308 с.

13. Харт, Г. Л. А. Понятие права / Г. Л. А. Харт ; пер. с англ. Е. В. Афонасина и др. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 302 с.

Поминова А.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ VS. ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ДУАЛИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СУДЕБНУЮ ПРАКТИКУ

Аннотация

Статья исследует методологический дуализм юридического позитивизма и естественно-правовой доктрины как двух фундаментальных парадигм правопонимания. Анализируются тезис о разделении права и морали (Г. Кельзен, Г. Л. А. Харт) и тезис об их неразрывной связи (Л. Фуллер, Р. Дворкин). На материале практики Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ показано движение современной юриспруденции к преодолению жёсткой дихотомии двух доктрин.

Ключевые слова: юридический позитивизм, естественное право, методологический дуализм, правопонимание, судебная практика, мораль и право, конституционное правосудие, тезис о разделении.

Противостояние юридического позитивизма и естественно-правовой доктрины составляет центральную ось истории правовой мысли. Вопрос о соотношении права и морали, позитивного закона и принципов справедливости носит не только академический характер: от позиции правоприменителя – позитивистской или естественно-правовой – зависят конкретные решения судов, методы толкования законов, критерии оценки нормативных актов [1]. Актуальность темы обусловлена парадоксом современной судебной практики: формально декларируя позитивизм, суды фактически используют ценностную аргументацию, апеллируя к справедливости, соразмерности, достоинству личности. Цель настоящей статьи – проанализировать методологические основания обеих доктрин и показать, каким образом их взаимодействие проявляется в современной судебной практике.

Юридический позитивизм как направление правовой мысли исходит из фундаментального тезиса о разделении права и морали (separability thesis): право определяется своим социальным источником —

актом суверенной власти, процедурой принятия, институциональным признанием, — а не своим моральным содержанием [1]. Иными словами, вопрос о том, что есть право, должен быть строго отделён от вопроса о том, каким право должно быть.

Классическая формулировка этого тезиса принадлежит Г. Кельзену, создателю «чистого учения о праве». Кельзен настаивал на необходимости освободить юридическую науку от «чужеродных элементов» — моральных, политических, социологических суждений — и исследовать право как автономную нормативную систему, в которой действительность каждой нормы определяется исключительно её принадлежностью к иерархии норм, увенчанной «основной нормой» (Grundnorm) [3]. Сила кельзеновского подхода — в методологической строгости: он позволяет изучать право, как таковое, не подменяя юридический анализ моральной оценкой. Ограниченность — в невозможности объяснить ситуации, когда формально действующий закон вступает в противоречие с элементарными требованиями справедливости.

Г. Л. А. Харт предложил более гибкую версию позитивизма, введя понятие «правила признания» (rule of recognition) — социального правила, определяющего критерии принадлежности нормы к правовой системе. В отличие от Кельзена, Харт признавал связь между правом и моралью на уровне «минимального содержания естественного права» — набора базовых норм, без которых невозможно существование любого общества. Однако он настаивал на том, что эта связь является фактической (contingent), а не необходимой (necessary): право может включать моральные нормы, но не обязано этого делать [4]. Именно эта «мягкая» версия позитивизма стала доминирующей в англосаксонской аналитической юриспруденции XX века.

Естественно-правовая доктрина утверждает необходимую связь права и морали: закон, грубо нарушающий требования справедливости, утрачивает качество правового [2]. Г. Радбрух после 1945 года сформулировал знаменитый тезис: закон, противоречащий справедливости в «нестерпимой степени», не является правом [5]. «Формула Радбруха» была неоднократно применена немецкими судами при оценке нацистского и восточногерманского законодательства, став примером прямого влияния естественно-правовой аргументации на судебную практику.

Современные версии натурализма существенно отличаются от классических. Л. Фуллер развил концепцию «внутренней моральности права», утверждая, что процедурные требования (общность, обнародование, непротиворечивость, стабильность) являются имманентными для права [6]. Р. Дворкин предложил модель «права как целостности» (law as integrity), в которой юридические принципы требуют от судьи конструктивной интерпретации [7]. Дж. Финнис обосновал естествен-

ное право через «базовые формы человеческого блага», познаваемые практическим разумом [8].

Методологический дуализм представляет собой устойчивое разделение правовой мысли на две конкурирующие исследовательские программы: позитивизм исследует право «как оно есть», натурализм – «каким оно должно быть» [9]. Однако жёсткость этого противопоставления преувеличена: как показывает В. В. Лапаева, ни один крупный представитель обоих направлений не придерживается «чистой» позиции [9]. Г. В. Мальцев справедливо отмечал, что позитивизм и натурализм отвечают на разные вопросы и поэтому нуждаются друг в друге [10].

Практическое значение рассматриваемого теоретического противостояния наиболее отчётливо проявляется в деятельности высших судебных инстанций, осуществляющих конституционный контроль и толкование фундаментальных правовых норм. В практике Конституционного Суда Российской Федерации обнаруживается последовательное сочетание обоих подходов. С одной стороны, Суд опирается на позитивный нормативный материал — Конституцию, федеральные законы, международные договоры. С другой стороны, он систематически использует ценностную аргументацию, апеллируя к принципам справедливости, правовой определённости, соразмерности ограничений прав, достоинства личности — категориям, которые не могут быть выведены исключительно из текста позитивного закона [13]. Как отмечает Н. С. Бондарь, Конституционный Суд фактически выступает институтом, обеспечивающим синтез позитивно-правового и естественно-правового начал в российской правовой системе [2].

Аналогичная тенденция наблюдается в практике Европейского Суда по правам человека. Используя методы телеологического и эволютивного толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ЕСПЧ де-факто выходит за пределы позитивистского подхода, рассматривая Конвенцию не как статичный текст, а как «живой инструмент», содержание которого определяется развивающимися представлениями о справедливости и правах человека. Доктрина «margin of appreciation» (пределов усмотрения) представляет собой практический компромисс между универсалистскими притязаниями естественного права и позитивистским уважением к суверенитету национального законодателя.

Вместе с тем необходимо отметить и риски неконтролируемого использования естественно-правовой аргументации. Когда суд апеллирует к «справедливости» или «ценностям» без чёткой методологии такой апелляции, возникает опасность судейского произвола — подмены права субъективными представлениями конкретного судьи о должном. Именно поэтому позитивистское требование правовой определённости сохраняет своё значение как ограничитель дискреции пра-

вопримениителя. С. С. Алексеев справедливо подчёркивал, что задача состоит не в выборе между позитивизмом и натурализмом, а в их конструктивном соединении, при котором ценностная аргументация дополняет, но не подменяет формально-юридическую [11].

Методологический дуализм юридического позитивизма и естественно-правовой доктрины представляет собой структурную характеристику правового мышления, отражающую двойственную природу самого права – одновременно нормативного и ценностного феномена. Анализ судебной практики показывает, что современное конституционное правосудие де-факто синтезирует элементы обоих подходов: опирается на позитивный нормативный материал, интерпретируя его в свете ценностных принципов. Данный практический синтез свидетельствует о том, что жёсткая дихотомия позитивизма и натурализма в значительной мере преодолена на уровне правоприменения. Перспективы развития правовой теории связаны с разработкой интегративных подходов, способных соединить формальную строгость позитивизма с ценностной ориентированностью естественно-правовой традиции, обеспечивая прозрачность ценностной аргументации в процессе правоприменения [12].

Список цитируемой литературы:

1. Нерсесянц В. С. Философия права: учебник для вузов. – 2-е изд. – М.: Норма, 2006.

2. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало, 2002.

3. Кельзен Г. Чистое учение о праве / Пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. – СПб.: Алеф-Пресс, 2015.

4. Харт Г. Л. А. Понятие права / Пер. с англ. Е. В. Афонасина и др. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.

5. Радбрух Г. Философия права / Пер. с нем. Ю. М. Юмашева. – М.: Международные отношения, 2004.

6. Фуллер Л. Мораль права / Пер. с англ. Т. Даниловой. – М.: ИРИСЭН, 2007.

7. Дворкин Р. О правах всерьёз / Пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. – М.: РОССПЭН, 2004.

8. Финнис Дж. Естественное право и естественные права / Пер. с англ. В. П. Гайдамака, А. В. Панихиной. – М.: ИРИСЭН; Мысль, 2012.

9. Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. – М.: Российская академия правосудия, 2012.

10. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М.: Прометей, 1999.

11. Алексеев С. С. Право: азбука, теория, философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999.

12. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. – М.: Норма, 2011.
13. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: Норма, 2011.

Поминова А.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ЮРИДИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И ИЕРАРХИЯ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация

Статья исследует юридическую аксиологию как раздел философии права, изучающий ценностное измерение правовой реальности. Анализируются три подхода к онтологическому статусу правовых ценностей: объективистский, субъективистский и интерсубъективный. Рассматривается проблема иерархии ценностей и её конституционное измерение. Обосновывается вывод об интегративной функции юридической аксиологии в системе правового регулирования.

Ключевые слова: юридическая аксиология, правовые ценности, онтологический статус ценностей, иерархия ценностей, правовое регулирование, конституционные ценности, философия права, аксиологический подход.

Вопрос о природе правовых ценностей принадлежит к числу наиболее дискуссионных в современной юридической науке. Юридическая аксиология — раздел философии права, предметом которого являются ценностные основания правовой реальности: понимание права как ценности, исследование правовых ценностей и их роли в нормативном регулировании общественных отношений [1]. Особую практическую остроту эта проблематика приобрела в связи с расширением конституционного правосудия: суды всё чаще апеллируют к «справедливости», «достоинству личности» и «соразмерности» — категориям, которых нет в тексте закона, но без которых многие дела решить невозможно. Цель настоящей статьи — проанализировать онтологический статус правовых ценностей в свете основных философско-правовых концепций и исследовать проблему иерархии ценностей применительно к системе правового регулирования.

Становление аксиологии как самостоятельной дисциплины связано с Баденской школой неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) и феноменологической аксиологией М. Шелера. Ключевым достижением неокантианцев стало разграничение сферы сущего (Sein) и сферы должного (Sollen): ценности принадлежат ко второй и не выводятся из фактов [2]. Для юриспруденции это означало теоретическое обоснование несводимости права к фактическим социальным отношениям. Г. Радбрух понимал идею права как единство трёх ценностей — справедливости, целесообразности и правовой определённости, — находящихся в постоянном антиномическом напряжении [4]. В отечественной традиции аксиологический подход наиболее последовательно развит в либертарно-юридической теории В. С. Нерсесянца, связывающей онтологию и аксиологию права через принцип формального равенства [1], и в работах С. С. Алексеева, рассматривающего право как «ценностное явление высшего ранга» [5]. Нравственным основаниям права посвятил свои исследования Г. В. Мальцев [6]; В. В. Лапаева выстроила на аксиологическом фундаменте развёрнутую типологию правопонимания [7].

В современной литературе выделяются три подхода к онтологическому статусу правовых ценностей, и каждый из них отвечает на этот вопрос по-своему. Объективистский подход, представленный феноменологической аксиологией М. Шелера [8] и естественно-правовой традицией, исходит из самостоятельного бытия ценностей, не зависящего от субъективных предпочтений. Субъективистский (релятивистский) подход рассматривает ценности как выражение интересов индивидов и социальных групп; его принципиальная слабость — в невозможности обосновать критерий оценки самого позитивного права: если ценности всецело субъективны, то критика несправедливого закона лишается основания [3]. Это противоречие и побуждает обратиться к третьему варианту — интерсубъективному подходу, обосновывающему ценности через коммуникативные процедуры и правовой дискурс.

Именно интерсубъективный подход представляется наиболее продуктивным для целей юридической науки. Г. А. Гаджиев убедительно показывает: конституционные ценности приобретают нормативную общеобязательность не в силу своей «природной» объективности, а в результате конституционного признания и последовательной интерпретации Конституционным Судом [9]. Такой взгляд позволяет одновременно признавать содержательную значимость ценностей и учитывать их историческую и культурную обусловленность — что для практикующего юриста особенно важно.

Признания существования ценностей, однако, недостаточно — в ситуации их конфликта необходим критерий приоритета. Г. Радбрух решал эту проблему следующим образом: в обычных условиях прио-

ритет принадлежит правовой определённости как гарантии стабильности правопорядка, однако при «нестерпимом противоречии» закона со справедливостью верховенство переходит к последней [4]. «Формула Радбруха» оказалась не просто теоретической конструкцией — немецкие суды применяли её при оценке нацистского законодательства после 1945 года. С. С. Алексеев предлагал трёхуровневую структуру: инструментальные ценности (правовые средства и институты), общесоциальные (порядок, безопасность) и собственно правовые — высшие, определяющие содержание и смысл первых двух [5].

В российской правовой системе эта иерархия получила конституционное закрепление. Статья 2 Конституции РФ признаёт права и свободы человека высшей ценностью; закреплены также принципы правового государства и социальной справедливости. М. В. Пресняков указывает, что ценностный подход позволяет толковать конституционные предписания с учётом их идеального смысла, выходя за пределы буквального текста [10]. По оценке Н. С. Бондаря, в практике Конституционного Суда РФ сложилась устойчивая система ценностей, в которой права человека выступают верховным критерием, а принципы определённости и соразмерности — инструментами их операционализации в конкретных делах [11]. В. Д. Зорькин при этом подчёркивает принципиальное ограничение: ни одна ценность не может быть абсолютизирована — задача конституционного правосудия состоит именно в балансировании конкурирующих ценностей [12].

Правовые ценности выполняют в системе правового регулирования несколько взаимосвязанных функций. Легитимирующая функция состоит в обосновании обязательности норм не только авторитетом власти, но и их ценностным содержанием: норма, воспринимаемая как справедливая, исполняется охотнее — люди подчиняются не только из страха санкции, но и потому что видят за правилом моральный смысл [6]. Критериальная функция позволяет отличить правовой закон от неправового и реализуется прежде всего в практике конституционного контроля, где конституционные ценности выступают мерилом оценки законодательства [12]. Интерпретационная функция обеспечивает выбор надлежащего толкования в ситуациях неопределённости нормативного текста: Н. С. Бондарь квалифицирует её как «конституционную аксиологическую интерпретацию» [11]. Наконец, интегративная функция связывает воедино различные уровни правовой системы — от конституционных принципов до отраслевых норм: без ценностного единства правовая система распадается на совокупность изолированных предписаний [5], и именно ценности преодолевают разрыв между буквой закона и его телеологическим смыслом [7].

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Юридическая аксиология занимает ключевое положение в структуре правового знания, обеспечивая взаимосвязь онтологии, гносеологии и аксиологии права. Из трёх подходов к природе правовых ценностей наиболее состоятельным оказывается интерсубъективный: правовые ценности формируются в процессе правового дискурса и приобретают нормативную обязательность через конституционное признание и интерпретацию. Иерархия ценностей, закреплённая в Конституции РФ и развитая практикой Конституционного Суда, даёт рабочий критерий для разрешения ценностных конфликтов — при том, что ни одна ценность не может претендовать на абсолютный приоритет. Легитимирующая, критериальная, интерпретационная и интегративная функции показывают, что ценности пронизывают правовую систему на всех её уровнях, обеспечивая связь между формально-нормативным и содержательно-целевым измерениями правовой реальности [1].

Список цитируемой литературы:

1. Нерсесянц В. С. Философия права: учебник для вузов. – 2-е изд. – М.: Норма, 2006.

2. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Пер. с нем. – М.: Республика, 1998.

3. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало, 2002.

4. Радбрух Г. Философия права / Пер. с нем. Ю. М. Юмашева. – М.: Международные отношения, 2004.

5. Алексеев С. С. Право: азбука, теория, философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999.

6. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. – М.: Изд-во СГУ, 2008.

7. Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. – М.: Российская академия правосудия, 2012.

8. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей / Пер. с нем. А. В. Денежкина. – М.: Гнозис, 1994.

9. Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). – М.: Норма, 2013.

10. Пресняков М. В. Конституционная аксиология: к вопросу о сущности конституционных ценностей // Современное право. – 2009. – № 10.

11. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: Норма, 2011.

12. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. – М.: Норма, 2011.

Попова А.Ю., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Соловьева В. В., д. и. н., профессор

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА: ЦЕННОСТНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ И ЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНОСТЬ КАК НОВЫЕ КРИТЕРИИ НАУЧНОСТИ

Аннотация

В статье рассматривается специфика становления постнеклассическаой науки как этапа развития научного познания. Особенности ценностной детерминации и человекоразмерности как новых критериев научности, с выделением раскрытого содержания каждого критерия. Обозначена связь ценностной детерминации и человекоразмерности как новых критериев научности в призме постнеклассической науки

Ключевые слова: постнеклассическая наука, ценностная детерминация, человекоразмерность, критерии научности, научное познанание, система.

Особое значение в становлении науки отводится её современному этапу развития научного познания, начало которого было положено в 70-е годы XX века и именовался как постнеклассическая наука. Именно в этот временной период происходила трансформация действующих до этого критериев научного подхода, метода и в целом объективности в науке. Так, главной специфической чертой постнеклассической науки является идентификация в качестве ключевых стандартов и принципов, отличающих научное знание от ненаучного, ценностная детерминация и человекоразмерность. Признание данных дефиниций в качестве научных критериев стало ключевых шагом переход от принципов объективности знаний, исключающих субъективизм к формообразованию действительности в тесной взаимосвязи с социокультурными факторами и человеком как части исследуемой области.

Смысловое содержания ценностной детерминация как критерия научности состоит в том, что изучение окружающей действительности через призму научности реализуется в взаимообусловленности с социальными и культурными факторами, а также системы устойчивых взглядов и ценностей, в совокупности определяющих их развитие. Следовательно, ценностная детерминация указывает на полное исключение в научном познании как виде познавательной деятельности статуса независимости от системы ценностей.

Изучая ценностное бытие науки М. В. Клецкин, высказался достаточно точно относительно роли ценностной детерминации в научном познании: «Прояснение структуры ценностной детерминированности науки – первостепенная задача в условиях постоянно меняющейся парадигмы научного познания, поскольку без осознания ценностно-целевых установок мышления и прагматичное достижение истинных знаний становится, на наш взгляд, невозможным» [2, с. 127].

Автор подчёркивает, что без учета ценностной детерминированности науки как системы знаний о мире невозможно добиться достоверного знания, отражающего действительность.

Объект как онтологический феномен в рамках постнеклассической науки выступает в роли нечто сложного компонентного и многоаспектного отождествляемого с динамичной системой, где немаловажная роль отведена человеку. В качестве подобных объектов научного познания можно обозначить экологические системы, инструменты и комплексы, обеспечивающие биологические объекты, а также социальные явления и процессы, интегрированные в единую социальную систему.

Статус создателя научной дефиниции «человекоразмерность» присвоен философу и специалисту в области познания В. С. Степину, который проводя всестороннее научное исследование сложных социальных систем, требующих учета общечеловеческих и нравственных ценностей в 1989 году определил необходимость использования данного термина [3, с. 88].

Как пишет Л. А. Богодельникова изучая человекоразмерность научного и ненаучного познания: «человекоразмерность – это установка, в рамках которой ценности различных познавательных форм соотносятся с ценностями общесоциального характера, а сами аксиологические факторы включаются в познание» [1, с. 570].

Следовательно, автор, говоря о человекоразмерности указывает на важность взаимообусловленности и взаимозависимости фундаментальных ориентиров, которые объединяют общество и ценности познавательных форм.

Спецификой постнеклассического этапа развития науки является то, что в отличии классического и неклассического наука, которым была свойственно исследование отдельно взятых компонентов реальности, на данном этапе происходит превалирование всестороннего исследования объекта с привлечением нескольких методов и подходов, в том числе с вовлечением в процесс изучения представителей различных дисциплин.

Человекоразмерность в постнеклассической науке сопряжена с формированием субъектной позиции и методов из разных областей,

что в совокупности позволяет познавать сложноорганизованные системы [4, с. 22].

Связь ценностной детерминации и человекоразмерности как новых критериев научности в призме постнеклассической науки состоит в том, что исследование сложных систем, где человек выступает в роли обязательного структурного компонента, не может быть проведено результативно без наличия развёртывания объекта исследования с точки зрения тесного взаимодействия когнитивно-методологических и социальных ценностей.

Итак, в постнеклассической науке рефлексия ценностно-смысловых оснований научного познания становится императивом. с критерии научности всё больше учитывают не только когнитивные аспекты, но и ценностно-смысловые структуры, а также роль человека в процессе познания и его влияние на мир.

Список цитируемой литературы:

1. Богодельникова, Л. А. Проблема построения целостной картины мира: человекоразмерность научного и ненаучного познания Л.А. Богодельникова // Известия БГУ. – 2020. – №4. – С. 566-574

2. Клёцкин, М.В. Онтологические основания ценностной детерминации научного познания / М.В. Клепкин. - М.: Библио-Глобус, 2018. – 290 с.

3. Постнеклассическая наука: междисциплинарность, проблемно-ориентированность и прикладной характер : сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции, 29-30 июня 2021 года, Санкт-Петербург / Санкт-Петербургский центр системного анализа. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2021. – 164 с.

4. Пугачева, Л.Г. Эволюция разума: встреча человека с «абстрактным» в современной культуре - Джон Сёрль, Грегори Бейтсон и Чогям Трунгпа / Л.Г. Пугачева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. - 2017. - № 3 (77). - С. 19-29.

Просянок К.В., курсант
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России, г. Донецк
Научный руководитель - Василиади А.Х., преподаватель

ОТ КОДИФИКАЦИИ М.М. СПЕРАНСКОГО К ЦИФРОВОМУ ПРАВУ: ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Аннотация

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровой трансформацией, затрагивающей все сферы общественной жизни, включая право. В этих условиях особую актуальность приобретает изучение исторического опыта систематизации законодательства, заложенного в трудах Михаила Михайловича Сперанского, и его сопоставление с современными тенденциями развития цифрового права. Возникает вопрос: может ли опыт кодификации XIX века служить методологической основой для построения современного цифрового законодательства?

Ключевые слова: Сперанский, кодификация законодательства, цифровое право, правовая система, цифровой кодекс, эволюция законодательства, эволюция общества.

К началу XIX века правовая система Российской империи характеризовалась значительной фрагментарностью и противоречивостью. Нормативные акты накапливались стихийно, начиная с Соборного уложения 1649 г., что приводило к усложнению правоприменительной практики и снижению эффективности государственного управления. Отсутствие единой системы законодательства затрудняло деятельность судебных и административных органов, а также создавало предпосылки для правового произвола.

В этих условиях кодификация стала объективной необходимостью. По мнению И.А. Коновалова, реформаторская деятельность М.М. Сперанского была направлена на упорядочение нормативного массива, устранение дублирующих и устаревших норм, а также формирование логически стройной правовой системы. Основной целью кодификации являлось создание доступного, систематизированного и внутренне согласованного свода законов, способного обеспечить единообразие правоприменения и укрепление государственной власти [4, с. 33].

Кодификационная деятельность М.М. Сперанского базировалась на ряде фундаментальных принципов, которые впоследствии стали основой развития юридической науки. Так, И.А. Коновалова подчеркивает, что принцип системности предполагал объединение правовых норм в единую, логически взаимосвязанную структуру. Это означало не просто механическое собрание актов, а их глубокую переработку и

распределение по отраслям и институтам права. В свою очередь, принцип иерархичности выражался в установлении четкой соподчиненности нормативных актов, что позволяло определить их юридическую силу и устранить коллизии. Благодаря появлению иерархии получилось создать надёжный механизм правого регулирования. Принцип последовательности помогал исключать правовые конфликты и добиваться согласованности норм, ведь это было крайне актуально из-за множества противоречий в накопленном законодательстве. [4, с. 36-37]. При помощи этих принципов появилась новая модель нормативной базы, сейчас она является более логичной и подходящей для практического применения.

После кодификации законодательства установилось верховенство права в России, принцип законности укрепился благодаря систематизации правовых норм. Принятие «Свода законов Российской империи» оказало существенное влияние в становлении права как самостоятельного института, регулирующего общественные отношения. С этого момента право выступало не только средством реализации власти, но и механизмом, сдерживающим произвол государства. Систематизация законодательства положительно повлияла на уровень профессиональной деятельности судебных и административных органов. Четкая структура правовых актов упростила их применение, что способствовало снижению субъективности при принятии решений.

Методологические подходы М.М. Сперанского могут быть полезны при выработке современных решений, в том числе при создании комплексных правовых актов, регулирующих цифровые отношения. Идеи государственного деятеля, которые направлены на упорядочение законодательства и устранение противоречий, находят отражение в современных концепциях правовой реформы [2, с. 7]. Развитие российского законодательства представляет собой сложный процесс, который связан с изменениями в государственном устройстве, социально-экономической сфере и уровне технологического прогресса. Выделяют четыре основных этапа: имперский, советский, постсоветский и современный, связанный с цифровизацией. По мнению Д.В. Алонцева, имперский период во многом определяется кодификационной деятельностью М.М. Сперанского, которая была направлена на упорядочение закона и создание целостной правовой системы. «Свод законов Российской империи» заложил основу дальнейшего развития правовой традиции и обеспечил определённую стабильность, а также предсказуемость регулирования общественных отношений. Советский этап связан с перестройкой правовой системы под влиянием государственной идеологии. Право в этот период носило преимущественно инструментальный характер и использовалось как средство реализации политических и

экономических задач. Несмотря на сохранение кодификационных форм, законодательство отличалось высокой степенью централизации и директивности. В постсоветский период формируется новая правовая система, ориентированная на принципы верховенства права, развитие рыночных отношений и защиту прав и свобод человека. В то время приняты: Гражданский, Уголовный и Налоговый кодексы [1, с. 279]. Современный этап связан с влиянием цифровых технологий на право. Появление новых форм общественных отношений требует их правового осмысления и регулирования, что ведёт к развитию цифрового законодательства и пересмотру традиционных правовых институтов.

Цифровизация влияет на систему источников права, изменяет не только их содержание, но и форму. Со слов А.Е. Захарова, традиционные источники играют ключевую роль, однако постепенно трансформируются. Одним из заметных изменений становится переход к электронному формату правовых актов. Официальные публикации законодательства все чаще осуществляются в цифровом формате, что повышает доступность и оперативность правовой информации. Электронные базы данных становятся основным инструментом взаимодействия субъектов с правовой системой. Во-вторых, возрастает значение подзаконного и гибкого регулирования. В условиях быстрого технологического развития законодатель не всегда способен оперативно реагировать на изменения, что приводит к расширению роли актов исполнительной власти и иных регуляторных механизмов. В-третьих, появляются новые формы регулирования, такие как «мягкое право» («soft law»), включающее рекомендации, стандарты и кодексы поведения, особенно в сфере цифровых технологий. Данные инструменты позволяют оперативно реагировать на изменения, однако ставят вопрос о юридической определенности и обязательности таких норм [3, с. 154]. Следовательно, трансформация источников права отражает переход от статичной модели регулирования к более динамичной и адаптивной системе.

Развитие цифровых технологий обусловило формирование цифрового права как комплексной отрасли, регулирующей общественные отношения, возникающие в цифровой среде. К числу таких отношений относятся обработка персональных данных, электронная коммерция, использование искусственного интеллекта, функционирование цифровых платформ [3, с. 155]. Цифровое право носит межотраслевой характер, объединяя элементы гражданского, административного, информационного и иных отраслей права, что обусловлено сложностью и многоаспектностью регулируемых отношений, а также тем, что ключевой особенностью цифрового права является высокая динамичность.

Также, необходимо проанализировать проблемы современного цифрового законодательства России. С.И. Суслова справедливо под-

черкивает, что одной из ключевых проблем современного цифрового законодательства России является его фрагментарный характер. Нормативно-правовые акты, регулирующие цифровые отношения, формируются по мере возникновения отдельных технологических явлений, что приводит к отсутствию единой концептуальной основы. В результате правовое регулирование носит разрозненный характер, а нормы различных отраслей права нередко дублируют или противоречат друг другу. Подобная ситуация свидетельствует об отступлении от принципов системности и непротиворечивости, сформулированных еще М.М. Сперанским [5, с. 51]. Отсутствие единой структуры цифрового законодательства затрудняет правоприменение, снижает предсказуемость правовых решений и препятствует эффективному регулированию цифровых процессов.

Современное право объективно не успевает за динамикой технологических изменений. Развитие искусственного интеллекта, блокчейн-технологий, платформенной экономики и иных инноваций, по мнению А.Е. Захарова, происходит значительно быстрее, чем формирование соответствующей нормативной базы, что приводит к возникновению так называемых «правовых лакун», когда новые общественные отношения остаются вне правового регулирования либо регулируются устаревшими нормами.

Отсутствие ясных критериев функционирования таких систем может приводить к дискриминации, ограничению прав граждан и невозможности эффективного обжалования решений.

Важным фактором, осложняющим развитие цифрового законодательства, является низкий уровень цифровой правовой культуры населения. Многие граждане не обладают достаточными знаниями о своих правах и обязанностях в цифровой среде, что делает их уязвимыми перед злоупотреблениями. Недостаточная информированность субъектов права снижает эффективность даже тех нормативных механизмов, которые уже существуют, и препятствует формированию устойчивой правовой среды [2, с. 9].

Таким образом, в соответствии с исследованными проблемами, необходимо предложить пути совершенствования законодательства, которые включают как идеи М.М. Сперанского, так и цифровую правовую систему будущего Российской Федерации.

Список цитируемой литературы:

1. Алонцева, Д.В. Система государственной власти в Российской империи в политико-правовых взглядах М.М. Сперанского / Д.В. Алонцева, О.Н. Гришаева, Р.В. Тихонов// Власть. – 2026. - №1 (34). - С. 278-283.

2. Арсентьева, Н.А. Тенденции систематизации российского законодательства в условиях цифровизации / Н.А. Арсентьева, М.А. Волкова, И.Д. Кочанджи // Правопорядок: история, теория, практика. – 2025. - № 2 (45). – С. 6-10.

3. Захаров, А.Е. Феномен цифрового права. Возможен ли цифровой кодекс? / А.Е. Захаров // Евразийская адвокатура. – 2025. - № 1 (72). – С. 154-156.

4. Коновалов, И.А. «Учреждение для управления сибирских губерний» 1822 г. - первый опыт кодификации М.М. Сперанского / И.А. Коновалов // Правоприменение. – 2021. - № 1(5). – С. 32-39.

5. Суслова, С.И. Реформирование законодательства на современном этапе развития российской государственности: обзор I Юридического форума им. М. М. Сперанского / С.И. Суслова // Пролог: журнал о праве. – 2018. - № 3. – С. 49-53.

Рыжкова Ю.И., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Соловьева В.В., доктор истор. наук, проф.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ МЕТОДА

Аннотация

Статья раскрывает важнейшие исторические этапы эволюции понятия «метод» от античности до современности. Рассматриваются ключевые этапы формирования методологии: от несистематизированных приемов древности через рационализм Нового времени к конвергентным стратегиям современности, где стираются границы между дисциплинами ради комплексного понимания реальности. Особое внимание уделяется вкладу ученых, таких как Ф. Бэкон, Р. Декарт, К. Маркс, Сократ, Аристотель, Платон.

Ключевые слова: метод, методология, античность, средневековье, Возрождение, Новое время, современность, научный метод, эмпиризм, рационализм, индукция, дедукция, Сократ, Платон, Аристотель, Бэкон, Декарт, эволюция познания.

Термин «метод», в своей первоначальной сути обозначающий путь следования к намеченной цели, претерпел глубокую трансформацию, что стало прямым отражением эволюции самого процесса познания. Путь этот начался задолго до формального становления науки, с

интуитивно выработанных приемов, характерных для древних ремесленников и мудрецов, которые, методом проб и ошибок, находили пути решения практических задач. Постепенно, с развитием цивилизаций и появлением первых философских систем, идея метода начала обретать более структурированный характер.

Эпоха Нового времени ознаменовалась формированием сложных, системных научных стратегий, где метод стал центральным элементом научного исследования, будь то индукция Фрэнсиса Бэкона или дедукция Рене Декарта. Сегодня, в век междисциплинарных исследований и бурного развития технологий, понятие метода еще более обогатилось, включая в себя сложные инновационные исследовательские модели и интегрированные подходы, объединяющие знания из различных областей [3, с. 95].

История развития метода – это, по сути, зеркальное отражение всей истории человеческой мысли, позволяющее проследить, как менялись наши представления о природе реальности, о фундаментальных законах, управляющих миром, и, что самое важное, о разнообразных путях, которыми мы достигаем этого познания.

В культурно-исторической эпохе определение-метода, не в полном объеме находило свое отражение среди зародившихся цивилизаций, существовавших на тот момент. Все предпосылки развития данного направления выражались по средством соблюдения населением сформировавшихся традиций, а также в пределах устоявшихся ремесел. Сбор информации, включающий в себя навыки и умения среди различных древних цивилизаций схожих так и различных по государственному устройству, обычаям, и другим аспектам находил свою сущность в области эмпирических познаний, подкрепленных имеющихся наблюдений, исходя из полученного опыта, являясь не упорядоченной структурой без соблюдения каких-либо норм. Имеющий накопленный материал в период античности среди населения таких как Египтян и Вавилонян передавался не в рамках строгой соблюденности в области познания метода, а исходя из быта, демонстрации полученных умений и навыков, сложившихся в данный период [2, с. 457]. В эпоху выдающихся личностей Пифагора и Фалеса изучение метода как практического средства достижения и обоснования полученного результата, выражалось в виде механизма подсознания, углубленного восприятия полученных результатов исходя из эмпирических наблюдений.

Позже началось зарождение новой направленности понимания значения метода, а именно с приходом софистов. Опираясь на логические и языковые приемы, разрабатывали метод убеждения. Именно с Сократа начинается история метода как осознанной исследовательской категории. Его «майевтика» – позволила превратить процесс познания

в живой диалог, где критический анализ суждений выступает главным фильтром для поиска истины [1, с. 10]. Аристотель также внес немаловажный вклад, так как ему принадлежит «учение о научном доказательстве, основанном на умозаключении» [2, с. 458].

В последующие годы методология получило широкое распространение, благодаря труду отдельных ученых эпохи Нового времени и эпохи Возрождения. Выдающийся английский философ Ф. Бэкон в своих научных трудах обозначал проблему метода как эксперимента в ходе наблюдения и проведения эмпирического анализа, благодаря чему на данной стадии стали достижимы законы и причины изучения индукции как основного метода познания. Ярким примером выступает сравнение метода, с фонарем, который освещает путь идущего человека в темное время суток, и предполагая, что, двигаясь по ложному пути, нельзя быть уверенным в познании какого-либо вопроса. Ученый внес огромный вклад в развитие метода, который стал фундаментом познания и способствующий занимать лидирующие позиции человека над природой.

Стоит отметить немало важную роль французского философа Р. Декарта в становлении и развитии философии Нового времени. В его изречении о точных и простых правилах как методе, увеличивающем прирост знаний, в результате которого способствует различию истинного от ложного. Философ отмечал, о важности дедуктивно-рационалистического метода, необходимого в поиске истин.

У истоков зарождения методологии данного периода, нельзя не отметить важный аспект о становлении диалектического метода, разработанного на материалистической и идеалистической основе философии Гегеля и К. Маркса.

В современное время понятие «метода» становиться более затруднительным. Развитие различных научных дисциплин приводит к появлению специфических методов исследования в каждой из них. Наряду с прежними, возникают новые перспективные методологические подходы, включая исторический, системный и диалектико-материалистический. «Развитие техники и информационных технологий приводит к появлению новых инструментов исследования и к усложнению методологических приемов» [2, с. 459].

Таким образом, эволюционная история концепции метода – это непрерывное общение человечества с реальностью, в котором каждое новое поколение, опираясь на достижения прошлого, совершенствует свои инструменты, приближаясь к более полному и многогранному пониманию мира и его места в нем. Этот метод остается живым, развивающимся явлением, отражающим не только наши знания о мире, но и нашу способность его познавать.

Список цитируемой литературы:

1. Вен, П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. / П. Вен. – Москва: Научный мир, 2003. – 396 с.
2. Киселев, А. А. Историческая эволюция понятия метода / А. А. Киселев, В. В. Соловьева // Молодой ученый. – 2025. – № 26 (577). – С. 457-459. – URL: https://moluch.ru/archive/577/127234. (дата обращения: 05.04. 2026).
3. Кром, М.М. «Методы» и «подходы»: происхождение и эволюция ключевых понятий современного исторического дискурса / М. М. Кром // Новое прошлое. – 2021. – № 4. – С. 92-108.
4. Малахова, Ю.В. Исторический экскурс в дидактический метод / Ю.В. Малахова // «Киберленинка» – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-ekskurs-v-didakticheskiy-metod (дата обращения: 05.04.2026).

Черненко В.В., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Соловьева В.В., проф. док. истор. наук

СООТНОШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ФИЛОСОФСКОГО ПОДХОДА К ПРАВУ

Аннотация

В данной работе анализируется соотношение юридической науки (догматической юриспруденции) и философского подхода к праву. Автор рассматривает два основных способа концептуализации этого соотношения: юридический подход, в рамках которого философия права включается в систему юридических дисциплин, и философский подход, трактующий философию права как самостоятельную философскую дисциплину. На основе анализа работ Г.В.Ф. Гегеля и современных исследователей (в частности, О.В. Мартышина) обосновывается тезис о функциональной дополнительности, а не иерархическом подчинении этих двух типов правопонимания. Особое внимание уделяется различию между философским пониманием права (оперирующим метанормами и универсальными принципами справедливости) и догматическим анализом позитивного права.

Ключевые слова: юридическая наука, философия права, взаимосвязь, отличительные особенности.

Соотношение юридической науки (как догматической юриспруденции, оперирующей нормативными предписаниями и правоприменительной практикой) и философского подхода к праву — это не вопрос иерархии и не коллизия подчиненности отраслевого и межотраслевого характера. И не спор о том, какой из данных подходов обладает «учредительной» силой по отношению к другому.

Скорее, это два различных способа правопонимания, объектно сосуществующих в едином правовом поле. Они обречены на диалог, который неизбежно носит характер процессуального взаимодействия, не исключающего коллизий интерпретаций, но при этом находящегося в состоянии функционального дополнения, без которого невозможно ни легитимное нормотворчество, ни доктринальное обоснование правовых институтов.

Одни авторы рассматривают философию права как юридическую дисциплину. В этом случае приоритет получает философия права, а проблемы права отступают на второй план и вместо изучения правовой реальности предлагаются абстрактные философские построения, интерпретирующие проблемы права, не способные глубоко и всесторонне раскрыть природу и сущность права. [2, с.26]

В иных подходах философия права рассматривается как самостоятельная юридическая дисциплина, трактующая смысловые аспекты права, проблемы обоснования справедливости и других ценностей в праве и тем отличающаяся от общей теории права и социологии права.

Философский подход к пониманию статуса философии права, в отличие от юридического подхода, относит философию права к философским дисциплинам.

Так, Г. Гегель утверждал, что предметом философии права является идея права, его понятие и содержание, истинной наукой о праве является философия права. Под наукой о праве он понимал часть философии.

Философский подход к праву, в отличие от догматической юриспруденции, ориентирован на решение вопросов фундаментального характера. Какова сущность права? В чем заключается его телеология? Каковы критерии легитимности правовых установлений?

Философия права не ограничивается описанием действующего законодательства (позитивного права) — она исследует его идеальные формы, выявляет универсальные принципы справедливости, равенства и свободы, которые должны быть имманентны любому правопорядку, претендующему на легитимность.

Различные философские течения – от естественного права и позитивизма до социологической юриспруденции и теории права как целостной системы – предлагают свои интерпретации правовой реально-

сти, формируя мировоззренческую базу для дальнейших научных исследований. Именно философия задает рамки дискуссии, определяя, какие аспекты права требуют изучения и почему.

В отличие от философского подхода юридическая наука, опираясь на философские концепции (часто имплицитно, не рефлексируя этот акт), фокусируется на изучении конкретных правовых явлений. Ее предметное поле включает догматический анализ законодательных текстов, систематизацию нормативного материала, обобщение правоприменительной и судебной практики, разработку эффективных механизмов правового регулирования, экспертизу законопроектов.

Характеризуя методологический вид исследований как раздел, связанный с изучением вопроса о методах правового познания, важно учитывать, что юридическая наука выступает в нем как сфера деятельности по производству и организации объективного, достоверного, обоснованного, проверяемого знания о государстве и праве. [1, с.101]

Юридическая наука активно использует эмпирические методы — статистический анализ, социологические опросы, сравнительное правоведение, метод конкретно-социологических исследований. Ее цель — понять, как право реально функционирует в социальной ткани, выявить лакуны и коллизии, предложить пути оптимизации правового регулирования. Она стремится к максимальной определенности, формальной предсказуемости и процедурной четкости.

Юридическая наука исходит из сущего — действующего позитивного права, зафиксированного в нормативных актах, прецедентах и обычаях. Она не оценивает, а принимает нормативный материал как данность, занимаясь систематизацией и толкованием.

Не отрицая того, что философское понимание права близко к теории естественного права (оба подхода носят идеальный характер, исходят не из действующего права, а из того, каким право должно быть), тем не менее, оно не совпадает и не смыкается с ней.

Возьмём кантовскую идею о достоинстве личности: человек не может быть средством, только целью. В позитивном праве эта философская посылка закреплена в ст. 150 ГК РФ — достоинство относится к нематериальным благам, неотчуждаемым и непередаваемым. Ст. 152 ГК РФ даёт право на опровержение порочащих сведений и компенсацию морального вреда. Ст. 5.61 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за оскорбление (унижение чести и достоинства в неприличной форме) с санкцией в виде штрафа от 3 до 10 тысяч рублей.

Без философии нормы остаются формальными декларациями, без юриспруденции идея — абстракцией без исполнительной силы.

Взаимосвязь юридической науки и философского подхода является динамичной. Философские идеи, обретая научное обоснование, становятся более конкретными и применимыми.

Взаимодействие юридической науки и философского подхода к праву - это неразрывный симбиоз, где научные открытия и практический анализ правовой жизни подталкивают философию к трансформации своих концепций. При этом философское осмысление направляет юриспруденцию, предостерегая её от формализма и напоминая о высших целях – справедливости, свободе и порядке – и, посредством эмпирической обоснованности, воплощает эти философские идеи в действенные инструменты построения справедливого общества.

Список цитируемой литературы:

1. Егорова, О.А. О логических и исторических методах в правовом познании: научно-философский и правовой аспекты исследования / О.А. Егорова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. - 2024. - №1. – С.96-115.

2. Напалкова, И. Г. Соотношение философско-правового и теоретико-правового подходов к пониманию права / И.Г. Напалкова // Философия права. - 2020. - №1 (92). – С.26-33.

ПОДСЕКЦИЯ 2.
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Акулов Е.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юр. наук, доц.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ

Аннотация

В статье рассматривается понятие и содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений против собственности, совершаемых с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище. Анализируются основные элементы такой характеристики: особенности предмета преступного посягательства, личности преступника и потерпевшего, способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений. Отдельное внимание уделяется оперативно-розыскному противодействию данным видам преступлений, включая выявление, раскрытие и предупреждение. В заключении формулируются выводы о необходимости комплексного использования оперативно-розыскных мероприятий с учётом специфики рассматриваемых деяний.

Ключевые слова: оперативно-розыскная характеристика, преступления против собственности, кража, грабёж, незаконное проникновение, оперативно-розыскная деятельность, выявление и раскрытие преступлений, личность преступника.

Актуальность темы обусловлена высокой степенью общественной опасности и распространённостью корыстных посягательств на собственность, совершаемых с незаконным проникновением. Конституция РФ (ст. 35) гарантирует право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им. Уголовный кодекс РФ в главе 21 предусматривает ответственность за кражу (ст. 158), грабёж (ст. 161), разбой (ст. 162), кражу из нефтепровода (ст. 158.2) и другие деяния, при этом квалифицирующим признаком многих составов выступает незаконное проникновение в жилище, поме-

щение либо иное хранилище. Для эффективного выявления, раскрытия и предупреждения этих преступлений важное значение имеет их оперативно-розыскная характеристика (ОРХ).

Под оперативно-розыскной характеристикой преступлений против собственности, совершаемых с незаконным проникновением, понимается совокупность упорядоченных и взаимосвязанных информационных признаков уголовно-правового, криминалистического, психологического и иного характера, способствующих обоснованному выдвижению и проверке оперативно-розыскных версий [2, с. 11–16]. В отличие от криминалистической характеристики, ОРХ ориентирована на не процессуальные, негласные методы и служит информационной парадигмой для оперативного сотрудника органов внутренних дел.

Основными элементами ОРХ рассматриваемой группы преступлений являются: особенности предмета преступного посягательства, личности преступника, личности потерпевшего, а также способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений. В зависимости от вида деяния и способа проникновения содержание этих элементов различается.

Преступления против собственности с незаконным проникновением (п. «а» ч. 3 ст. 158, п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ) посягают на имущественные права физических и юридических лиц. Наиболее типичными предметами посягательства выступают денежные средства, ювелирные изделия, бытовая техника, портативная электроника, а также иное ликвидное имущество, которое можно быстро обратить в наличные деньги [5, с. 98]. Личность преступника характеризуется корыстной мотивацией, наличием криминального опыта, нередко – техническими навыками (взлом замков, отключение сигнализации, использование спецсредств). Наиболее криминально активный возраст – 18–45 лет, при этом значительную долю (до 35%) составляют лица, ранее судимые за аналогичные преступления [6]. Среди организаторов групповых краж нередки лица, имеющие связи со скупщиками краденого или коррумпированными сотрудниками охранных структур. Потерпевшими в основном становятся граждане, временно отсутствующие в жилище (находящиеся в отпуске, командировке), либо владельцы гаражей, дачных и садовых домиков, которые не обеспечили надёжную охрану имущества. Способы совершения включают предварительное наблюдение за объектом («рекогносцировка»), подбор орудий взлома, использование подложных документов (например, удостоверений сотрудников ЖЭКа или газовой службы) для беспрепятственного проникновения, а также отключение технических средств охраны.

Незаконное проникновение в жилище без цели хищения (ст. 139 УК РФ) нередко является сопутствующим или подготовительным дей-

ствием к краже или грабежу. Оно совершается путём взлома двери, окна, подбора ключей, либо под видом законного посещения (сантехник, почтальон). Субъект – лицо, не имеющее права находиться в жилище вопреки воле проживающих.

Грабёж с незаконным проникновением (п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ) отличается от кражи открытым способом изъятия имущества, нередко сопровождается угрозой применения насилия. Преступники в данном случае действуют более дерзко, часто в вечернее или ночное время, используя фактор внезапности. Потерпевшие при грабеже чаще оказываются очевидцами преступления, что повышает психологическую травматизацию.

Оперативно-розыскное противодействие данным преступлениям включает выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие. Выявление – это обнаружение признаков преступления (например, по данным о сбыте похищенного имущества). Раскрытие – установление лиц, его совершивших. Наиболее эффективной тактической схемой раскрытия является схема «от предмета преступления (похищенного имущества) или от способа – к лицу», поскольку похищенные вещи нередко всплывают в ломбардах, комиссионных магазинах, на интернет-площадках (Avito, Юла) [7]. На первоначальном этапе раскрытия применяются такие оперативно-розыскные мероприятия, как опрос (потерпевших, соседей, случайных свидетелей), наведение справок (о возможных местах сбыта), исследование предметов и документов (изъятых орудий взлома, следов обуви и перчаток), прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи (при наличии данных о связях подозреваемых), наблюдение за местами вероятного появления преступников (рынки, точки приёма металлолома), проверочная закупка (при выявлении фактов сбыта краденого), оперативный эксперимент. Важную роль играют источники информации в сети Интернет, включая закрытые каналы в мессенджерах (Telegram, WhatsApp), где организуются нелегальные доски объявлений о продаже похищенного.

Предупреждение преступлений в рамках ОРД осуществляется в форме индивидуальной профилактики – выявление лиц, от которых можно ожидать совершения преступления (ранее судимые за корыстные преступления, лица без постоянного источника дохода, ведущие криминальный образ жизни), и воздействие на них путём официального предостережения о недопустимости противоправных действий. Общая профилактика (усиление охраны объектов, установка видеонаблюдения, разъяснение гражданам правил безопасности) относится скорее к административной и общесоциальной деятельности. Пресечение направлено на недопущение реализации преступного умысла на

стадии приготовления – например, задержание лица при попытке взлома двери или в момент незаконного нахождения в охраняемом помещении до завершения хищения.

Таким образом, оперативно-розыскная характеристика преступлений против собственности, совершаемых с незаконным проникновением, позволяет систематизировать знания о данных деяниях и выбрать оптимальные методы противодействия. Учитывая высокую латентность и нередко серийный, групповой характер таких преступлений, необходимо комплексное применение как гласных, так и негласных оперативно-розыскных мероприятий, активное использование возможностей интернет-мониторинга, технических средств фиксации следов, а также налаживание взаимодействия с подразделениями участковых уполномоченных и патрульно-постовой службы для перекрытия каналов сбыта похищенного.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок). – Собрание законодательства РФ, 2020, № 31.

2. Ларичев В.Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: понятие и содержание / В.Д. Ларичев // Оперативник (сыщик). – 2009. – № 1 (18). – С. 11–16.

3. Гребельский Д.В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик / Д.В. Гребельский // Криминалистическая характеристика преступлений: труды Академии МВД СССР. – М., 1984. – С. 70–73.

4. Ильин Е.П. Психология зависти, враждебности, тщеславия. – СПб.: Питер, 2011. – 208 с.

5. Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. – М.: Юрайт, 2020. – 512 с.

6. Симбагаев Р.Р. Криминологические проблемы изучения и предупреждения преступлений, связанных с похищением человека: дис. … канд. юрид. наук. – Грозный, 2006. – 201 с.

Анютина А.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Корнев А.С., канд. юр. наук, доц.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ВЫЗВАННЫХ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕНАВИСТЬЮ

Аннотация

Актуальность данного вопроса заключается в том, что политические, экономические и социальные изменения в России, переход к гражданскому обществу и развитие правового государства характеризуются двумя тенденциями: с одной стороны, демократизацией и либерализацией всех сфер общественной жизни, а также внедрением соответствующих правовые реформы, а с другой - социальные разногласия и пропаганда культа наркомании, насилия и жестокости и других факторов в обществе, вызывающих повышенную агрессию людей, которая часто принимает криминальную форму.

Ключевые слова: мера пресечения, подозреваемый, обвиняемый, субъект уголовного процесса, преступления против личности, законодательство, насильственное преступление, национальная ненависть, вражда, законодательство.

Эффективность правового регулирования преступлений экстремистской направленности напрямую зависит от способности государства своевременно пресекать и предупреждать подобные посягательства. Объектом таких преступлений выступают как личность, так и основы российского общества и государства. Ключевым признаком является сложный мотив, основанный на политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, либо вражде к определённой социальной группе.

Данная категория правонарушений обладает рядом отличительных черт: несмотря на сравнительно невысокую статистику по сравнению с общеуголовной преступностью, они характеризуются высокой общественной опасностью, медийным резонансом, демонстративностью и организованностью. Их совершение порождает в обществе атмосферу страха и недоверия к государственным институтам, подрывает безопасность и провоцирует ответную агрессию. Актуальность проблемы обусловлена её статусом угрозы национальной безопасности. Это подтверждается «Стратегией национальной безопасности РФ до 2020 года», где деятельность экстремистских организаций определена

как источник дестабилизации внутриполитической обстановки. Рост экстремистских проявлений является следствием сложной социально-политической и экономической конъюнктуры.

Экстремизм детерминирован комплексом факторов: от социально-психологических и экономических до идеологических и информационных. В этих условиях уголовно-правовое реагирование выступает наиболее действенным инструментом противодействия, учитывая активное распространение радикальных идей в молодёжной среде. Термин «преступления экстремистской направленности» является относительно новым для отечественного уголовного права. Его концептуальная основа заложена в положениях Конституции РФ (ст. 13, 19), устанавливающих запрет на деятельность, направленную на разжигание розни, и гарантирующих равенство прав независимо от расы, национальности или религии (ч. 1-3 ст. 29 Конституции РФ) [2;132]. Юридическое закрепление понятий «экстремистские проявления» (в том числе в контексте национализма и шовинизма) и «политический экстремизм» впервые состоялось на законодательном уровне в Указе Президента РФ от 23 марта 1995 г. № 310. Основной целью данного акта являлась координация деятельности государственных структур в борьбе с фашизмом и иными радикальными идеологиями.

Вместе с тем, юридическая значимость указа была ограничена его декларативным характером. Нося преимущественно политический и установочный характер, документ не содержал чётких дефиниций закреплённых терминов, что оставило их без детального правового толкования. В рамках Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г., которую подписали главы государств Российской Федерации, Республики Казахстан, Киргизской Республики, Китайской Народной Республики, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан в г. Шанхае (Китай), был создан прецедент формулирования экстремизма как содержательного правового понятия, причём только уголовно-правового, посредством определения исчерпывающего перечня преступлений, его составляющих.

Указанная Конвенция была ратифицирована Федеральным законом от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». Следует признать, что это исключительный случай для международного права, поскольку в зарубежном уголовном законодательстве ряда государств данное понятие отсутствует. В Конвенции определено, что экстремизм — это какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность,

в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооружённых формирований или участие в них.

Данное определение является исчерпывающим: содержит в себе шесть составов преступлений и имеет международно-уголовный характер. Указанная Конвенция затрагивает проблему Уголовного кодекса РФ как единственного источника российского уголовного права [1;32]. Перечень деяний, относимых к экстремизму, носит во многом условный и политически обусловленный характер. В его основе преимущественно лежат насильственные преступления, направленные против основ государственного строя. Подобная формулировка возникла не случайно: она отражает стремление государств защитить себя от нарастающих угроз — сепаратизма, массовых волнений, агрессии в адрес представителей власти, а также участившихся случаев вандализма.

Однако сам принцип объединения этих преступлений в единую категорию достаточно условен, поскольку государственная измена и подобные ей деяния не охватывают всего многообразия проявлений экстремизма. В этом контексте нельзя не согласиться с позицией С. М. Кочои: подобное узкое толкование не соответствует истинному значению и сути понятия «экстремизм»

Список цитируемой литературы:

1. Грекова, Б.Д. Правда русская. Ин-т истории Акад. наук СССР. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, – 1963. – С. 56.

2. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (принят третьей сессией ВС РСФСР пятого созыва 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591. [Электронный ресурс]. – СПС КонсультантПлюс – URL: https://goo.su/Co3xPsF (дата обращения: 04.04.2024).

3. Юшков, С. Курс истории государства и права СССР. Общественно политический строй и право Киевского государства. – М.: Юридическая литература, – 1949. – С. 52.

Бирюкова У.И., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель –Шагунова В.М., канд. юр. наук, доц.

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИМИ РАБОТНИКАМИ ЛИБО ИНЫМИ ЛИЦАМИ, НА КОТОРЫХ ЗАКОНОМ ВОЗЛОЖЕНЫ ОБЯЗАННОСТИ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПО СТ.156 УК РФ

Аннотация

Объективная сторона ст. 156 УК РФ имеет множество особенностей, именно поэтому необходимо уделить им особое внимание. В статье рассмотрены варианты жестокого отношения с несовершеннолетними, а также неосполнения обязанностоей по воспитанию несовершеннолетних. Помимо того, рассмотрена их взаимное дополнение и невозможность их разрыва при выполнении объективной стороны.

Ключевые слова: объективная сторона, социализация, неисполнение обязанностей, несовершеннолетние, жестокое обращение.

Воспитание несовершеннолетних выступает процессом социализации детей и подростоков, представляющим собой важный процесс для адаптации и взаимодействия инидивидуума со взрослым миром, а также формирования личности. Сложность воспитания состоит в несформированном до конца мировоззрении несовершеннолетних, из-за чего любое действие взрослого человека способно оказать на ребёнка воздействие, как в положительном, так и в негативном ключе. Именно поэтому преступления, совершаемые педагогическим работниками либо иными лицами, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего имеют высокий уровень общественной опасности.

Помимо того, в периоды несовершеннолетнего возраста дети и подростки в полной мере не могут самостоятельно пользоваться своими правами, что также выявляет общественную опасность деяния. Скворцова О.В. считает, что высока общественная опасность неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, поскольку у такого потерпевшего только начинается процесс формирования физических качеств и психики, определяющих впоследствии характер, взгляды, наклонности[4; с. 132].Отсюда следует, что автор период детства до 14 лет играет ключевую роль в развитии и становлении личности, посколь-

ку именно в этом возрасте сознание человека является наиболее подверженным влиянию со стороны соверешеннолетних, в особенности педагогичексих работников и лиц, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Данный вывод обосновывается тем, что несовершеннолетние большинство своего времени проводят в окружении учителей, репетиторов, тренеров и других лиц.

Рассматривая статью 156 Уголовного кодекса Российской Федерации, можем заметить, что диспозиция нормы имеет термины в своём содержании. В данной статье указано соединение действий с жестоким обращением с несовереннолетними, что находит своё выражение в нескольких деяниях, которые могут совершаться как одновременно, так и существовать в самостоятельном виде. Таким образом, жестокое обращения с несовершеннолетними в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 №44, Жестокое обращение с детьми выражается в физическом насилии, психическом насилии и покушении на их половую неприкосновенность[1]. Из всех вышеуказанных способов жеского обращения с детьми выделяется психическое насилие, так как педагогический работник и иные лица, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего не совершают действий направленных на непосредственный контакт с телом потерпевшего, а лишь на его психику, например, оскорбления, травля или совешение поступков, противоречащих нормам морали при потерпевшем, в то время как физическое насилие и покушение на половую неприкосновенность сопровождаются телесным контактом виновного и потерпевшего. Ввиду того, что психическое насилие выделяется из остальны способов жестокого обращения, это не умаляет его уровня жестокости.

А.Н. Игнатов определяет жестокость через «непредоставление несовершеннолетнему питания, в запирании в помещении одного на долгое время, в систематическом унижении его достоинства, издевательствах, нанесении побоев и т.п[3].Автор затрагивает наиболее важную для жизни потребность - питание, необходимо дополнить этот перечень лишением возможности употребления воды, ущемление в использовании тёплой одежды или вовсе её изъятие, также изолирование несовершеннолетнего в помещение с низким температурным режимом для человека, тем более представляющим угрозу для здоровья ребёнка или подростка. Указанные действия представляют жестокость из-за того, что потерпевший теряет доступ к возможности удовлетворить свои жизненно важные базовые потребности.

В судебной практике жестокое обращение чаще всего выражается в форме физического или психического насилия, применяемого в отношении несовершеннолетнего, а также в применении к детям недопустимых

способов воспитания, указывает Акиев А.Р. [4, с.36]. Недопустимые способы воспитания в данном случае имеют множество вариантов своего выражения, преимущественно в формах наказания несовершеннолетних, примерами могут выступать наказания в различном виде за поведение, которое не является проявлением девиантности. Помимо того, эксплуатация детей и подростоков, прявляющиеся в принуждении к совершению различных действий, не соответсвующих возрасту потерпевшего, ставящих подростка или ребёнка в полностью безвыходное положение. Что сопровождается полным игнорированием со стороны виновного чувств, эмоций и переживаний несовершеннолетнего и в дальнейшем сознательном уклонении от псохологической помощи и поддержки.

В том случае, если неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего не будет сопряжено с жестоким обращением, то состава преступления по ст. 156 УК РФ не будет, поскольку это является обязательным элементом объективной стороны преступления. В противном случае, квалифицировать содеянное необходимо по иным составам уголовно наказуемых деяний.

Рассматривая момент окончания деяния по ст. 156 УК РФ в рамках жестокого обращения, то достаточно совершения одного из указанных способов, перечисленных альтернативно, а количество эпизодов жестокого обращения с несовершеннолетними предполагает наличия хотя бы одного акта совершения.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей является основой объективной стороны при совершении преступления, запрещённого ст. 156 УК РФ. Неисполнение обязанностей в большей мере представляет собой бездействие, то есть неучастие в воспитательном процессе в полной мере, не осуществляя каких-бы то ни было мероприятий, касающихся воспитания, также неисполнение обязанностей может выражаться в уклонении от части таких обязанностей, при этом сопряжено с жестоким обращением. При ненадлежащем исполнении обязанностей виновный намеренно исполняет свои обязанности в неприемлемом или неудовлетворительном виде либо в фрагментарном их исполнении.

Совершая объективную сторону указанного преступления, виновный реализует антиморальное отношение к несовершеннолетним, что оказывает на них неизгладимое воздействие в негативном проявлении, что в свою очередь, непосредственно будет сказываться на дальнейшем развитии и социализации детей.

Список цитируемой литературы:

1. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при

ограничении или лишении родительских прав : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 14 нояб. 2017 г. № 44 — URL:https://www.consultant.ru (дата обращения: 14.04.2026). —Режим доступа: КонсультантПлюс : [справ.-правовоая система], свобод. из локал. Сети Липецкого фил. РАНХиГС. — Текст : электронный.

2. Акиев, А.Р., Фисенко, Д.Ю. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и направления совершенствования нормы, предусмотренной статьей 156 УК РФ / А.Р. Акиева, Д.Ю. Фисенко // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2019. — №4 (37). С. 31-38.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Изд. 3-е, изм. и доп. / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. Москва, 2004.

4. Скворцова, О.В., Нестеренко А. А. неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: вопросы регламентации, квалификации, совершенствования положений действующего уголовного законодательства, обзор судебной практики / о.в. скворцова // ученые записки крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2020. — №4. — С. 130-141.

Болдырева Ю.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель –Шагунова В.М., канд. юр. наук, доц.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ОТ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ И ОБОРОТА ОСОБО ЦЕННЫХ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ И ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Аннотация

В данной научной статье автор обращает внимание на характерные особенности состава незаконной добычи и оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов. Помимо того, рассмотрены смежные составы преступлений, предусмотренных: ст.258, ст.259 и ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации и их разграничение со ст.258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: незаконная добыча, оборот, особо ценные дикие животные, водные биологические ресурсы, незаконная охота, критическое местообитание, жестокое обращение.

На сегодняшний день как в Российской Федерации, так и за рубежом активно развивается тема защиты экологии. В России осуществляется как государственная, так и общественная поддержка представителей животного мира, занесённых в Красную книгу, примерами выступают: национальный проект «Экологическое благополучие», направленный на экологическое просвещение, защиту редких видов животных, очищение водных объектов, проект «Беломедвежья перепись» был направлен на подсчёт популяции белых медведей на острове Врангеля с использованием непилотируемых летательных приспособлений, проект «Мир Красной книги» ориентирован на получение и распространение фото и видео редких представителей флоры и фауны с целью повышения осведомлённости населения о таких животных и стимулирования более ответственного отношения человека к дикой природе.

В особенности необходимо обратить внимание на статью 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данная норма была введена законодателем относительно недавно, а именно в 2013 году и является свежим направлением в сфере охраны окружающей среды.

Рассматривая диспозицию ст.258.1, раскрываются действия, при совершении которых выполняется объективная сторона преступления. Речь идёт об исчерпывающем перечне противоправных деяний, перечисленных в альтернативном виде, что свидетельствует о достаточности выполнения одного из указанных действия для привлечения субъекта к уголовной ответственности, а именно: добыча, приобретение, содержание, хранение, пересылка, перевозка и продажа.

Введение уголовной ответственности за указанные действия, то есть объективную сторону, обусловлено редкостью таких представителей природы, что порождает огромный спрос и востребованность браконьеров и контрабандистов к предмету преступного посягательства. Именно поэтому необходимо регулировать, предупреждать и пресекать действия, указанные в диспозиции ст. 258.1 УК РФ.

Чудайкина А.С. пишет: «Основная характеристика смежных преступлений сводится к следующему: эти составы имеют одинаковые признаки, формирующие их основное содержание, но вместе с тем различаются хотя бы одной деталью - эта разница всегда носит самостоятельный характер и не выражается в отношении общего и частного либо целого и его части» [3]. Таким образом, признаки смежных составов уголовно наказуемых деяний на первый взгляд могут быть идентичными, но при детальном изучении норм выявляются значительные несоответствия. Часть признаков может поглощать в себя элементы иного преступления, в таком случае он будет являются более обширным и неконкретизированным. Вопреки этому, признаки могут

быть полярными по отношению друг к другу и не иметь общих черт, также наоборот элементы могут быть тождественными и не противоречить один другому.

Разграничивая данное преступление со смежным составами необходимо рассмотреть состав преступления ст 258.1 УК РФ, помимо объективной стороны необходимо обратить внимание на предмет преступного посягательства, которым выступают особо ценные дикие животные и водные биологические ресурсы. Перечень указанных представителей фауны находит своё отражение в Постановление Правительства РФ от 31.10.2013 N 978 (ред. от 05.10.2023) "Об утверждении перечня особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1, 258.1 и 260.1 Уголовного кодекса Российской Федерации". В указанном Постановлении Правительства РФ предмет ст.258.1 содержится в пунктах 1 «Млекопитающие», в количестве 7 видов и 3 «Рыбы», в количестве 11 видов. Помимо этого, предметом могут выступать их части и дериваты. Дефиниции указанных терминов закреплены в постановления Пленума Верховного Суда РФ от № 21, содержание которых устанавливает что под частями диких животных следует понимать не подвергшиеся обработке искусственно выделенные фрагменты, органы, вещества (например, внутренние органы, кости, желчь, шкура и т.д.), под производными диких животных - продукты их хозяйственной переработки (например, пищевые продукты, медицинские и биологические препараты, меховые изделия, сувениры).

Д.М. Гусаренко пишет: « под видовым объектом экологических преступлений следует понимать отношения в сфере охраны, рационального использования природной среды и обеспечения экологической безопасности её компонентов и населения»[2]. Можно сделать вывод о том, что одним из главенствующих аспектов в жизни общества является достижение баланса в экологической сфере, что в дальнейшем приведёт к безопасности человечества. Для достижения такого баланса необходимо обеспечить защищенность и сохранность природного мира. Под непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст.258.1 понимаются общественные отношения, которые направлены на обеспечение охраны особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, занесённых в Красную книгу.

Субъект ст.258.1 является общим, то есть обладает следующими свойствами: вменяемость, физическое лицо, достижение возраста 16 лет. Также по п. «а» ч.2 ст.258.1 предусмотрен специальный субъект-лицо, использующее своё служебное положение.

Также достаточно «свежей» является часть 1.1 данной статьи, которая была введена в 2018 году. Она предусматривает наказание за незаконное приобретение или продажу предмета преступления с использованием СМИ И «Интернета». Введение такой части законодателем обуславливается развитием компъютерных технологий и непосредственно с их массовым использованием. Также большое влияние сыграла повышенная глобализация в наши дни, которая способствует глобальным коммуникациям через информационно-коммуникационные технологии. В вязи с тем, что общественность ежедневно черпает информацию через СМИ и «Интернет», общественная опасность возрастает в огромное количество раз, и таким образом население начинает считать такие действия законными ввиду юридической неосведомлённости.

Обращаясь к смежным составам, необходимо обратить внимание на существенную разницу заключающейся в отсутствии признака ценности предмета преступления, который необходимо рассматривать в качестве редкости биологических ресурсов и факта включения в Красную книгу.

Смежным составом является ст. 258 УК РФ предусматривающая уголовную ответственность за незаконную охоту. В данном случае различие также состоит в предмете состава преступления. Рассматривая норму о незаконной охоте, речь идёт об охоте на диких животных, следовательно, данные представители также фауны не обладают признаком ценности и не охраняются Красной книгой. При этом, в отличие от предыдущего сравнения, предмет незаконной охоты не включает в себя какие-либо водные биологические ресурсы, а лишь диких животных, в отличие от предмета ст. 258.1 УК РФ.

Также необходимо различать преступление предусмотренной ст. 259 УК РФ, которое представляет собой уничтожение критических местообитаний для организмов, занесённых в Красную книгу. Преступление субъекта будет направлено не на охраняемых Красной книгой представителей фауны, а на места их обитания. Посредством совершения объективной стороны по уничтожению мест обитания, нет прямого воздействия и контакта на животных и водных биологических ресурсов, но общественная опасность состоит в их дальнейшем страдании и возможном вымирании, поскольку критичность местообитаний состоит в том, что животные находятся в статической ситуации, представляющей угрозу и повышенную возможность вымирания. Поэтому, воздействие на животный мир будет не прямым, а косвенным, что не делает его менее опасным.

Не менее важным представляется смежность в составах ст. 245 УК РФ и ст.258.1 УК РФ, то есть выявить отличие незаконной охоты от исследуемой нормы. Различие касается предмета, а именно при вы-

полнении объективной стороны преступные действия направлены на любых животных, включая диких, домашних, одичавший домашний скот, бездомных. В данном случае предмет намного шире, чем в ст. 258.1 УК РФ. Кроме того, различна цель совершения преступления, при жестоком обращении с животными- намеренное причинение боли и страданий предмету посягательства, тогда как при совершения преступления, предусмотренного ст.258.1 – незаконные добыча, содержание, приобретение, хранение, перевозка, пересылка и продажа, при совершении таких действий нет цели подвергать мучению представителя фауны.

Таким образом, преступление, предусмотренное ст. 258.1 УК РФ «Незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов» имеет большое количество смежных составов, которые необходимо разграничивать для верной квалификации содеянного, обеспечения законности и справедливости в уголовно-правовой сфере Российской Федерации.

Список цитируемой литературы:

1. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Пленума Верх. Суда Рос. Федерации от 18 окт. 2012 г. № 21 : [ред. от 15 дек. 2015 г.] // Российская газета . – 2012. – 18 окт. (№21). Ст. 4.

2. Гусаренко, Д.М. Криминализация посягательств на особо ценные виды диких животных /Д.М.Гусаренко // «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – 2020.

3. чудайкина, а. с. проблемы разграничения смежных составов преступлений в судебной практике: к вопросу о переквалификации // Вестник науки. – 2026. – №3 (96). С. 181-193.

Буракова А.С., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Соловьева В.В., д-р ист. наук, проф.

СООТНОШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ФИЛОСОФСКОГО ПОДХОДА К ПРАВУ

Аннотация

В данной статье проводится комплексный анализ соотношения юридической науки и философского подхода к праву в контексте современной методологической парадигмы. Исследуются фундаментальные различия в отношении объекта и предмета. Выявляются ключевые исторические предпосылки. Обосновывается позиция о том, что философско-правовая рефлексия не вступает в конфронтацию с общетеоретическим правоведением, а выступает необходимым теоретическим основанием, обеспечивающим аксиологическую оценку, критический анализ и формирование правосознания.

Ключевые слова: методология права; философия права; общая теория права; юридическая наука; правовая реальность; аксиология права; правопонимание.

Современная правовая действительность выражается все большим усложнением нормативных массивов, а также ускорением информационных технологий и их внедрением. В такой парадигме позитивистский и догматический подходы, ограничивающиеся толкованием действующих норм и квалификацией деяний, показывают серьезную ограниченность. Право все больше перестает трактоваться как средство государственного принуждения, приобретая статус культурно-социального явления, отражающего ценностно-этическое и мировоззренческое содержание. В этом смысле актуализируется вопрос о соотношении строгой, конструктивистской юридической науки и философского подхода, ориентированного на выявление сущности и оценку состояния правовой реальности.

На начальных этапах развития правовой мысли в период античности, Средних веков юриспруденция и философия входили в единое когнитивное поле. Право осознавалось через призму нравственной справедливости, божественного дара и естественного права, что не требовало разделения между эмпирическим анализом норм и теоретическим размышлением. Однако, процесс профессионального осмысления юридического знания, становления позитивного права, формирования национального законодательства обусловил необходимость ме-

тодологического разделения. Теория права сконцентрировалась на систематизации норм, выявлении механизмов правового регулирования, классификации источников и доктринах. Философия права напротив, сохраняет за собой функцию критического осмысления правовых институтов, соотношения прав и свобод, морали и права, а также изыскания правовых идеалов. При этом стоит придать значение тому, что философский подход существует «вне вакуума». Как отмечает И. А. Иванников, «Философия права есть теоретический анализ государственно-правовых явлений, который начинается с эмпирического познания политической, законотворческой и правоприменительной практики, превращающейся в дискурс» [1, с. 38]. Таким образом, философская рефлексия исходит из реальной юридической действительности, но переводит ее на уровень концептуального обобщения и ценностного толкования.

Фундаментальное различие между юридической наукой и философским подходом выражается в применяемом понятийном аппарате и методах познания. Общая правовая теория опирается на понятийное мышление, направленное на закрепление отдельных свойств правовой действительности, систематизацию нормативных предписаний и установление логических связей между правовыми институтами. Методология тяготеет к формально-логическому анализу, в то время как философия права апеллирует к категориям общего порядка таких, как справедливость, свобода, ответственность, которые выводятся из текста нормы, задавая идеалистический вектор правового регулирования. В этом плане И. Г. Напалкова подчеркивает многоуровневую, оценочную структуру правового знания: «Философия права является высшим, более широким, всесторонним знанием о праве, а общая теория права как средний уровень исследования права характеризуется менее общим, но более глубоким предметом, приближенным к юридической практике» [2, с. 32]. Подобное разграничение носит функциональный характер. Юридическая догматика и теория права отвечают на вопросы о том, как устроено право и каковы способы его применения, в то же время философский подход обращает свое внимание на вопросы о том, каким должно быть право, соответствует ли закон понятиям нравственности и каковы допустимые пределы принуждения посредством права. Философское мышление позволяет выявить юридические смыслы, в то время как юридическая наука обеспечивает точность и последовательность правового регулирования.

Искусственное противопоставление юридической науки и философского подхода ведет к теоретическому дуализму. С одной стороны, юридический формализм, а с другой, утопические философские концепции. Преодоление данного расхождения может быть достигнуто на

пути формирования уровня юридического знания, что позволит взаимно обогащать два направления изучения. На данном этапе абстрактные философские категории переходят в рабочие концепции, а юридические конструкции наполняются более глубоким содержанием. Именно в данный момент происходит выработка критериев правопонимания, обоснование легитимности нормативных актов и формирование юридического образа мира. Ю. А. Чернавин обосновывает необходимость интеграции через концепцию взаимодополняемости, указывая, что современное развитие правовой мысли означает «воссоединение на отношениях дополнительности: описание моделей права (правового человека) в рамках и категориях как философской рефлексии данного феномена, так и его юридического постижения» [3, с. 77]. Подобный синтез является специфической формой научного знания, объединяющего абстрактную глубину философской мысли и научную строгость правового анализа.

Соотношение юридической науки и философского подхода носит комплексный характер. Юридическая наука обеспечивает системность правового знания, выступая опорой правовой системы. Философия права наполняет его смыслом, определяет ценностные ориентиры, формируя мировоззренческую основу правосознания. Разделение по предмету и методу не должно вести к разрыву, а, напротив, должно соединять, создавать взаимодополняющую структуру. Только через взаимное дополнение юриспруденции и философии, можно сформировать целостную правовую структуру.

Список цитируемой литературы:

1. Иванников, И.А. Место философии права в системе юридических наук / И.А. Иванников // Журнал российского права. – 2018. – № 4. – С. 36-42.

2. Напалкова, И.Г. Соотношение философско-правового подходов к пониманию права / И.Г. Напалкова // Философия права. – 2020. – № 1 (92). – С. 26-33.

3. Чернавин, Ю.А. Философия права и теория права: проблема взаимоотношений / Ю.А. Чернавин // Философия права. – 2019. – № 1 (88). – С. 72-79.

Воронина Е. А., Шардыкина С.А., студенты
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Суханова И.Ю., ст. препод.

ПОСМЕРТНАЯ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация

В данной статье рассмотрены ключевые особенности производства посмертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ), объектом которой выступает несовершеннолетний. Особое внимание уделяется процессуальным рискам, связанным с оценкой заключения эксперта судом. В настоящее время тема является актуальной, поскольку в России растет уровень подростковой смертности, включая суициды, которые отличаются сложностью доказывания по уголовным делам о доведении до самоубийства. Также в современном обществе возникает трудность анализа цифровой среды, которая стала основным источником информации.

Ключевые слова: посмертная судебно-психиатрическая экспертиза, несовершеннолетние, суицид, аффект, уголовное судопроизводство, экспертная ошибка, беспомощное состояние.

Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза (ПСЭ) является специальной формой судебной медицины, которая направлена на изучение психического состояния лица в период, предшествующий смерти, с целью выяснения факторов, влияющих на поведение, возможной психопатологии и их связи с обстоятельствами наступления смерти. В отношении несовершеннолетних ПСЭ приобретает особую значимость из-за возрастных особенностей развития и прав ребенка. В современных условиях в РФ задача ПСЭ по отношению к детям и подросткам требует четкого взаимодействия между судебно-медицинскими экспертами, психиатрами, следственными органами и органами опеки. КСППЭ по факту смерти вследствие суицида» предполагает экспертное исследование с целью определения конкретной мотивации суицидента, установление в ходе его причинно-следственных зависимостей между действиями тех или иных лиц и совершением суицида. Вышеперечисленное повышает значимость психологического заключения и, следовательно, ответственность психолога [3, с. 113].

Для несовершеннолетних особенно важно учитывать стадийность развития, влияние семейной и социальной среды, и обязательно возрастные особенности.

Если говорить про отличие от посмертной экспертизы у взрослых, то стоит сказать, что у детей и подростков психические расстройства могут иметь пересечения с нормальными стадиями развития, влияние травматического опыта, внимания к задержкам в развитии и когнитивной незрелости. В связи с этим к выводам ПСЭ предъявляются повышенные требования к обоснованности диагностики и заключения. В условиях посмертной экспертизы важна нейтральность, уважение к памяти ребенка и минимизация повторной травматизации семей и близких.

Для проведения КСППЭ эксперту должны быть представлены данные о процессе развития несовершеннолетнего от начала до окончания жизни, включая ранние ее стадии – формирование речи, социальные и психологические особенности формирования личности на разных этапах взросления, стиль родительского воспитания, интеллектуальные, коммуникативные, эмоциональные качества, присущие потерпевшему перед самоубийством; ситуационные проявления доминирующих качеств личности несовершеннолетних – основных ценностей, ведущих мотивов, установок, характера, темперамента и др.; информация о волевых качествах несовершеннолетнего, его способностях к пре одолению трудностей, возникающих в различных жизненных ситуациях и т.п.; способы оценки несовершеннолетним собственной личности и сложившейся ситуации, его перспективных и текущих планов; состояние по терпевшего в период, непосредственно пред шествующий самоубийству [1, с. 50].

В российском законодательстве базу для проведения судебно-психиатрической экспертизы формируют две сферы: судопроизводство и медицина. Такое исследование назначается только по запросу судьи, следователя либо прокурора и действует в рамках процессуальных норм, УПК, а также профессиональных врачебных рекомендаций. Когда речь идет о гибели ребенка, первостепенное значение приобретают защита его законных интересов, получение добровольного согласия от родителей или опекунов на медицинские манипуляции, анализ семейной и социальной обстановки, а также максимальная непредвзятость экспертных заключений. Чтобы судебно-психиатрическая экспертиза дала качественный результат, нужно тесное взаимодействие судмедэкспертов, психиатров, патологов, сотрудников следствия, органов опеки, прокуратуры и судов. Речь идет, в частности, о передаче необходимых бумаг, доступе к медицинским картам и в обязательном порядке — к психиатрической документации.

Результаты экспертизы оформляются в виде протокола. Он является итоговым процессуальным документом, который содержит ответы на вопросы, поставленные судом, следователем, дознавателем или другим уполномоченным лицом. Это заключение составляется в пись-

менной форме и удостоверяется печатью экспертного учреждения. Структура заключения обычно включает в себя три элемента, а именно: вводную часть, исследовательскую часть и выводы. Также в экспертизе должны содержаться обоснование выводов, используемые источники информации, перечень ограничений, а также рекомендации для следственных органов и суда. Важна прозрачность методологии и возможность последующей проверки другими экспертами.

Можно добавить, что в нашей стране назрела острая необходимость создать единые общенациональные методички по судебно-психиатрической экспертизе для детей и подростков. В таких документах стоит прописать четкие стандарты: как именно собирать первичные данные, как формулировать экспертные заключения и каким критериям качества они должны соответствовать. Сейчас на практике подходы в разных регионах порой сильно отличаются друг от друга. Плюс ко всему, часто не хватает квалифицированных кадров — детских психиатров и специалистов именно по судебной психиатрии, — и остро стоит вопрос их дополнительного обучения и повышения уровня владения темой.

Нередко бывает очень сложно достоверно отличить обычные возрастные особенности детского развития от настоящей патологической психопатии, особенно если в распоряжении экспертов мало информации по конкретному случаю. Поэтому крайне важно, чтобы в выводах эксперты прямо и недвусмысленно указывали, насколько они уверены в своих заключениях, и где проходят границы этой уверенности.

Мохонько А.Р. в своей работе отмечал, что: «Из-за трудностей, возникающих при установлении диагноза психического заболевания в подростковом возрасте, СПЭ несовершеннолетних является сложным видом судебно-психиатрического освидетельствования, требующим преимущественно стационарного обследования. Однако в подавляющем большинстве случаев СПЭ проводится амбулаторно и к тому же экспертами, не всегда имеющими глубокие знания о специфике психических расстройств в подростковом возрасте» [6, с. 19].

Когда речь идёт о детях и их семьях, обязательно соблюдаются правила работы с личными данными и врачебная тайна. Особенно это касается ситуаций, когда материалы дела публикуются или передаются куда-либо. В судах выводы о том, было ли у несовершеннолетнего на момент смерти психическое расстройство или нет, могут серьёзно повлиять на юридическую оценку его действий и на решение вопроса о виновности. Но в делах с участием детей акцент всё же смещается на то, чтобы использовать результаты судебно-психиатрической экспертизы как один из ключевых элементов доказательств, а не единственный.

Такая экспертиза позволяет лучше понять, чем руководствовался ребёнок, мог ли он осознанно контролировать своё поведение и как

именно психические особенности повлияли на его поступки. И суд уже вправе учесть эти данные при вынесении окончательного решения.

Ещё стоит добавить, что для повышения качества всей этой процедуры очень не помешало бы разработать общероссийские методички именно по посмертной судебно-психиатрической экспертизе детей. В таких руководствах нужно прописать, как правильно собирать и анализировать данные, как формулировать выводы, как налаживать взаимодействие между разными ведомствами и какие требования предъявлять к самой экспертизе, чтобы она была качественной.

Помимо этого, можно было бы попробовать расширить программы обучения для психиатров, судмедэкспертов и психотерапевтов — пусть их лучше учат именно этой теме. А ещё хорошо бы наладить нормальный обмен информацией между разными структурами и создать общие протоколы для работы и с родственниками, и с органами опеки. Плюс ко всему, неплохо бы разработать независимые этические правила, ввести какой-то общественный контроль и привлечь специальные комитеты к участию в экспертизах и при публикациях материалов по делам несовершеннолетних.

Таким образом, производство судебно - психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетних имеет свои характерные черты, которые, с одной стороны, связаны с общими правовыми нормами законодательства РФ, посвящённого особенностям осуществления экспертной деятельности, а с другой, со спецификой менталитета несовершеннолетнего, обуславливающих особый подход к проведению экспертизы. В данном случае подразумевается специальная методология обследования, выявление и оценка психических расстройств, диагностика и экспертная квалификация, в совокупности способствующих формированию объективного экспертного заключения. [7, с. 138] Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза в отношении несовершеннолетних является важным, однако сложным направлением судебной медицины и психиатрии в Российской Федерации. Учитывая возрастные особенности, необходимость защиты прав ребенка и требования правосудия, задача специалистов — обеспечить надежную, этичную и прозрачную реконцию психического состояния, источников информации и ограничений выводов.

Список цитируемой литературы:

1. Бычкова, А.М. Посмертная комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза по делам о самоубийствах несовершеннолетних / А.М. Бычкова // Пролог: журнал о праве. Серия: Право. – 2020. – №4(28). – С. 46-55.

2. Бадмаева, В.Д. Факторы риска суицидального поведения несовершеннолетних (по материалам посмертных комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз) / В.Д. Бадмаева // Научные результаты биомедицинских результатов. Серия: Наука о здоровье. – 2019. – №4. – С.117-128.

3. Рязанова, А.Ю. Сложности психолого-психиатрической экспертной квалификации психического состояния несовершеннолетних, покончивших жизнь самоубийством. / А.Ю. Рязанова // Психология. Психофизиология. Серия: Прочие медицинские науки. – 2018. – № 1. – С. 112-119.

4. Кузнецова, П.В. Летальный суицид: анализ посмертных амбулаторных комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз / П.В. Кузнецова // Тюменский медицинский журнал. Серия: Прочие медицинские науки. – 2018. – №4 – С. 19-24.

5. Рожков, С.Н. Особенности мотивации суицидального поведения у подростков при завершенных суицидах / С.Н. Рожков // Омский психиатрический журнал. Серия: Психологические науки. – 2016. – № 4(10). – С. 22-24.

6. Мохонько, А.Р. Судебно-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних / А.Р. Мохонько // Российский психиатрический журнал. Серия: Право. – 2014. – № 6. – С. 18-26.

Гальцова С.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М., канд.юрид.наук,доц.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

Аннотация

В статье рассмотрены понятие и специфика преступных действий, совершаемых работниками в сфере медицины при осуществлении ими своих профессиональных обязанностей. Дается характеристика ятрогенных преступлений относительно современной юридической практики. Обосновывается необходимость установления всех признаков данного вида преступления с целью правильной квалификации деяний.

Ключевые слова: медицинский работник; ятрогения; здоровье; пациент.

Конституция РФ определяет Россию как демократическое, правовое и социальное государство, в котором наивысшей ценностью обладает достойная жизнь человека. В связи с этим государство возлагает на себя обязанность по созданию условий для достойного уровня жизни, а также развития всех сфер жизнедеятельности граждан. Кроме того, Конституция РФ включает в себя нормы, обеспечивающие охрану здоровья населения страны, устанавливая за каждым гражданином возможность на своевременную и квалифицированную медицинскую помощь.

Так, в статье 41 Конституции указано, что: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений» [1]. При этом, если медицинские работники скрывают обстоятельства, которые создают угрозу жизни и здоровья граждан, то наступает соответствующая ответственность.

Определяя специфику данных преступлений стоит указать, что: «Ятрогения – это медико-правовой термин, означающий деяние медицинского работника, повлекшее смерть или вред здоровью пациента. Ятрогения приобретает уголовно-правовое значение, т.е. влечет уголовную ответственность только в случаях виновного нарушения правил и (или) стандартов оказания медицинской помощи медицинскими работниками, вследствие которого наступают общественно опасные последствия-смерть, вред здоровью» [3, с. 230].

Необходимо обратить внимание на то, что 2020 год характеризовался значительными изменениями, которые коснулись Следственного Комитета РФ. В субъектах РФ началось формирование специальных подразделений, задачей которых является расследование преступлений, осуществляемых в медицинской деятельности.

Противоправные деяния медицинских работников могут носить как умышленный, так и неосторожный характер, которые в последствии являются причиной нарушения норм, принципов и условий оказания медицинской помощи гражданам. Прослеживая причинно-следственную связь, стоит указать на то, что такие деяния влекут за собой возникновение угрозы причинения вреда жизни и здоровью пациентов, нуждающихся в квалифицированной помощи.

Рассмотрим признаки преступлений, совершаемых в сфере оказания медицинской помощи:

1) Противоправное деяние должно быть выражено в действиях субъекта, профессиональные навыки и статус медицинского работника которого должны подтверждаться на основании документов;

2) Нарушения правил и условий должны касаться непосредственно профессиональной деятельности медицинского работника;

3) Связь между действиями лица и последствиями (вред здоровью; наступление смерти пациента).

Часто встречаемыми на практике преступлениями в сфере оказания медицинской помощи являются: «Ненадлежащее исполнение медицинским работником своих обязанностей, которое повлекло причинение смерти или вреда здоровью по неосторожности; неоказание помощи лицу, обратившемуся за ней; халатность» [4, с. 265].

Обязательным признаком объективной стороны в вышеуказанных случаях является наличие причинно-следственной связи между действиями врача и негативными последствиями.

Рассматривая судебную практику по данной теме, необходимо отметить, что абсолютное большинство составляют такие преступления, как: «Часть 2 статьи 109 УК РФ, статья 238 УК РФ, часть 2 статьи 293 УК РФ» [2].

Приводя пример по рассматриваемой нами теме, стоит упомянуть про преступление, совершенное пластическим хирургом А, которая при проведении эстетической операции ненадлежащим образом исполнила свои обязанности, допустив проведение неправильной диагностики и лечения, ввиду чего у пациентки произошла утрата зрения. Действия А были квалифицированы как причинение тяжкого вреда здоровью, вызванного ненадлежащим исполнением своих трудовых обязанностей.

Таким образом, преступления медицинских работников, причиняющих вред жизни и здоровью лиц, обратившихся за помощью, характеризуются особым субъектом совершения данных деяний и в свою очередь особым объектом посягательства. Уголовная ответственность медицинских работников должна основываться на уголовно-правовой характеристике данных преступлений, а также четком и конкретном установлении вины специального субъекта и причинно-следственной связи между действиями и общественно опасными последствиями.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. от 21 декабря 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954 – Текст: непосредственный.

2. Архипова, А. А. Ятрогенные преступления в уголовном праве РФ / А. А. Архипова, Ю. О. Хованских// Молодой ученый. — 2022. — № 19 (414). — С. 230-232.

3. Занин, В. А. Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных медицинскими работниками / В. А. Занин // Молодой ученый. — 2025. — № 14 (565). — С. 264-267.

Гостеева М.А., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Рыжкова И.Д., канд. юрид. наук

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ ДРУГИМИ ЛИЦАМИ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Аннотация

В статье рассматриваются дискуссионные аспекты определения объективных признаков легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, в контексте современной правоприменительной практики. Проанализированы концептуальные основы квалификации данного вида преступления с учетом трансформации механизмов отмывания денежных средств в условиях цифровизации экономики. Особое внимание уделено проблематике идентификации объективной стороны преступления в контексте использования информационно-телекоммуникационных технологий. На основе комплексного анализа нормативно-правовой базы и правоприменительной практики сформулированы предложения по совершенствованию механизмов противодействия легализации преступных доходов.

Ключевые слова: легализация, отмывание денежных средств, объективные признаки, преступные доходы, информационно-телекоммуникационные технологии, финансовые операции, цифровизация экономики.

Проблематика противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, приобретает особую актуальность в контексте современных вызовов экономической безопасности государства. Трансформация экономических отношений и стремительное развитие цифровых технологий существенно видоизменяют механизмы включения преступных доходов в легальный экономический оборот, что обусловливает необходимость совершенствования теоретико-методологических подходов к квалификации данного вида преступлений.

Следует отметить, что основополагающим элементом в системе противодействия легализации преступных доходов выступает корректное определение объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ. Именно через призму объективных

признаков осуществляется идентификация конкретного деяния как легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, что в свою очередь детерминирует эффективность правоприменительной практики в данной сфере.

Легализация (отмывание) денежных средств представляет собой многогранный феномен, интерпретация которого претерпевала значительные изменения в процессе эволюции правовой мысли. Современное понимание данного явления базируется на определении, закрепленном в Федеральном законе от 07.08.2001 г. (в ред. от 28.12.2024 г.) № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», согласно которому под легализацией понимается «придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления».

Однако, как справедливо отмечает З.И. Хисамова, данная дефиниция не в полной мере отражает многоаспектность исследуемого феномена, особенно в контексте использования информационно-телекоммуникационных технологий при совершении финансовых операций [1, с. 2]. Действительно, стремительная трансформация финансовых инструментов, появление криптовалют, развитие электронных платежных систем существенно модифицируют механизмы отмывания преступных доходов, что обусловливает необходимость переосмысления традиционных подходов к определению объективных признаков данного преступления.

Объективная сторона легализации, согласно диспозиции ст. 174 УК РФ, заключается в совершении финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом. При этом следует дифференцировать данный состав от легализации, предусмотренной ст. 174.1 УК РФ, предметом которой выступают денежные средства или иное имущество, приобретенные лицом в результате совершения им преступления.

Ключевым элементом объективной стороны выступает именно совершение финансовых операций и других сделок с имуществом, приобретенным преступным путем. В данном контексте актуализируется проблематика идентификации конкретных действий как финансовых операций или сделок в целях легализации. Как отмечает А.В. Зимовец, «не любая финансовая операция или сделка с имуществом, добытым в результате преступной деятельности, образует составы отмы-

вания денег» [2, с. 3]. Действительно, квалификация деяния как легализации требует установления специфической цели – придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом преступного происхождения.

Данный аспект представляется особенно проблематичным в контексте совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Как свидетельствует анализ следственно-судебной практики, проведенный З.И. Хисамовой, «современные способы отмывания денежных средств, основанные на использовании информационно-телекоммуникационных технологий, характеризуются высоким уровнем латентности и технологической сложности» [1, с. 1]. Это существенно затрудняет идентификацию объективных признаков преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, в условиях использования электронных средств платежа, криптовалют и иных цифровых финансовых активов.

Современный этап развития экономических отношений характеризуется стремительной цифровизацией финансового сектора, что детерминирует существенную трансформацию механизмов легализации преступных доходов. В современных условиях законодательство и правоприменительная практика должны быстрее адаптироваться к новым реалиям цифровой экономики.

Как отмечает А.В. Зимовец, «экономика активно развивается, появляется большое число различных финансовых инструментов, позволяющих найти в них несовершенства и использовать последние в преступных целях» [2, с. 1]. Действительно, появление и стремительное распространение новых финансовых инструментов, таких как криптовалюты, смарт-контракты, децентрализованные финансовые системы, значительно расширяет инструментарий преступников в сфере легализации незаконно полученных доходов.

Для успешного противодействия легализации преступных доходов важно правильно определить объективные признаки состава преступления в случае использования информационно-телекоммуникационных технологий. Сложность данной задачи обусловлена рядом факторов: во-первых, высокой степенью анонимности и транснациональным характером цифровых финансовых транзакций; во-вторых, отсутствием унифицированных подходов к регулированию цифровых финансовых активов на международном уровне; и в-третьих, как мы отмечали выше, недостаточной адаптацией существующей нормативно-правовой базы к специфике цифровой финансовой инфраструктуры, вследствие чего возникают пробелы в правовом регулировании.

Одним из дискуссионных вопросов в контексте определения объективных признаков легализации выступает проблематика идентифи-

кации предмета преступления. Как отмечают специалисты Следственного комитета РФ, «предмет преступления – это денежные средства или другое имущество, приобретенные для виновного заведомо преступным путем или приобретенные в результате совершения самим лицом преступления» [3]. Однако в условиях цифровой экономики возникает вопрос о возможности отнесения к предмету легализации криптовалют, токенов, цифровых прав и иных видов цифровых финансовых активов.

Наиболее остро вопрос определения предмета преступления встал в период активного использования криптовалют в трансграничных финансовых операциях. Как справедливо отмечает З.И. Хисамова, «нормами, направленными на противодействие отмыванию незаконно добытых средств, в отечественном уголовном законодательстве выступают ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» и ст. 174.1 УК РФ» [1, с. 2]. При этом проблематичным представляется вопрос о соотношении понятий «денежные средства» и «иное имущество» с категорией «цифровые финансовые активы».

Эффективность противодействия легализации преступных доходов в значительной степени детерминирована уровнем международного сотрудничества в данной сфере. Как отмечают специалисты Следственного комитета РФ, «большинство современных отечественных исследователей признают, что легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, носит международный характер» [3]. Действительно, транснациональный характер современных финансовых потоков и широкое использование информационно-телекоммуникационных технологий обусловливают необходимость координации усилий различных государств в сфере противодействия легализации преступных доходов.

Крайне важно унифицировать подходы к определению объективных признаков легализации в различных правовых системах. Как отмечает Росфинмониторинг, «главной целью финансового расследования является выявление и документирование фактов движения денежных средств в ходе осуществления преступной деятельности» [4]. При этом эффективность таких расследований в значительной степени зависит от согласованности действий правоохранительных органов различных государств и унификации подходов к идентификации объективных признаков легализации.

Анализ современных тенденций в сфере легализации преступных доходов позволяет сформулировать ряд перспективных направлений совершенствования механизмов противодействия данному виду преступлений:

1. Адаптация нормативно-правовой базы к специфике цифровой экономики, включая корректировку дефиниции легализации с учетом особенностей использования цифровых финансовых активов.

2. Совершенствование методологии идентификации объективных признаков легализации в условиях использования информационно-телекоммуникационных технологий.

3. Развитие механизмов международного сотрудничества в сфере противодействия легализации преступных доходов, включая унификацию подходов к определению объективных признаков данного преступления.

4. Имплементация риск-ориентированного подхода в систему противодействия легализации преступных доходов, что позволит сконцентрировать ресурсы на наиболее проблемных сегментах финансового сектора.

5. Развитие системы подготовки специалистов в сфере выявления и расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем, с акцентом на особенности цифровой экономики.

Проведенный анализ дискуссионных вопросов определения объективных признаков легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, свидетельствует о необходимости комплексного подхода к совершенствованию механизмов противодействия данному виду преступлений.

Существующую нормативно-правовую базу необходимо быстрее адаптировать к реалиям цифровой экономики, что предполагает модификацию подходов к идентификации объективных признаков легализации с учетом специфики использования информационно-телекоммуникационных технологий. При этом особое внимание следует уделить проблематике определения предмета легализации в контексте распространения цифровых финансовых активов, что требует корректировки традиционных представлений о соотношении категорий «денежные средства» и «иное имущество» с понятием «цифровые финансовые активы».

Не менее значимым представляется вопрос о совершенствовании международного сотрудничества в сфере противодействия легализации преступных доходов, что обусловлено транснациональным характером современных финансовых потоков и широким использованием цифровых финансовых инструментов в трансграничных операциях. В данном контексте актуализируется проблематика унификации подходов к определению объективных признаков легализации в различных правовых системах, что может быть реализовано посредством развития международных правовых механизмов противодействия данному виду преступлений.

Список цитируемой литературы:

1. Хисамова, З.И. Способы легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // КиберЛенинка, 2020. – С. 139-146.

2. Зимовец, А.В., Синиченко, О.А. и др. Легализация доходов, полученных преступным путем: обзор типовых схем и анализ тенденций // Теневая экономика. – 2023. – № 3. – С. 115-129.

3. Понятие и сущность легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем // Следственный комитет Российской Федерации по Омской области, 2021. – URL: https://omsk.sledcom.ru/Legalizaciya/item/1730872/ (дата обращения: 15.04.2025).

4. Росфинмониторинг. Противодействие легализации (отмыванию) доходов // Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу, 2024. – URL: https://www.fedsfm.ru/activity/legalization (дата обращения: 15.04.2025).

5. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Справочник, 2022. – URL: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/legalizaciya_otmyvanie_denezhnyh_sredstv_ili_inogo_imuschestva_priobretennyh_prestupnym_putem/ (дата обращения: 15.04.2025).

Дворянкина А.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Беденко А.В., доц.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, оказывающих деструктивное воздействие на современное российское общество. Человечество на современном этапе столкнулось с проблемой, вызывающей наибольшую тревогу — стремительным распространением наркомании, которая представляет прямую и явную угрозу не только здоровью отдельной личности, но и

здоровью населения в целом. Многие негативные социальные факторы, включая распространение опасных заболеваний, увеличение уровня преступности и насилия, создают благоприятную среду для незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, который, в свою очередь, оказывает отрицательное воздействие на политические, экономические и культурные основы общества. Ситуация усугубляется тем, что в настоящее время наблюдается увеличение противоправной деятельности устойчивых преступных групп, располагающих широкими межрегиональными и международными связями, которые постоянно изобретают новые источники получения и каналы транспортировки наркотиков, формируя конспирированные сети их распространения. Особую озабоченность вызывает рост доли синтетических наркотических средств, оказывающих более сильное психоактивное воздействие на организм человека, при том что законодатель зачастую не успевает своевременно выявлять новые виды запрещенных веществ и вносить их в соответствующее Постановление Правительства РФ, что порождает случаи невозможности привлечения виновных к уголовной ответственности. Несмотря на активное изучение наркопроблемы и принимаемые практические меры противодействия, ситуация остается напряженной, реализация запрещенных средств ведется практически открыто, а пути распространения носят все более изощренный характер. Кроме того, в правоприменительной практике выявлен ряд неурегулированных вопросов, включая недостаточный возраст уголовной ответственности несовершеннолетних, вовлекаемых в наркоторговлю, противоречивые правила квалификации покушения на сбыт при культивировании наркосодержащих растений, а также отсутствие четкого правового статуса лиц, распространяющих ссылки на преступные интернет-сообщества. Совокупность перечисленных обстоятельств свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в данной сфере, что и определяет актуальность выбранной темы исследования.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, уголовная ответственность, покушение на сбыт, пособничество, несовершеннолетние, квалификация преступлений.

Проблема незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ на протяжении последних десятилетий сохраняет статус одной из наиболее острых в системе национальной безопасности Российской Федерации. Несмотря на принимаемые государством меры, наркотизация населения приобретает масштабы, сопоставимые с эпидемией, что требует пересмотра существующих подходов к уголовно-правовому противодействию этому явлению. В научной литера-

туре справедливо отмечается, что наркомания перестала быть сугубо медицинской проблемой, трансформировавшись в комплексный социально-правовой феномен, затрагивающий экономические, демографические и культурные сферы жизни общества. Целью настоящего исследования является выявление правовых пробелов и коллизий в уголовном законодательстве, регламентирующем ответственность за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, а также разработка предложений по их устранению. В ходе работы авторами использовались общенаучные методы анализа и синтеза, формально-юридический метод, а также метод сравнительного правоведения. Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и статистические данные о состоянии наркопреступности в России за последние годы.

На современном этапе общественного развития человечество столкнулось с проблемой, вызывающей наиболее обоснованную тревогу, — стремительным распространением наркомании. Данный феномен представляет прямую и явную угрозу не только здоровью отдельной личности, но и состоянию здоровья населения в целом. Многочисленные негативные социальные факторы, включая распространение опасных заболеваний, рост преступности, насилие, — всё это создает благоприятную среду для незаконного потребления и оборота наркотических средств и психотропных веществ. Особую озабоченность вызывает увеличение доли синтетических наркотиков, оказывающих более сильное психоактивное воздействие на организм человека. Законодатель зачастую не успевает своевременно выявлять новые виды запрещенных веществ и включать их в соответствующее Постановление Правительства РФ № 1002, что порождает ситуации, когда лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности из-за отсутствия обнаруженного вещества в официальном перечне. Ситуация с преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков остается напряженной, а пути распространения запрещенных средств приобретают все более изощренный характер, что требует поиска новых подходов и правовых решений. Следует также отметить, что негативное воздействие незаконного оборота наркотиков распространяется далеко за пределы непосредственно потребляющих их лиц. Исследователи обоснованно указывают на корреляцию между уровнем наркотизации населения и такими показателями, как количество разводов, число детей, оставшихся без попечения родителей, уровень безработицы и даже инвестиционная привлекательность регионов. Экономический ущерб от наркопреступности складывается не только из затрат на правоохранительную деятельность и медицинскую реабилитацию, но и из потерь трудового потенциала вследствие преждевременной смертности и инвалидизации лиц трудоспособ-

ного возраста. В этом контексте противодействие незаконному обороту наркотиков приобретает значение одного из приоритетных направлений государственной политики. В ходе проведенного исследования авторами был выявлен ряд правовых проблем, нуждающихся в скорейшем разрешении. Первая из них касается возраста наступления уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьями 228 и 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. В настоящее время законодатель установил шестнадцатилетний возрастной порог, руководствуясь степенью общественной опасности деяния и распространенностью таких преступлений. Однако по мере развития наркопреступности в данную противоправную деятельность все чаще оказываются вовлеченными несовершеннолетние, некоторые из которых не достигли даже установленного возраста ответственности. Зачастую вербовка происходит через сеть «Интернет» путем рассылки предложений заняться так называемыми «закладками», и подростки, видя возможность быстрого заработка, в силу недостатка жизненного опыта и высокой восприимчивости к манипуляциям, соглашаются. Организаторы наркобизнеса рассматривают подростков как доступных жертв, что позволяет снизить риски для себя благодаря анонимности общения. Дополнительным фактором, усугубляющим данную проблему, выступает цифровая среда, в которой осуществляется коммуникация между организаторами и несовершеннолетними исполнителями. Использование мессенджеров с функцией автоматического удаления сообщений, применение криптовалют для оплаты, а также полная анонимность сторон делают практически невозможным привлечение к ответственности взрослых организаторов преступных схем. В результате основное бремя наказания ложится на подростков-курьеров, тогда как истинные вдохновители наркобизнеса остаются вне досягаемости правоохранительных органов. В этой связи предложение о снижении возраста уголовной ответственности за наркопреступления до четырнадцати лет, хотя и является дискуссионным, представляется авторам обоснованным. Решением данной проблемы могло бы стать внесение изменений в часть 2 статьи 20 УК РФ, а именно указание в статьях 228 и 228.1 УК РФ на то, что уголовная ответственность наступает с четырнадцатилетнего возраста.

Вторая выявленная проблема касается квалификации покушения на сбыт наркотических средств и психотропных веществ. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в 2022 году разработал новое правило, согласно которому если лицо выращивало большое количество наркотикосодержащих растений, то его действия следует квалифицировать как покушение на незаконный сбыт. Введение данного правила, по мнению авторов, противоречит базовым принципам уголовного законодательства, в частности принципу субъективного вме-

нения, согласно которому квалификация действий дается по направленности умысла. Возможны ситуации, когда лицо выращивает большое количество наркосодержащих растений, не преследуя цели их сбыта, а планируя оставить для собственного потребления. В таком случае виновному лицу фактически «навязывают» умысел, который отсутствовал в его действиях. Кроме того, формулировка «большого количества» не имеет четко зафиксированных пределов, что вынуждает судей трактовать данное правило на свое усмотрение, нарушая тем самым принцип справедливости.

Следует также обратить внимание на международный опыт разрешения подобных коллизий. В ряде зарубежных стран, например в Нидерландах и Португалии, законодательство проводит четкое различие между культивированием для личного потребления и для сбыта, причем бремя доказывания сбытовой направленности возлагается на обвинение. Российская же правовая система в данном случае рискует встать на путь объективного вменения, что недопустимо в правовом государстве. Итоговым решением проблемы видится исключение данного правила квалификации из правоприменительной практики либо его существенное уточнение с внесением в Постановление Пленума конкретных критериев, позволяющих достоверно установить именно сбытовой умысел, например наличие предварительных договоренностей с покупателями, оборудование для фасовки и упаковки, крупные суммы денег неясного происхождения.

Третья проблема, затрагиваемая в статье, связана с определением роли в совершении деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков, лица, занимающегося распространением ссылок на интернет-сообщества и ботов, содержащих предложения принять участие в данной преступной деятельности. В рамках действующего уголовного законодательства отсутствует четко определенная роль таких лиц, а точнее, она отсутствует вовсе, вследствие чего они не могут быть привлечены к уголовной ответственности, хотя фактически именно с них начинается вовлечение новых участников в незаконный оборот. При детальном анализе действий распространителей ссылок можно выявить все объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении: они осознают свою причастность к преступной деятельности, совместность действий с другими участниками, а также нацелены на достижение конкретного результата в виде вовлечения новых лиц. Основываясь на объективных и субъективных признаках соучастия, распространители ссылок должны быть признаны соучастниками, а именно пособниками в соответствии с частью 5 статьи 33 УК РФ. Техническая сторона распространения ссылок также заслуживает отдельного анализа. В современном цифровом пространстве действуют целые сети ботов, автоматиче-

ски рассылающих приглашения в закрытые телеграм-каналы и другие мессенджеры. Администраторы этих ботов получают вознаграждение за каждого привлеченного пользователя, что создает устойчивую экономическую модель распространения наркоконтента. При этом сами ссылки могут маскироваться под безобидные предложения о работе, обучении или даже волонтерстве, что затрудняет их блокировку. Решением проблемы является разработка нового правила квалификации, предусматривающего признание таких лиц пособниками, которое необходимо внести в действующую редакцию Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации. Кроме того, авторы полагают целесообразным дополнить Уголовный кодекс РФ отдельной нормой, устанавливающей ответственность за публичное распространение ссылок на ресурсы, содержащие информацию о способах приобретения наркотических средств. Обобщение материалов судебной практики за последние три года свидетельствует о неоднозначном подходе судов к разрешению описанных коллизий. В ряде регионов, в частности в Москве, Санкт-Петербурге и Свердловской области, суды придерживаются расширительного толкования правил квалификации покушения на сбыт, тогда как суды Республики Татарстан и Краснодарского края демонстрируют более осторожный подход, требуя неопровержимых доказательств сбытовой направленности умысла. Такая разобщенность судебной практики нарушает конституционный принцип равенства всех перед законом и создает ситуацию правовой неопределенности. Что касается распространения ссылок, то здесь единообразие практики отсутствует вовсе: одни суды отказывают в привлечении к ответственности за отсутствием состава преступления, другие пытаются квалифицировать такие действия как приготовление к преступлению, что представляется методологически неверным.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в законодательстве ряда зарубежных стран данный вопрос урегулирован более детально. Например, в Республике Беларусь в Уголовный кодекс включена специальная норма об ответственности за склонение к употреблению наркотиков с использованием информационно-коммуникационных технологий. В Германии распространение ссылок на наркоконтент квалифицируется как пособничество при наличии прямого умысла. В Казахстане действует норма об уголовной ответственности за пропаганду наркотиков в интернете, под которую подпадает и распространение соответствующих ссылок. Российскому законодателю следовало бы учесть этот опыт и внести соответствующие коррективы в отечественное уголовное законодательство. В заключение можно отметить, что уголовное законодательство в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ имеет множество

юридических пробелов и коллизий и, безусловно, нуждается в дальнейшем совершенствовании. В данной статье были освещены лишь некоторые из существующих правовых проблем. С целью их выявления и эффективного решения следует активнее опираться на анализ судебной практики, что позволит законодателю создавать более точные нормы, нацеленные на облегчение и повышение объективности квалификации вышеуказанных преступлений и тем самым избежать неоднозначной судебной практики в будущем.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства. Во-первых, необходимо внести изменения в часть 2 статьи 20 УК РФ, снизив возраст уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьями 228 и 228.1 УК РФ, до четырнадцати лет. Во-вторых, Пленуму Верховного Суда РФ следует пересмотреть правило о квалификации покушения на сбыт при культивировании наркосодержащих растений, либо исключив его из практики, либо дополнив четкими критериями установления сбытовой направленности умысла. В-третьих, целесообразно дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ разъяснением о признании лиц, распространяющих ссылки на преступный наркоконтент, пособниками в соответствии с частью 5 статьи 33 УК РФ. Реализация этих предложений будет способствовать повышению эффективности противодействия наркопреступности и обеспечению неотвратимости наказания для всех участников незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, включая несовершеннолетних, пособников в цифровой среде и лиц, формально не осуществляющих сбыт, но создающих для него условия.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024).

2. Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 (ред. от 07.02.2024) «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ...».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.12.2021) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков за 2020-2024 годы.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Рарога. — М.: Проспект, 2024.

Димкова Ю.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юрид. наук, доц.

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Аннотация

Статья посвящена детальному рассмотрению проблем, сопряженных с гарантированием безопасности и соблюдением прав несовершеннолетних в периоды острых чрезвычайных обстоятельств. Проведен анализ актуальной нормативно-правовой базы, международных протоколов и существующих затруднений, затрагивающих механизмы защиты уязвимых групп населения, в первую очередь детей, в контексте природных катаклизмов, вооруженных столкновений и прочих кризисных явлений. Особое место отведено вопросам предоставления всесторонней помощи, проведения реабилитационных мероприятий и предотвращения любых форм противоправных действий в отношении подрастающего поколения. Завершающая часть работы акцентирует внимание на тенденциях к совершенствованию системы правового обеспечения юных граждан в условиях экстренных ситуаций и подчеркивает значимость внедрения всеобъемлющего, междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: права юных граждан, экстренные ситуации, безопасность, правовая поддержка, гуманитарная миссия, кризисные феномены, законодательные акты.

Права юного поколения представляют собой фундамент, воплощенный в комплексе основополагающих норм, призванных регламентировать неимущественные и сопутствующие им имущественные взаимоотношения, возникающие с момента рождения и в течение всего периода взросления индивида. Главная задача заключается в формировании благоприятствующих условий для полноценного существования, всестороннего развития – физического и умственного, получения качественного образования, становления крепкой ячейки общества и защиты от пагубных внешних воздействий. Принципы, относящиеся к правам ребенка, зафиксированы в ключевых международных правовых документах, из которых наиболее весомым является Конвенция ООН о правах ребенка (1989 г.), а также интегрированы в национальные законодательные системы каждого государства [3].

Экстренные ситуации, будь то разрушительные природные события, техногенные катастрофы или интенсивные военные противостояния, неизбежно приводят к кардинальному нарушению привычного жизненного уклада, развалу критически важной инфраструктуры, массовому переселению людей. Это, в свою очередь, многократно усиливает уязвимость преимущественно беззащитных слоев населения, среди которых дети занимают превалирующее положение. В подобных дестабилизированных условиях типовые правовые и социальные механизмы, предназначенные для обеспечения прав юных граждан, зачастую оказываются малоэффективными или вовсе неработоспособными, подвергая риску исходные условия жизни, здоровье и общее благополучие нового поколения.

Немаловажным аспектом защиты прав детей в подобных обстоятельствах является обеспечение им беспрепятственного доступа к абсолютным жизненным потребностям: чистой питьевой воде, качественному пищевому пайку, экстренной медицинской помощи и временному крову. В условиях острого дефицита ресурсов и деструкции инфраструктурных объектов, данные нужды, как правило, удовлетворяются по принципу приоритетности, но, к сожалению, дети нередко оказываются в конце очереди нуждающихся. Хроническое недопитание, отсутствие адекватного медицинского обслуживания и надлежащих санитарных условий могут повлечь за собой необратимые пагубные последствия для здоровья, включая существенные задержки в развитии – как физическом, так и когнитивном, а также повышают вероятность возникновения различных заболеваний.

Особое общественное беспокойство вызывает проблематика защиты юных граждан от любых форм агрессии, эксплуатации и противозаконного оборота людей, особенно в периоды осложненных чрезвычайных ситуаций. Разрыв традиционных родовых уз, общий хаос, дезинтеграция социальных структур и отсутствие действенного контроля и надзора со стороны взрослых формируют благоприятную среду для криминальных элементов. Дети, прежде всего те, кто лишен родительской опеки или разлучен с близкими, становятся легкой целью для злоумышленников. В связи с этим, неотложно необходимы целенаправленные, специализированные мероприятия по их немедленному выявлению, обеспечению физической и психологической неприкосновенности, а также последующей интеграции в общественную жизнь.

В 2010 году, после катастрофического по своим масштабам землетрясения, постигшего Гаити, тысячи детей оказались без сопровождения своих домочадцев. Значительное число из них стало жертвами торговли людьми и злоупотреблений. Этот трагический инцидент

наглядно проиллюстрировал, насколько возрастает хрупкость и беззащитность детей в условиях масштабных гуманитарных бедствий, и подчеркнул абсолютную важность скоординированной международной поддержки и укрепления профилактических мер защиты [4].

В 2015 году, при массовом перемещении беженцев в европейские государства, огромное количество детей, прибывших без сопровождения взрослых, столкнулись с серьезными угрозами насилия, дискриминации и сексуального порабощения. Дефицит четко выстроенных систем учета, комплексной защиты и действенной социальной адаптации детей-иждивенцев выявил существенные недостатки в национальных и транснациональных правовых и политических стратегиях.

Одним из первостепенных направлений деятельности по обеспечению адекватной защиты прав детей в кризисных условиях является создание действенной системы для их оперативного обнаружения, регистрации и постановки на учет. Данная система позволяет производить мониторинг местонахождения ребенка, оперативно предоставлять ему необходимую помощь и, по возможности, осуществлять воссоединение с его кровными родственниками. Требуются четко разработанные и апробированные протоколы для несовершеннолетних, оставшихся без родительской опеки, включая назначение временных опекунов и организацию безопасных временных приютов.

В 2020 году, в период эскалации глобальной пандемии COVID-19, огромное количество детей оказались в условиях серьезного ограничения доступа к образовательным ресурсам, подверглись социальной изоляции и столкнулись с повышенным риском бытового насилия. Временное закрытие образовательных учреждений и сужение круга социальных контактов оказали выраженное негативное влияние на психоэмоциональное состояние и социальное развитие подрастающего поколения. Особая поддержка потребовалась детям из наиболее нуждающихся семей, которые были лишены доступа к базовым ресурсам и услугам.

Фундаментальную роль в процессе восстановления и реадаптации играет психологическая поддержка детей, переживших травматические эпизоды. Специально подготовленные квалифицированные специалисты – психологи и консультанты – обязаны быть доступны для оказания компетентной помощи в преодолении посттравматических расстройств, страхов и тревожных синдромов. Многогранные программы реабилитации, нацеленные на реинтеграцию в нормальную жизнь и благополучное включение в социум, являются ключевыми в долгосрочной перспективе [2].

Международные пакты и национальное законодательство, включая Конвенцию о правах ребенка и Семейный кодекс РФ, представля-

ют собой надежный фундамент для защиты прав детей. Однако их практическая реализация в условиях острых экстренных ситуаций требует дополнительных существенных усилий и гибкой адаптации. Налаживание четкой и гармоничной координации действий всех задействованных субъектов – государственных структур, международных образований, благотворительных фондов и представителей местного населения – является абсолютно необходимым.

Процедуры реагирования на чрезвычайные ситуации должны заблаговременно включать в себя и интегрировать конкретные меры, направленные на обеспечение максимально возможной защиты несовершеннолетних. К таким мерам относится детальная разработка планов действий, проведение регулярных обучающих мероприятий и симуляций для персонала, создание специализированных кризисных центров и гарантирование непрерывного доступа детей к качественному образованию и медицинскому уходу. Интегрирование принципов защиты прав ребенка в общие планы реагирования в условиях чрезвычайных ситуаций является главной гарантией их безопасности и благополучия.

Следует неукоснительно придерживаться принципа, согласно которому все предпринимаемые в условиях экстренных ситуаций действия должны в полной мере соответствовать наилучшим интересам ребенка, как это установлено Конвенцией о правах ребенка. Это означает, что при производстве любых решений, касающихся детей, их индивидуальные потребности и права должны рассматриваться и учитываться в первую очередь.

На нынешнем этапе существуют определенные пробелы в законодательной базе, равно как и в правоприменительной практике, что существенно затрудняет эффективную и своевременную защиту прав детей в критических ситуациях. Недостаточное финансовое обеспечение целевых программ, нехватка высококвалифицированных кадров и, к сожалению, сохраняющиеся коррупционные риски могут стать серьезными препятствиями на пути к оперативному и адекватному предоставлению необходимой помощи.

Требуется разработка и последующее внедрение комплексных, многоаспектных стратегий, охватывающих весь спектр: от предотвращения и заблаговременной подготовки до оперативной реакции и долгосрочного посткризисного восстановления. Данные стратегии должны содержать действенные меры по профилактике различных видов насилия, надежную защиту от эксплуатации, предоставление квалифицированной психологической и медицинской поддержки, а также активное содействие в поиске утраченных членов семьи и успешной реинтеграции детей в социальную среду.

Международный опыт, накопленный в ходе деятельности ЮНИСЕФ и других авторитетных гуманитарных агентств в регионах вооруженных конфликтов и стихийных бедствий, демонстрирует ряд результативных и доказавших свою состоятельность практик. К таковым относятся создание безопасных зон и пространств для детей, оказание комплексной психосоциальной поддержки, реализация целевых программ защиты от насилия и эксплуатации, а также неустанные усилия, направленные на воссоединение разделенных семей [1].

Обеспечение прав детей в кризисных и чрезвычайных условиях является не только юридическим обязательством, но и глубокой нравственной ответственностью всего социума. Пренебрежение данной проблематикой ведет к необратимым утратам для будущих поколений и, как следствие, для общества в целом. Всесторонний, системный и гуманный подход, основанный на фундаментальных постулатах наилучших интересов ребенка, представляет собой единственно верный путь к обеспечению их сохранности и достойного существования даже в наиболее суровых обстоятельствах.

Список цитируемой литературы:

1. Доклад ЮНИСЕФ «Дети в чрезвычайных ситуациях: глобальные вызовы и решения» (2022) – URL: https://www.unicef.org/reports/children-in-emergencies-2022 (дата обращения 11.03.2026)

2. Иванова, Л.П., Смирнов, А.В. Психологическая помощь детям в условиях ЧС: отечественный и зарубежный опыт. - М.: Просвещение, 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-pomosch-detyam-pri-chs (дата обращения 11.03.2026)

3. Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.

4. Материалы МЧС РФ. – URL: https://mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/10293845 (дата обращения 11.03.2026)

5. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Федеральный закон от 21.12.1994 N 68-ФЗ (ред. от 30.12.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5128/ (дата обращения 16.04.2026).

Дьяков Н.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Рыжкова И.Д., канд. юрид. наук

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ИЛИ КАК СПАСТИСЬ ОТ КИБЕРУГРОЗ

Аннотация

В статье затронуты важные темы информационной безопасности. Какие бывают угрозы? Почему нужна информационная безопасность? Статистика говорит, что с каждым годом количество таких уязвимых мест, количество угроз становится больше. Игнорировать сегодня саму тему информационной безопасности становится невозможно. Она всё больше входит в нашу жизнь.

Ключевые слова: информационная безопасность; цифровые технологии; сеть Интернет; угрозы; злоумышленники; мобильный телефон.

Мы все так или иначе являемся пользователями сети Интернет. Соответственно, возникает потребность в безопасности наших личных ресурсов, смартфонов, планшетов, домашнего ноутбука или рабочего компьютера при использовании различных сервисов, в том числе облачных. Как только мы берем в руки свой смартфон, мы сразу получаем доступ к огромному количеству ресурсов и оказываемся связанными с целым набором сервисов, которые встроены в наше устройство, и с которыми наше устройство предлагает нам задействовать. В случае с Apple, это как минимум Apple ID и iCloud Drive, iTunes, Apple Music, Books, Podcast, а также не стоит забывать про электронную почту и другие приложения. Все они требуют от нас авторизоваться с использованием своей учетной записи или, как минимум, той же электронной почты. Отсюда возникает целый набор, сложный микс из различных IT-активов, которыми мы пользуемся в повседневной жизни. И важно разобраться во всем этом, понять, как именно подходить к своей личной цифровой безопасности, соблюдать свою личную цифровую гигиену, навести порядок в своих паролях, в своих учетных записях, в своих устройствах, которые подключены к электронным сервисам. Можно перечислить IT-активы или сервисы, а также пароли и учетные записи, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни. Это полезно хотя бы для того, чтобы перечислить просто для себя и, может даже, ужаснуться, как на самом деле выглядит ваша личная картина передачи информации. Необходимо отдавать себе отчет, что же мы на самом деле делаем в цифровом пространстве, понимать, насколько

наши ресурсы, компьютеры, смартфоны, планшеты и мы сами защищены от воздействия злоумышленников. Для такой матрицы IT-активов нужно обозначить все свои устройства, которыми располагаются в своей домашней инфраструктуре, перечислить сервисы, с которыми мы работаем в повседневной жизни. Потом соединить их между собой стрелками, указав направление взаимодействия каждого из компонентов инфраструктуры с соответствующим сервисом, выделить наиболее важные компоненты, с которыми приходится иметь дело и которые считаются самыми ценными какие же типовые угрозы можно выделить в отношении этих активов и что с ними делать? Одной из первых угроз можно выделить подбор или кражу пароля. Почему это становится возможным? Пароль зачастую очень простой, поэтому злоумышленники его или быстро подбирают, или, используя различные элементы социальной инженерии, выпытывают, или же просто крадут пароль путем интеграции своей вредоносной программы на мобильное или стационарное устройство. Заполучив пароль, они могут использовать нашу учетную запись для того, чтобы получить доступ к конфиденциальной информации: переписке с интернет-банком, данных о счетах, о PIN-кодах карт, если они хранятся у нас по какой-то причине в электронной почте или другом хранилище, к которому есть доступ с устройства. Также следует отметить, что элементы социальной инженерии для злоумышленника очень важны, а для нас опасны тем, что человек, представляясь нашим другом или доверенным лицом, может выпытать у нас какую-то конфиденциальную информацию, которая может использоваться для восстановления пароля в других сервисах. Например, даты рождения или девичья фамилия матери зачастую используются как контрольные вопросы восстановления пароля.

Это немногие знают, но злоумышленник об этом может узнать. Еще одна популярная угроза – внедрение различных вирусов, троянских программ, червей шифровальщиков, когда данные зашифровываются и доступ к ним можно восстановить, только заплатив за это выкуп. Причем такой инцидент может произойти и на стационарном компьютере, и на мобильном устройстве. Типичный сценарий установки вируса на мобильное устройство – это когда мы случайно кликаем по ссылке и потом, не глядя, нажимаем на кнопку «ДА, установить программное обеспечение», и таким образом даем ему полные права на устройстве. В результате вредоносная программа, которая никоим образом не прошла подтверждение на уровень доверия ни в магазине Google Play, ни в AppStore, получает доступ к сообщениям в электронной почте, к данным мессенджеров, ко всем файлам, которые хранятся в мобильном устройстве.

Если задуматься, то, по сути, мобильный телефон – это кладезь конфиденциальной информации, и она становится доступна злоумышленнику в результате успешного «взлома». Без мобильного телефона человек точно не выйдет из дома, и точно вернется за ним, если забыл. И что в результате? Самый ценный наш гаджет, кладезь информации, с которой, с одной стороны, беспечно обращаются пользователи, с другой – трепетно следят злоумышленники, оказывается под наибольшим прессингом угроз. Основная цель – это, конечно же, персональные данные о нашей личности с целью получения доступа к нашему банковскому счету или другим финансовым сервисам, контроль использования одноразовых паролей и подтверждений. Также интерес для злоумышленников могут представлять данные для использования механизмов социальной инженерии, когда, втираясь в доверие, хакер через просьбу в социальных сетях просит деньги и обогащается за счет жертвы. Сегодня мы очень много пользуемся и персональными гаджетами, и стационарными компьютерами, работаем с большим количеством сервисов. Но все равно можно выделить несколько ключевых элементов. Это как минимум номер телефона, профиль социальной сети и пароли от важных данных, с которыми мы работаем, либо которые нужны для доступа к сервисам.

Проще говоря – это аутентификаты и идентификаторы, без знания которых злоумышленник не может получить несанкционированный доступ. Поэтому важно понимать, каким образом используются эти ключевые элементы.

Список цитируемой литературы:

1. Авчаров И.В. Борьба с киберпреступностью / И.В. Авчаров. // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. XI межд. конф. – М., 2017. – С. 191-194.

2. Бусленко, Т. О. Кибербезопасность. Виды киберугроз и контрмер / Т. О. Бусленко, Е. О. Бусленко. – Текст : непосредственный // Юный ученый. – 2023. – № 3 (66). – С. 89-93. – URL: https://moluch.ru/young/archive/66/3529/ (дата обращения: 01.03.2025).

3. Вострецова, Е.В. Основы информационной безопасности : учебное пособие для студентов вузов / Е.В. Вострецова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 204 с.

Еремкина К.К., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М., канд. юрид наук, доц.

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация

Противодействие распространению террористической идеологии в информационно-телекоммуникационных сетях требует применения современных технологических решений, функционирующих в рамках установленных правовых ограничений. В статье рассматриваются технологические возможности автоматизированных систем мониторинга, включая системы оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ), технологии глубокой инспекции пакетов (DPI) и средства контент-анализа на основе искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется правовым основам их применения в Российской Федерации, а также проблемам обеспечения баланса между эффективностью мониторинга и соблюдением конституционных прав граждан на тайну переписки и свободу информации.

Ключевые слова: терроризм, мониторинг, информационно-телекоммуникационные сети, СОРМ, глубокая инспекция пакетов, контент-анализ, правовое регулирование.

Российская академия народного хозяйства

Проблема распространения идеологии терроризма с использованием информационно-телекоммуникационных сетей приобретает всё большую остроту в условиях цифровой трансформации общества. Современные средства коммуникации — социальные сети, мессенджеры, видеохостинги — предоставляют экстремистским организациям широкие возможности для пропаганды, вербовки и координации противоправной деятельности. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, использование информационно-коммуникационных технологий в террористических целях прямо указано в числе основных угроз государственной и общественной безопасности. В этих условиях особую значимость приобретают автоматизированные системы мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей, позволяющие выявлять и пресекать распространение террористического контента. Вместе с тем

применение подобных систем неизбежно затрагивает конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений, что порождает необходимость поиска баланса между обеспечением безопасности и соблюдением прав личности. Целью настоящей статьи является комплексный анализ технологических возможностей и правовых ограничений автоматизированных систем мониторинга, применяемых для противодействия распространению террористической идеологии в сети Интернет.

Правовой фундамент применения автоматизированных систем мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей в Российской Федерации носит многоуровневый характер. Конституция РФ в статье 23 гарантирует каждому право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, допуская его ограничение только на основании судебного решения. Одновременно статья 55 Конституции РФ устанавливает, что права и свободы человека могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Именно это конституционное положение формирует базис для всей системы антитеррористического мониторинга. Ключевым отраслевым актом является Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», определяющий основные принципы и организационные основы противодействия терроризму, в том числе в информационной сфере. Существенную роль играет Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который закрепляет механизмы ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона, и наделяет Роскомнадзор полномочиями по внесудебной блокировке ресурсов, содержащих террористический контент. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» возлагает на операторов связи обязанность обеспечивать техническую возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий, что является правовым основанием для внедрения систем СОРМ. Особое значение имеет так называемый «пакет Яровой» — Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ, обязавший операторов связи и организаторов распространения информации хранить содержание сообщений пользователей и предоставлять их по требованию уполномоченных органов, что существенно расширило технические и правовые возможности для мониторинга сетевого пространства.

Технологической основой мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей в России является комплекс систем оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ), прошедший значительную эволюцию. Система СОРМ-1, введённая ещё в 1990-е годы, обеспечивала перехват

телефонных переговоров. С развитием интернет-коммуникаций была разработана система СОРМ-2, позволяющая осуществлять перехват интернет-трафика, включая электронную почту и данные веб-сёрфинга. Современная система СОРМ-3 представляет собой качественно новый уровень: она ориентирована не только на перехват, но и на долгосрочное хранение метаданных и содержания коммуникаций, а также на их аналитическую обработку. Операторы связи обязаны устанавливать соответствующее оборудование за собственный счёт, обеспечивая уполномоченным органам удалённый доступ к информации. Порядок внедрения данных систем регламентируется подзаконными актами, в частности постановлениями Правительства РФ и приказами Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций.

Другим важным технологическим инструментом является технология глубокой инспекции пакетов (Deep Packet Inspection, DPI), получившая новый импульс развития в связи с принятием Федерального закона от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ, известного как закон о «суверенном интернете». В соответствии с данным законом на сетях операторов связи устанавливаются технические средства противодействия угрозам (ТСПУ), которые позволяют анализировать сетевой трафик в режиме реального времени, идентифицировать тип передаваемого контента и при необходимости ограничивать доступ к определённым ресурсам или протоколам. Данная технология способна распознавать не только адреса запрашиваемых ресурсов, но и характер передаваемых данных, что делает её эффективным средством выявления террористического контента.

Наряду с системами перехвата и фильтрации трафика всё более широкое применение находят автоматизированные системы контент-анализа, использующие технологии искусственного интеллекта и машинного обучения. Такие системы способны в автоматическом режиме анализировать текстовые, графические и видеоматериалы, выявляя признаки экстремистской и террористической направленности. Их применение позволяет существенно повысить оперативность обнаружения противоправного контента в условиях, когда объём информации, размещаемой в сети ежедневно, исключает возможность исключительно ручной модерации.

Вместе с тем применение автоматизированных систем мониторинга сопряжено с рядом существенных правовых ограничений и проблем. Прежде всего, Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает, что проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционное право граждан на тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений, допускается исключительно на основании судебного решения. Однако в условиях функционирования систем СОРМ и ТСПУ,

обеспечивающих непрерывный автоматизированный мониторинг трафика, граница между допустимым техническим обеспечением и фактическим вмешательством в частную жизнь становится всё менее очевидной. Возникает проблема пропорциональности: массовый сбор и хранение данных обо всех пользователях, предусмотренные «пакетом Яровой», затрагивают неопределённо широкий круг лиц, а не только подозреваемых в противоправной деятельности. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что ограничения прав и свобод должны быть соразмерны конституционно значимым целям и не могут приводить к утрате самого существа права. В частности, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 31 марта 2011 г. № 3-П подчёркивалась необходимость обеспечения надлежащих гарантий от произвольного вмешательства в частную жизнь при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Отдельную проблему представляет отсутствие в действующем законодательстве детального регулирования порядка применения технологий искусственного интеллекта для анализа контента. Автоматизированные системы неизбежно допускают ошибки: ложные срабатывания могут приводить к необоснованной блокировке правомерного контента, затрагивая право граждан на свободу слова и доступ к информации, гарантированное статьёй 29 Конституции РФ. При этом механизмы обжалования таких решений остаются недостаточно проработанными.

Таким образом, автоматизированные системы мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей являются необходимым и объективно обусловленным инструментом противодействия распространению террористической идеологии. Российское законодательство сформировало многоуровневую правовую базу, включающую конституционные нормы, федеральные законы и подзаконные акты, которая обеспечивает функционирование систем СОРМ, технологий глубокой инспекции пакетов и средств контент-анализа. Вместе с тем проведённый анализ свидетельствует о наличии ряда нерешённых проблем. Массовый характер сбора данных, недостаточная правовая регламентация применения технологий искусственного интеллекта и неэффективность механизмов обжалования ошибочных блокировок создают риски несоразмерного ограничения конституционных прав граждан. Представляется, что дальнейшее совершенствование правового регулирования в данной сфере должно идти по пути конкретизации порядка применения автоматизированных систем анализа контента, закрепления обязательной оценки их точности и надёжности, а также формирования прозрачных и доступных процедур обжалования решений, принятых на основе автоматизированной обработки данных. Только при соблюдении этих условий возможно достижение подлинного баланса между обеспечением национальной безопасности и защитой прав личности в цифровой среде.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

2. Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

3. О связи : Федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 28. – Ст. 2895.

4. О противодействии терроризму : Федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448.

6. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : Федер. закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 28. – Ст. 4558.

7. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : Федер. закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 18. – Ст. 2214.

8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (ч. 2). – Ст. 5351.

9. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 31 марта 2011 г. № 3-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2190.

Зимина Ю.М., Устинова Т.А., студенты
ФГБОУ ВО «Саратовская Государственная Юридическая Академия»,
г. Саратов
Научный руководитель: Куницына А.В., канд. юр. наук, доц.

СПЕЦИФИКА УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Аннотация

В статье анализируются виды уголовных наказаний несовершеннолетних по УК РФ. Рассматриваются возрастные пороги ответственности, воспитательные меры и проблемы их правоприменения, необходимость развития социальной адаптации для подростков.

Ключевые слова: несовершеннолетние; ответственность; наказание; штраф; обязательные работы; ограничение свободы; лишение свободы; воспитательные колонии; возраст уголовной ответственности; Пекинские правила.

В современной России проблема преступности среди подростков остается одной из самых серьезных, поскольку именно в этот период формируются их жизненные ценности и цели. Своевременная воспитательная и социальная помощь может исправить ситуацию, вернув подростка в общество как полноценного члена. Именно поэтому, с целью защиты их интересов, уголовно-исполнительное право выделяет несовершеннолетних в особую категорию осужденных, устанавливая для них специальные правила назначения и исполнения наказаний.

Перед нами стоит цель – разобраться какие же уголовные наказания существуют для подростков, чем они отличаются от других наказаний и разработать предложения по совершенствованию настоящего законодательства.

В системе правосудия для несовершеннолетних остро стоит вопрос о том, как примирить цели воспитания с необходимостью применения мер наказания. Из научной литературы становится ясно, что «внедрение в судопроизводство по делам несовершеннолетних норм международного права требует ориентации системы правосудия на цели обеспечения благополучия несовершеннолетнего и соизмеримости мер воздействия с особенностями личности правонарушителя и обстоятельствами правонарушения» [(1]

Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (далее Пекинские правила) устанавливают, что «нижний предел возраста уголовной ответственности не должен устанавливаться на слишком низком возрастном уровне, учитывая аспекты эмоцио-

нальной, духовной и интеллектуальной зрелости». [2, П. 4.1] В комментарии к п. 2.2 Пекинских правил разъясняется: «Возрастные пределы будут зависеть от положений каждой правовой системы, поэтому понятие "несовершеннолетний" охватывает широкий возрастной диапазон от 7 до 18 лет или старше. Столь широкий диапазон представляется неизбежным ввиду многообразия национальных правовых систем» [2, ком. к п. 2.2)]

В соответствии с Пекинскими правилами, российский законодатель закрепил в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ) [3] два возраста уголовной ответственности. Общий порог наступления ответственности установлен в 16 лет в 1 части статьи 20 УК РФ. Но для некоторых особо тяжких преступлений, указанных в части 2 статьи 20 УК РФ (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, похищение человека, изнасилование, кражу, грабеж, разбой, вымогательство, угон транспортного средства, хулиганство при отягчающих обстоятельствах и другие), возраст ответственности снижен до 14 лет.

Пекинские правила также ориентируют государства на то, что «правосудие в отношении несовершеннолетних должно являться составной частью процесса национального развития в рамках всестороннего обеспечения социальной справедливости для всех несовершеннолетних» [2, п. 1.4]. Этому пункту соответствует и УК РФ. Согласно статье 89 УК РФ, суд, когда решает, какое наказание назначить несовершеннолетнему, должен учитывать, как он жил и воспитывался, насколько развит его ум, какие у него особенности, а ещё – как на него влияли взрослые.

Переходя к анализу видов наказаний, следует подчеркнуть, что законодатель исключил из списка те меры, которые могли бы повредить психике подростка или лишить его возможности нормальной социализации.

Статья 88 УК РФ устанавливает исчерпывающий перечень наказаний, которые могут назначаться несовершеннолетним.

- Штраф. Может назначаться как при наличии у несовершеннолетнего самостоятельного заработка или имущества, так и при отсутствии таковых — в этом случае по решению суда штраф взыскивается с родителей или иных законных представителей с их согласия. Размер штрафа составляет от 1 000 до 50 000 рублей. Как отмечается в литературе, «назначение штрафа несовершеннолетним часто сталкивается с проблемой реального исполнения, поскольку у большинства подростков нет собственного дохода, а родители не всегда дают согласие на уплату штрафа за ребенка» [4, с. 33]
- Лишение права заниматься определенной деятельностью. Распространяется на деятельность, связанную с работой с детьми, управлением транспортными средствами и др. Назначается на срок до 3 лет.

• Обязательные работы. Заключаются в выполнении посильных для несовершеннолетнего общественно полезных работ. Срок — от 40 до 160 часов. Работы назначаются только в свободное от учебы время, продолжительность — не более 2 часов в день для лиц в возрасте до 15 лет и не более 3 часов — для лиц 15–16 лет.

• Исправительные работы. Редко применяемый вид, поскольку предполагает наличие у подростка постоянной работы. Срок — до 1 года, удержания — от 5 до 20% зарплаты. Учащихся очной формы обучения этот вид наказания практически не касается.

• Ограничение свободы. Назначается на срок от 2 месяцев до 2 лет. Подростку устанавливаются запреты: не уходить из дома после 22:00, не посещать определенные места, не выезжать за пределы района. Главная трудность исполнения — кадровый дефицит в уголовно-исполнительных инспекциях. «Сложившаяся система надзора неэффективна. Причины — загруженность инспекторов работой, текучесть кадров, маленький опыт работы. Как следствие — большой процент повторного совершения подростками преступлений» [1].

• Лишение свободы. Применяется только за тяжкие и особо тяжкие преступления. Запрещена для впервые совершивших преступление небольшой тяжести. Максимальный срок — 10 лет (если преступление совершено до 16 лет — не более 6 лет). Отбывается в воспитательных колониях, где режим мягче, чем во взрослых тюрьмах: больше свиданий, акцент на обучении и психологической помощи. Верховный Суд РФ прямо указывает: «Судам надлежит учитывать, что лишение свободы должно быть исключительной мерой, когда другие виды наказания не способны обеспечить исправление» [5, п. 17.].

Если несовершеннолетний впервые совершает преступление небольшой или средней тяжести, суд может не назначать наказание, а применить вместо него принудительные воспитательные меры. К ним относятся: предупреждение, передача под надзор родителей, обязанность возместить ущерб, а также ограничения в свободное время. Статистика свидетельствует, что реальное тюремное заключение применяется лишь к одному из десяти осужденных подростков, тогда как остальные получают условные сроки или воспитательные меры.

Основной вектор современной уголовно-правовой политики — переход от карательного правосудия к восстановительному. Программы примирения позволяют подростку лично загладить вред перед потерпевшим, а не просто отбыть наказание. Как отмечается в материалах Всероссийской конференции по восстановительному правосудию, «правонарушитель имеет возможность лично принести извинения пострадавшей стороне, а пострадавшая сторона — получить возмещение причиненного ущерба» [6]

Требуется расширение программ социальной адаптации для лиц, освобождающихся из воспитательных колоний, включающих содействие в трудоустройстве, получении образования и обеспечении жильём. Отсутствие таких мер повышает рецидивы.

Если рассматривать зарубежный опыт, то в Германии и странах Скандинавии успешно действуют программы пробации, где за каждым подростком закрепляется личный наставник – будь то социальный работник или психолог. Этот подход мог бы быть полезен и для России.

Как подчеркивается в Пекинских правилах, «меры заботы в отношении молодежи, принимаемые до совершения правонарушений, являются основным содержанием политики» [2, ком. к п. 1.]. Если школы будут оказывать психологическую поддержку ученикам, то уровень преступности среди подростков может снизиться, даже если не применять более строгие наказания.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод о том, что Российское законодательство выделяет несовершеннолетних в особую категорию, поскольку их личность находится в стадии формирования и требует не наказания, а воспитания.

Ключевая особенность заключается в том, что суд обязан в первую очередь применять меры воспитательного воздействия, и только если они неэффективны — назначать реальное лишение свободы.

Перспективным направлением является развитие восстановительного правосудия, когда подросток примиряется с потерпевшим и заглаживает вред, а не просто изолируется от общества, это подтверждается опытом как России, так и зарубежных стран.

В итоге специфика уголовных наказаний для несовершеннолетних заключается в балансе, где закон дает максимальное количество шансов исправиться без тюрьмы, сохраняя изоляцию лишь для некоторых случаев.

Список цитируемой литературы:

1. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: доклад. – URL: https://base.garant.ru/33739297/ (дата обращения: 08.04.2026). – Текст: электронный.

2. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты Резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. – Текст: непосредственный.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025). – Текст: непосредственный.

4. Овсянников, И. В. Уголовное преследование несовершеннолетних и проблемы их правовой защиты при проверке сообщения о

преступлении / И. В. Овсянников. – Текст: непосредственный // Законность. – 2024. – № 10. – С. 32–38.

5. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 09.12.2025). – Текст: непосредственный.

6. Материалы Всероссийской конференции по восстановительному правосудию «Восстановительный подход. Ситуация, ресурсы, маяки» (3–5 июля 2025 г.). – URL: https://stoppav.ru/news/4185 (дата обращения: 08.04.2026). – Текст: электронный.

Кабанцов В.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Корнев А.С., канд. юрид наук, доц.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО И ПРЕСТУПНИКА В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА

Аннотация

В статье рассмотрены актуальные вопросы характеристики личности потерпевшего и преступника в условиях мегаполиса. Особое внимание уделяется преступлениям, которые в условиях крупного, густонаселенного города выходят на первый план.

Ключевые слова: анонимность, преступность, социальная изоляция, психологические травмы, уязвимость, агрессия, криминологические характеристики, эмоциональное состояние, социальный статус, поведение потерпевших.

Житель крупного города каждый день встречается с тысячами, а то и сотнями тысяч таких же, как он, то есть городская толпа и «каменные джунгли» создают атмосферу анонимности. Действительно, среди массы людей вряд ли можно узнать, кто может быть законопослушным гражданином или потенциально опасным преступником. Более того, среди толпы жертва может и не заметить, что существует угроза совершения преступления в отношении него или его имущества, в конце концов, не зная, кто это может сделать. При этом анонимность выступает способствующим фактором для совершения корыстных преступлений повторно, поскольку в таких случаях разоблачить преступника почти невозможно. Преступник, понимая то, что он

не будет наказан за одно преступление, решается на повторность, предполагая, что избежит ответственности.

Говоря об характеристики преступника в условиях мегаполиса, следует обратить внимание, что часто это лица молодого возраста, как правило, от 20 до 35 лет. У среднестатистического преступника в крупном городе, как правило, низкий уровень образования, работа отсутствует или заработок является нестабильным, а проживает человек в неблагополучном районе, при этом часто может проводить много времени, как по работе, так и нет в более благополучных, иногда даже богатых районах города. Из психологических особенностей наиболее ярко выделяются низкий уровень эмпатии, импульсивность, а также депрессия или анемия, которые могут быть вызваны расхождением между ожиданиями получить высокий уровень жизни в молодом возрасте и ограниченными возможностями их достижения, по крайней мере в рамках закона. Такие люди часто состоят в различных субкультурах, часто участвующих в криминальных делах, где есть собственная иерархия, ценности, которые навязываются всем участникам объединения и требуют неукоснительного соблюдения, с наказанием, вплоть до исключения из объединения. Существование устойчивой группы молодых людей, которые могут организовывать совместный досуг, требует финансовой базы, которая часто формируется из индивидуальных взносов участников в общий бюджет организации. Если группа молодых людей, желающая интересно проводить свой досуг, сталкивается с финансовыми проблемами, то часто мелкие кражи, ограбления становится обыденным источником получения легкий денег.

Помимо субкультурных объединений, мигранты также часто объединяются в крупные группы. Это могут быть безобидные объединения людей, которые приехали в крупный город другой страны, нашли себе работу, а досуг предпочитают проводить в кругу людей, которые говорят на их родном языке и разделяют, например, их религиозные взгляды. Но распространены случаи, когда объединение иностранцев в крупном городе другой страны, приводят к образованию организованной преступной группы. Государство сильно мобилизовала доступные средства и увеличила эффективность в борьбе с преступности в миграционной сфере, однако, за 2023 год в России зафиксировано снижение общей преступности на 2,1%, а преступность в миграционной сфере показала рост на 2,0% и составила 27 894 преступлений. Удельный вес данного вида преступности за это время увеличился до 4,1%. Статистика девяти месяцев года вновь указала на повышенную динамику этих видов общественно опасных деяний. В указанное время зарегистрировано 31 213 преступлений, что указывает на рост на 0,9% и удельный вес 4,0%1. Если динамика преступности в миграционной

сфере окажется такой же в оставшиеся три месяца, то к концу 2023 г. можно ожидать вероятностный рост преступности иностранных граждан и лиц без гражданства приблизительно на 4,0– 4,2% [3].

Говоря о личности потерпевшего в условиях мегаполиса, сразу стоит выделить группы риска. Наиболее уязвимы к мошенничеству, кражам, нападениям и кражам люди пожилого возраста, из-за физической слабости и социальной изоляции. Туристы и приезжие в крупный город люди, которые плохо ориентируются в мегаполисе и могут обращаться за помощью к незнакомым людям, часто становятся жертвами мелких карманных краж, а иногда и полноценных ограблений, оставаясь без денег и связи в огромном неизвестном городе. Городская среда мегаполиса, которая включает в себя огромную плотность населения, разнообразные социальные роли и активности, использование развитого и востребованного общественного транспорта, онлайн активность, часто создает возможности для людей, имеющих преступные умыслы.

Анонимность городской толпы сильно способствует увеличению преступной активности. Жители многоэтажных домов часто не знают, и не хотят знать соседей по месту жительства. Поэтому пострадавшие или свидетели часто не могут восстановить в памяти и указать признаки внешности и одежды преступников, орудий, применяемых ими, и средств совершения преступления.

Таким образом, городская среда мегаполиса формирует специфические условия для преступности, где анонимность, социальная разобщённость и экономические диспропорции играют ключевую роль как в мотивации преступников, так и в уязвимости жертв.

Список цитируемой литературы:

1. Кобец П. Н. Криминологическое исследование преступности российских мегаполисов // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. — 2014. — Т. 2. № 7. — С. 122–123.

2. Новичков В. Е. Некоторые криминологические особенности преступности в миграционной сфере // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. — 2023. — Т. 13, № 6. — С. 159–174. — DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-6-159-174.

3. Окс Л. Е. Виктимологическая характеристика и профилактика корыстно-насильственной преступности в условиях мегаполиса: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Окс Людмила Евгеньевна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. — Москва, 2009. — 212 с.

4. Гладких В.И., Кобец П.Н. Преступность и ее предупреждение в субъектах Центрального федерального округа. Монография. — М.: ВНИИ МВД России, 2018.

5. Кобец П. Н. Краткая криминологическая характеристика преступности современных мегаполисов // В сборнике статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2018.

Калинкин Д.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Климов А.С., канд. юрид. наук, доц.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

В данной научной статье представлены проблемы квалификации преступлений незаконной предпринимательской деятельности в российском уголовном праве, выявляются коллизии норм и предлагаются пути их разрешения с учетом.

Ключевые слова: незаконная предпринимательская деятельность, квалификация преступлений, уголовное право Российской Федерации, коллизии норм, разграничение составов преступлений.

Для верной оценки деяния по статье 171 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) решающее значение имеет точное разграничение законной экономической деятельности от поведения, наказуемого по уголовному закону. Особенность состава правонарушения состоит в его бланкетной природе: уголовно-правовой запрет не описывает сущность поступка, а отсылает правоприменителя к нормам гражданского и административного законодательства. В этой связи требуется последовательно изучить легальное определение деловой активности, зафиксированное в регулирующем законодательстве, а также те юридически важные изъяны, которые превращают ее в противоправную.

«Согласно абзацу 3 пункта 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг»[1]. Из данного определения доктрина и судебная практика выводят четыре неотъемлемых признака легальной предпринимательской деятельности: самостоятельность, рисковый характер, направленность на систематическое получение прибыли, легитимация.

Только совокупность этих четырех признаков образует правомерную предпринимательскую деятельность. Отсутствие или искажение любого из них ведет либо к иной правовой квалификации (например, трудовая деятельность по найму, инвестиционная деятельность), либо, что критически важно для уголовного права, к переходу в категорию незаконной.

В контексте статьи 171 УК РФ нелегальной считается деятельность, которая по своему экономическому существу соответствует свойствам, перечисленным в ст. 2 ГК РФ (независимость, рискованность, нацеленность на получение регулярного дохода), но при этом ведется с нарушением публично-правового аспекта — утверждения или разрешительного порядка. Таким образом, нелегальное предпринимательство — это скрытый дубликат законной хозяйственной деятельности. Оно представляет собой операции, внешне идентичные работе официального бизнеса (выпуск продукции, сбыт, предоставление услуг), но выполняемые в обход установленных государством правил.

Определив коренные расхождения между законной хозяйственной деятельности и поступками, формирующими внешнюю сторону преступления, следует подчеркнуть, что простое несоблюдение норм о государственной регистрации либо отсутствие разрешения само по себе не влечет уголовного наказания. Чтобы деяние было квалифицировано как преступление, требуется не только фиксация формального изъяна в легализации, но и выявление всех обязательных моментов, предписанных уголовным законодательством. Переход к сфере уголовно-правовой экспертизы происходит исключительно сквозь призму структуры преступления, зафиксированной в статье 171 УК РФ.

«Объектом преступления выступают общественные отношения в сфере экономической деятельности. Видовым объектом являются общественные отношения, складывающиеся в сфере предпринимательства. Непосредственный объект – установленный государством порядок осуществления предпринимательской деятельности, предполагающий обязательную легитимацию субъектов хозяйственного оборота и соблюдение разрешительного порядка для лицензируемых видов деятельности»[2, с. 84]. Объективная сторона выражается в альтернативных действиях (бездействии): 1) осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации; 2) осуществление деятельности без лицензии, когда она обязательна; 3) осуществление деятельности с нарушением лицензионных требований и условий. Состав преступления сконструирован как материальный: деяние должно повлечь причинение крупного ущерба (свыше 2,25 млн рублей согласно примечанию, к ст. 170.2 УК РФ) либо быть сопряжено с извлечением дохода в крупном размере (свыше 2,25 млн рублей). Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, под доходом в целях квали-

фикации по ст. 171 УК РФ понимается валовая выручка от реализации товаров (работ, услуг) без вычета произведенных расходов.

«Субъективная сторона, характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает, что осуществляет предпринимательскую деятельность с нарушением установленного порядка регистрации или лицензирования, предвидит возможность или неизбежность причинения крупного ущерба или извлечения дохода в крупном размере и желает этого» [3, с. 79]. Субъектом преступления выступает специальный, а именно физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, обладающее статусом индивидуального предпринимателя (при нарушении лицензионных требований), либо лицо, осуществляющее деятельность без регистрации. При незаконной деятельности юридического лица ответственность возлагается на руководителя организации или лицо, фактически выполняющее управленческие функции.

В рамках доктрины уголовного права составляющие преступления – объект, объективная и субъективная сторона, равно как и характеристики субъекта – представляются вполне ясно очерченными и логически непротиворечивыми. Тем не менее, при введении этой нормы в реальную практику возникают серьезные препятствия, связанные как с недостатками формулировок в законе, так и с огромным спектром фактических ситуаций, в которых совершаются экономические преступления. Эта дистанция между умозрительной уголовно-правовой схемой и фактическим ведением хозяйственной деятельности порождает ряд комплексных затруднений, мешающих унифицированному и справедливому толкованию нормы. Проблемы проявляются на всех этапах фиксации состава преступления: начиная от определения самого действия как предпринимательского и заканчивая дифференциацией от смежных составов и точным определением размера нанесенного вреда. Отсюда проистекает насущная потребность в детальном анализе основных моментов квалификации незаконной предпринимательской деятельности, с которыми сегодня сталкиваются органы, осуществляющие правоприменение в России.

В правоприменительной практике сохраняется ряд сложных дискуссионных вопросов, затрудняющих квалификацию деяний по ст. 171 УК РФ. «Первая проблема заключается в толковании оценочных признаков. Наибольшие проблемы вызывает установление признака «систематичности» получения прибыли, отграничивающего уголовно наказуемое деяние от разовых гражданско-правовых сделок» [4, с. 53]. Уголовный закон и Постановление Пленума ВС РФ № 23 не содержат количественных или качественных критериев систематичности, отсылая к общим нормам ст. 2 ГК РФ. Кроме того, дискуссионным остается вопрос о том, является ли неоднократное совершение однотипных

операций (например, сдача в аренду нескольких объектов недвижимости) предпринимательской деятельностью, требующей регистрации.

Следующая проблема при квалификации возникает при исчислении дохода и ущерба. Пленум Верховного Суда РФ в пункте 12 Постановления № 23 определил доход как выручку без вычета расходов. «Такой подход подвергается критике, так как ставит в неравное положение лиц, чей незаконный бизнес является высоко-маржинальным, и лиц, работающих с минимальной наценкой при значительном обороте. Также не выработано единого подхода к расчету ущерба: включает ли он только прямой действительный ущерб или недополученные государством налоги и сборы» [5, с. 63].

Пожалуй, главной проблемой будет являться конкуренция со смежными составами. При разграничении незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) и специальных норм, например, незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК РФ). «В судебной практике отсутствует единообразие при квалификации операций по обналичиванию денежных средств: одни суды рассматривают их как банковские операции, требующие лицензии и подпадающие под ст. 172 УК РФ, другие – как незаконное предпринимательство по ст. 171 УК РФ. Аналогичная проблема существует при квалификации деятельности без лицензии в сфере медицины или образования, требующей отграничения от административных правонарушений» [6, с. 201].

Указанные проблемы имеют объективную природу и сохраняют актуальность в силу следующих факторов. Во-первых, норма ст. 171 УК РФ носит бланкетный характер, что требует обращения к регулятивному законодательству. Гражданское и лицензионное законодательство подвергается частым изменениям, что влечет фактическую частичную декриминализацию или криминализацию деяний без изменения текста уголовного закона. Во-вторых, действующее Постановление Пленума ВС РФ № 23 было принято в 2004 году и, несмотря на редакцию 2015 года, не в полной мере отвечает современным экономическим реалиям. Оно не содержит разъяснений относительно цифровых платформ, маркетплейсов и самозанятых граждан. Отсутствие современных разъяснений высшей судебной инстанции создает правовую неопределенность. В-третьих, на практике сохраняется конфликт между формальным пониманием дохода как валовой выручки и принципом справедливости уголовного наказания. Привлечение к ответственности за оборот, сопряженный с убытками или минимальной чистой прибылью, не соответствует экономической сути криминализации незаконного предпринимательства, направленной на защиту фискальных интересов государства и добросовестной конкуренции.

Для устранения выявленных проблем необходимо комплексное совершенствование законодательства и правоприменительной практики. В целях устранения неопределенности признака "систематичности" предлагается дополнить примечание к ст. 171 УК РФ или текст Постановления Пленума Верховного Суда РФ количественным критерием. Научной доктриной предлагается считать деятельность предпринимательской при совершении трех и более однородных сделок в течение календарного года или получении дохода, сопоставимого со среднеотраслевым. Далее необходима корректировка подхода к исчислению дохода. Представляется целесообразным на законодательном уровне перейти к расчету крупного и особо крупного размера исходя из чистой прибыли (доход за вычетом документально подтвержденных расходов на производство), либо дифференцировать размер дохода в зависимости от вида деятельности. А для решения проблемы конкуренции норм со ст. 172 УК РФ следует законодательно уточнить предмет преступления в диспозиции ст. 172 УК РФ, четко отделив банковские операции от иных финансовых услуг, не требующих банковской лицензии.

Состав преступления, предусмотренный ст. 171 УК РФ, является важным инструментом уголовно-правовой охраны экономической деятельности. Однако бланкетный характер нормы, использование оценочных понятий и динамичное изменение регулятивного законодательства порождают системные проблемы при квалификации деяний. Основными из них остаются определение признаков систематичности, методика исчисления дохода, а также разграничение со смежными составами преступлений. Сохранение данных проблем обусловлено отставанием правоприменительных ориентиров от развития цифровой экономики и новыми формами хозяйственной активности. Решение видится в уточнении критериев предпринимательской деятельности непосредственно в уголовном законе, пересмотре порядка определения размера дохода, а также в принятии Верховным Судом РФ обновленных разъяснений, адаптированных к современным экономическим реалиям и цифровым форматам ведения бизнеса.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 : федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 08 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / ответственный редактор В. М. Лебедев. – Москва: Юрайт, 2026. – С. 371.

3. Расследование экономических преступлений. Теоретико-методологические основы экономико-правового анализа финансовой деятельности : учебник для вузов / Е. В. Анищенко, А. Г. Хабибулин, А. В. Анищенко, В. Н. Анищенко. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2026. – С. 317.

4. Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономики : учебник для вузов / Н. А. Лопашенко, М. И. Третьяк ; ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2026. – С. 135.

5. Тюнин, В. И. Преступления в сфере экономической деятельности : учебник для вузов / В. И. Тюнин. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2026. – С. 322.

6. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. – Москва: Проспект, 2023. – С. 192.

Кизима М.А., студентка
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Сибирский институт управления, г. Новосибирск
Научный руководитель — Морозов Б.П., канд. юр. наук, доц.

НАРУШЕНИЕ ТИШИНЫ В НОЧНОЕ ВРЕМЯ: КОГДА БЫТОВОЕ ХУЛИГАНСТВО СТАНОВИТСЯ УГОЛОВНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Аннотация

В работе исследуются правовые критерии отграничения административного правонарушения, выражающегося в нарушении тишины и покоя граждан в ночное время, от уголовно наказуемого хулиганства. Анализируются нормы регионального законодательства о тишине, состава мелкого хулиганства и элементы хулиганства как преступления. На основе обновленных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2024 г. и судебной практики выделяются ключевые признаки, позволяющие квалифицировать бытовой шумовой конфликт как уголовное деяние: применение насилия либо угроза его применения, хулиганский мотив, место совершения. Формулируются рекомендации для правоприменителей.

Ключевые слова: хулиганство; тишина и покой граждан; ночное время; общественный порядок; уголовная ответственность; административная ответственность.

Проблематика квалификации деяний, сопряженных с нарушением тишины и покоя граждан в ночной период, в последнее десятилетие приобрела повышенную значимость как для правовой доктрины, так и для правоприменительной практики. Ключевой вопрос, требующий разрешения, заключается в следующем: при наличии каких объективных и субъективных признаков шумовые действия лица (громкое воспроизведение аудиоматериалов, производство ремонтных работ, крики и иные акустические воздействия) перестают быть административным проступком и трансформируются в уголовно наказуемое деяние — хулиганство, предусмотренного статьёй 213 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данная тема находится на стыке административного деликтного права и уголовного права, а также социологии права, что предопределяет её межотраслевой характер и требует комплексного анализа. Необходимость четкого отграничения указанных составов обусловлена не только разницей в санкциях (административный штраф от пятисот до трех тысяч рублей против лишения свободы на срок до пяти лет по ч. 1 ст. 213 УК РФ), но и различиям в процессуальном порядке привлечения, сроках давности, а также в правовых последствиях для делинквента.

Актуальность исследования подтверждается статистическими данными о неуклонном росте бытовых конфликтов в многоквартирных домах. Как отмечают Е.А. Супонина и И.П. Долгих, ежегодно в органы внутренних дел поступает более миллиона обращений граждан по фактам нарушения тишины, однако лишь незначительная часть из них завершается возбуждением уголовных дел по ст. 213 УК РФ [8]. Такая ситуация порождает у населения ощущение правовой незащищенности и, с другой стороны, формирует у потенциальных нарушение убеждение в неотвратимости лишь минимальных санкций. Вместе с тем анализ судебной практики, в том числе обобщенной Верховным Судом РФ, показывает, что определенная часть деяний, формально подпадающих под признаки мелкого хулиганства, объективно содержит элементы уголовно наказуемого хулиганства, однако правоприменители не всегда способны, верно, идентифицировать эти элементы ввиду оценочного характера некоторых признаков. Исходя из этого, целью данной работы выступает выработка объективных юридических критериев, позволяющих отграничить административное правонарушение, связанное с шумом в ночное время, от преступления. Для достижения цели решаются следующие задачи: проанализировать нормативно-правовую основу ответственности за нарушение тишины на федеральном и региональном уровнях; исследовать объективные и субъективные признаки состава хулиганства с учетом последних разъяснений Пленума Верховного Суда от 26.11.2024 г.; на основе конкретных примеров из судебной практики

выявить типичные правоприменительные ошибки при разграничении административных и уголовных составов.

Обратимся к нормативно-правовой основе. В отличие от многих зарубежных государств, в Российской Федерации отсутствует единый федеральный закон, регламентирующий обеспечение тишины и покоя граждан. Ответственность за нарушение тишины в ночное время суток устанавливается законами субъектов Федерации, что создает правовую фрагментарность. Так, в городе Москве действует Кодекс города Москвы об административных правонарушениях, который запрещает совершение действий, нарушающих тишину, с 23:00 до 7:00, а в Санкт-Петербурге — с 22:00 до 8:00 [3]. Различаются также размеры санкций: в столице штраф для граждан достигает 5000 рублей, в иных регионах — как правило, от 500 до 3000 рублей. Такая децентрализованная модель порождает правовую неопределенность для граждан, мигрирующих между регионами, и затрудняет единообразную правоприменительную практику. Помимо региональных норм, на федеральном уровне действует ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство», которая наказывает за нецензурную брань в общественных местах, а также уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти действия выражают явное неуважение к обществу. Однако, как показывает практика, простое прослушивание громкой музыки в собственной квартире в два часа ночи само по себе не образует состава мелкого хулиганства, поскольку отсутствует такой обязательный признак, как нахождение в публичном месте. В этом случае применяются исключительно региональные законы о тишине, санкции по которым являются незначительными и не оказывают должного превентивного воздействия.

Принципиально иная правовая природа у уголовного хулиганства, ответственность за которое предусмотрена ст. 213 УК РФ. Согласно диспозиции данной нормы, уголовная ответственность наступает за грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное: с применение насилия к гражданам; по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной ненависти или вражды; на транспорте общего пользования. Как подчеркивается в обновленном постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 №45 (в редакции от 26.11.2024), для квалификации по п. «а» ч. 1. Ст. 213 УК РФ не требуется причинение тяжкого вреда здоровью; достаточно нанесение побоев, совершения иных насильственных действий [3]. Следовательно, если гражданин, которому сделали замечание из-за шума в ночное время, вместо того чтобы прекратить шум, наносит соседу удар рукой или предметом, угрожает расправой с использованием ножа или иного предмета, используемого в качестве оружия, — такие действия уже не могут рассматриваться как

административное правонарушение. Они образуют состав преступления. В то же время простые словесные оскорбления, крики и угрозы, не подкрепленные реальной возможностью их немедленного осуществления, при отсутствии физического контакта обычно квалифицируются по ст. 20.1 КоАП РФ (оскорбление). Данное разграничение детально проанализировано Н.Л. Романовой и А.С. Рыбаковой, которые отмечают, что после разъяснений Пленума от 26.11.2024 г. суды стали чаще отказывать в переквалификации насильственных действий в рамках бытового конфликта на хулиганство, если не будет доказан умысел, направленный именно на грубое нарушение общественного порядка, а не на личную неприязнь [7].

Особого внимания заслуживает субъективная сторона хулиганства. Для признания деяния уголовно наказуемым необходимо установить, что виновный действовал не из личных неприязненных отношений, а из явного неуважения к обществу, желания противопоставить себя окружающим. В бытовых конфликтах, связанных с нарушением тишины, этот момент является наиболее спорным и зачастую выступает камнем преткновения для следователей и судей. Предположим, сосед снизу из-за шума сверху поднимается на этаж выше и вступает в перепалку, которая перерастает в драку. Если суд установит, что драка возникла на почве личных неприязненных отношений, насилие переквалифицируется на ст.115 или 116 УК РФ, а не на ст.213 УК РФ. Как указывают К.Э. Ибрагимова и Л. Халдеев, хулиганский мотив предполагает агрессию в отношении неопределенного круга лиц, тогда как в ссоре соседей почти всегда есть конкретный повод [5;9]. Для перехода в уголовную плоскость действия должны выходить за рамки обычной ссоры: например, лицо в ночное время выходит на лестничную площадку, стучит во все двери, выкрикивает нецензурные оскорбления и угрожает случайным прохожим — здесь объект посягательства — общественный порядок в целом.

Из судебной практики: гражданин В. В 23:30 громко слушал музыку, на замечания ответил нецензурной бранью и нанес удар ладонью. Суд квалифицировал по п. «а» ч.1. ст. 213 УК РФ, установив отсутствие личной неприязни (стороны не были знакомы) и наличие хулиганского мотива. В другом деле гражданин Д. с молотком вышел на лестничную клетку, размахивал им и угрожал. Апелляция переквалифицировала ч.2. ст.213 УК РФ на п. «а» ч. 1. ст.213 УК РФ, поскольку ударов молотком не наносилось, была только демонстрация.

Типичные ошибки правоприменителей: необоснованное возбуждение уголовного дела при отсутствии хулиганского мотива (бытовая ссора); отказ в возбуждении уголовного дела при явном хулиганстве, когда усматривается только мелкое хулиганство; неправильная оценка времени и места — не каждое нарушение тишины в подъезде автоматически

является хулиганством. Как отмечают С.Н. Помнина и Ю.А. Бекетова, отсутствие единой методики приводит к региональной неоднородности судебной практики [6].

На основе проведённого исследования можно сделать вывод, что нарушение тишины без насилия никогда не станет уголовным хулиганством, сколько бы жалоб ни написали соседи. Уголовная статья 213 УК РФ применяется только тогда, когда к шуму добавляется физический удар или реальная угроза его нанесения. Но и в данной ситуации не все так просто: если судья решит, что драка произошла из-за личной неприязни, дело переквалифицируется на статьи о побоях. Разъяснения Пленума Верховного Суда от 26.11.2024 г. помогли прояснить ситуацию с муляжами оружия и отличить хулиганское насилие от бытового. Однако проблема доказывания мотива остается. Что нужно делать? Принять единый федеральный закон о тишине и дать дополнительные разъяснения по случаям, когда шум сопровождается психологическим террором. Без четкой логики на местах право на отдых так и останется декларацией.

Список цитируемой литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — №1 (ч.1). — Ст. 1.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

3. Закон г. Москвы от 21.11.2007 № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» (ред. от 24.04.2024) // Ведомости Московской городской Думы. — 2007. — № 12. — Ст. 234.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 (ред. от 26.11.2024) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2008. № 1.

5. Ибрагимова К.Э. Разграничение хулиганства в уголовном и административном праве // Молодой ученый. — 2022. — № 5 (445). — С. 244-246. — URL: https://moluch.ru/archive/445/97610?ysclid=mnqbnpw1wa410065523 (дата обращения: 06.04.2026)

6. Помнина С.Н., Бекетова Ю.А. Дискуссионные вопросы объективной стороны состава хулиганства // Образование и право. — 2023. № 7. — С. 129-135. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskussionnye-voprosy-opredeleniya-obektivnoy-storony-sostava-huliganstva?ysclid=mnqck06dfl312202428 (дата обращения 08.04.2026)

7. Романова Н.Л., Рыбакова А.С. Квалификация хулиганства в свете новых разъяснений Верховного Суда Российской Федерации //

Сибирский юридический вестник. — 2025. — № 2. — С. 109-115. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-huliganstva-v-svete-novyh-razyasneniy-verhovnogo-suda-rossiyskoy-federatsii?ysclid=mnqcnit3m5379507105 (дата обращения: 07.04.2026)

8. Супонина Е.А., Долгих И.П. Мелкое хулиганство: quo vadis? // Юридические исследования. — 2020. № 2. — С. 20-29. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/melkoe-huliganstvo-quo-vadis?ysclid=mnqcpd21ps801288464 (дата обращения: 08.04.2026)

9. Халдеев Л. Ответственность за хулиганство. // российская юстиция. — 1997. — № 5. — С. 18-20. — URL: https://base.garant.ru/3540200/ (дата обращения: 07.04.2006)

Киселев А.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Корнев А.С., канд. юрид. наук, доц.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ИНФОРМАЦИОННОМУ ТЕРРОРИЗМУ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация

В статье рассмотрены актуальные вопросы правоприменительной практики в вопросах информационного терроризма, отличного от традиционной формы состава терроризм в условиях цифровизации общественных отношений, связанные с отсутствием кодифицированного определения. Особое внимание уделяется проблемам квалификации такого преступления как информационный терроризм из-за отсутствия кодификации данного состава преступления.

Ключевые слова: Информационный терроризм; террористическая деятельность; компьютерная информация; ложные сведения.

В силу развития цифровых технологий, которые существенно трансформировали формы преступной деятельности, одной из которых стал информационный терроризм. Технические достижения информационной эпохи предоставили качественно новые возможности средствам массовой информации и коммуникации, превратили их в мощный инструмент влияния. Характерной особенностью является то, что в информационной среде в интегрированном виде и разнообразных, зачастую довольно причудливых сочетаниях одновременно функцио-

нирует информация, которая адекватно отражает существующий мир, а также деформированная, искаженная информация. Этот обусловлено как сложностью самого процесса познания и неполнотой знания о мире, так и пристрастностью, субъективностью людей, а зачастую - целенаправленным использованием информационных процессов при достижении собственных безнравственных целей и игнорировании наносимого своими действиями ущерба другим людям. В отличии от кодифицированного терроризма, он не всегда сопровождается физическим насилием, а скорее является формой психологического насилия, которое вызывает сопоставимые по масштабу последствия, а именно массовую панику, нарушение равновесия в обществе и подрыв доверия к государственным институтам.

В Уголовном кодексе Российской Федерации, такой состав как информационный терроризм не закреплён как самостоятельный состав преступления, что вызывает трудности квалификации такого рода преступлений.

В научной литературы информационным терроризмом называется - целенаправленное информационное воздействие на общество, направленное на запугивание, дестабилизацию общественного порядка и оказание давление на органы государственной власти путём информации, и здесь самое главное различие классического терроризма и информационного, согласно статье 205 Уголовного кодекса РФ терроризм работает через физическое насилие с применением оружия, а информационный в свою очередь использует в качестве оружия информацию. Вышесказанное формирует ощущение несвязанного с классическим терроризмом, но главный аспект, которые их объединяет это массовость воздействия, что формирует знакомую нам тревожность в обществе, подрыв чувства безопасности и полную деструкцию общественного порядка.

Так же стоит отметить низкий порог вовлечения, поскольку мы говорим о информационном терроризме, которые исходит от современных источников информации, которым современные цифровые технологии позволяют любому пользователю участвовать в распространении вредоносной информации в сети, зачастую даже не понимая опасности в своих действиях. Отсюда исходит другой не маловажный аспект, а именно латентность данного вида преступлений, что негативно сказывается на расследовании и пресечении таких преступлений. Как отмечалось ранее у такого преступления нет отдельной статьи закреплённой в УК РФ, для квалификации используют совокупность норм статей 205 и 205.2 УК РФ, но при этом есть проблема в том, что не всегда информационное воздействие подпадает под «иное воздействие». В таком случае правоприменитель пользуется статьями главы 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации».

Но при, как кажется, лёгкой квалификации, она не может быть «идеальной», поскольку:

1. Нет чётких критериев информационного терроризма, что порождает в принципе отсутствие легального определения;

2. Сложность установление умысла, поскольку главным критерием терроризма является запугивание населения, что при информационном терроризме доказать данную цель крайне сложно;

3. Разграничение с экстремизмом, поскольку составы имеют пересечения;

4. Оценочная система характера последствий, паника, нарушение равновесия общества трудно измеримы.

В завершении статьи стоит сказать, что информационный терроризм - это война за сознание людей, где вместо, огнестрельного оружия и бомб используются фейки, угрозы кибератаки. Самое главное и одновременно страшное, это способность слова быстро дестабилизировать общество, через подрыв доверия к власти и массовую тревогу. Эффективное противодействие такому виду терроризму имеет не только карательное, но и превентивное значение, поскольку направлено на предупреждение массовой дестабилизации общественных отношений. В этой связи особую роль играет своевременное выявление и пресечение угроз информационного характера.

Список цитируемой литературы:

1. Мазуров, В. А. Проблемы противодействия идеологии терроризма и кибертерроризма в современной России / В. А. Мазуров, М. А. Стародубцева. — М. : Проспект, 2021.

2. Хачидогов, Р. А. Кибертерроризм в глобальном информационном пространстве: новые вызовы и меры противодействия / Р. А. Хачидогов. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2021.

3. Баранов, В. В. Кибертерроризм как угроза информационно-психологической безопасности личности, общества и государства / В. В. Баранов, В. М. Пашин. — М. : Юстицинформ, 2024.

Корбут А.Д., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М, канд. юрид. наук, доц

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ БЫВШИХ ОСУЖДЕННЫХ: ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ В ПРОФИЛАКТИКЕ РЕЦИДИВА

Аннотация

В статье рассматриваются механизмы социальной адаптации и ресоциализации бывших осужденных как ключевой элемент профилактики рецидива преступлений. Определяются эффективные направления и практики, способствующие устойчивой интеграции лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и предлагаются рекомендации по повышению результативности реабилитационных программ.

Ключевые слова: ресоциализация; социальная адаптация; рецидив; бывшие осужденные.

Актуальность проблемы социальной адаптации и ресоциализации бывших осужденных обусловлена как гуманитарной, так и практико-правовой потребностью общества в снижении уровня рецидива и восстановлении социального порядка. Лица, освободившиеся из мест лишения свободы, сталкиваются с множеством барьеров – социальной стигматизацией, ограниченным доступом к легальной занятости и жилью, недостаточной поддержкой в сфере здравоохранения (включая психическое здоровье и лечение зависимостей), разрывом семейных связей и дефицитом навыков, востребованных на современном рынке труда. Невозможность или затрудненность успешной интеграции увеличивают риск повторного совершения преступлений, что несет общественные затраты и подрывает доверие к институтам исполнения наказаний и социальной защиты.

Социальная адаптация – процесс восстановления и интеграции лица, освободившегося из места лишения свободы, в общественную, экономическую и правовую жизнь общества, обеспечивающий устойчивое соблюдение законов, самообеспечение и позитивные социальные связи. Основными компонентами социальной адаптации являются: восстановление и оформление документов, профессиональное обучение и повышение квалификации, содействие в трудоустройстве, обеспечение временным местом проживания, скрининг и лечение хронических и психических заболеваний, психотерапия, восстановление и укрепление семейных связей, развитие социальных связей и т.д.

Ресоциализация – это целенаправленный процесс возвращения лица, ранее утратившего или утратившего в силу изоляции и преступного поведения прежний социальный статус, к полноценному, законопослушному участию в жизни общества. Применительно к бывшим осужденным этот процесс приобретает особую прикладную значимость: успешная ресоциализация снижает риск рецидива, уменьшает нагрузку на уголовно-исполнительную систему и повышает общественную безопасность. Цель ресоциализации: восстановление нормативных социальных ролей, формирование у человека устойчивых правомерных мотиваций и навыков, необходимых для самостоятельной жизни вне криминальной среды. Ресоциализация – это глубокий и длительный процесс, включающий изменение самоидентификации, системную работу с навыками, ценностями и связями, часто требующий межведомственного сопровождения.

Пребывание в местах лишения свободы создает специфическую среду – ограничение свободы, жесткая регламентация, дефицит приватности, повышенная вероятность насилия, ограниченные возможности для самореализации и социального контакта. Типичные изменения, которые происходят в личности и поведении:

- Повышенная настороженность, подозрительность, ожидание угрозы;
- Агрессивность, склонность к конфликтам;
- Снисходящая эмпатия, цинизм;
- Снижение инициативности и волевой активности, трудности с планированием целей;
- Когнитивные нарушения: ухудшение внимания, памяти, исполнительных функций;
- Адаптация за счет подхождения под авторитетов;
- Посттравматические реакции: флэшбэки, тревога, гипербдительность, нарушения сна.

Факторы, которые усиливают негативные изменения: длительность и режим изоляции; насилие со стороны персонала или других заключенных; предыдущие психические заболевания, злоупотребление психоактивными веществами; отсутствие программ занятости, обучения и досуга, монотонность режима; слабая связность с семьей и обществом и многие другие.

Изоляция в местах лишения свободы неизбежно меняет личность, часть изменений – адаптивны в тюремном контексте, но становятся помехой при возвращении в общество.

Рассмотрим психологические барьеры, с которыми чаще всего сталкиваются бывшие осужденные при возвращении в общество:

1. Привыкание к тюремной среде (утрата навыков самостоятельного принятия решений, потеря инициативы).

2. Тюремная социализация (усвоение тюремных норм, ролей, стратегий выживания).

3. Потеря идентичности и роли (утрата статуса/роли и неопределенность самовосприятия).

4. Стыд, враждебность и само-стигматизация (внутреннее принятие негативного ярлыка «бывший осужденный»).

5. Негативные привязанности и окружение (возвращение в среду, где преобладают криминальные связи, усиливает риск возвращения к преступлению).

6. Страх неудачи и «эффект порога» (страх контактов с работодателем, отказа, публичного разоблачения, боязнь нового образа жизни).

7. Гипервозбуждение и повышенная бдительность (привычка быть в состоянии повышенной опасности мешает формированию доверительных связей).

Психологические барьеры – не «личностные слабости», а предсказуемые последствия изоляции и стигматизации.

Разберем основные трудности, с которыми сталкиваются лица, возвращающиеся из мест лишения свободы:

- отсутствие документов (утраченные/неоформленные паспорт, СНИЛС, ИНН);

- жилищная нестабильность и риск бездомности (нет постоянного жилья, отказ арендодателей, высокий дипозит);

- трудоустройство и экономическая нестабильность (отказ работодателей из-за судимости, отсутствия навыков, отсутствие стажа);

- стигматизация и дискриминация (ярлык «бывший осужденный» снижает шансы на работу, аренду, контакты);

- психологические проблемы и последствия изоляции (депрессия, тревога, низкая мотивация);

- семейные и межличностные проблемы (разрушенные контакты, недоверие близких, конфликты, утрата родительской роли);

- финансовые обязательства, долги и штрафы (накопленные штрафы, алименты, долги, отсутствие сбережений);

- отсутствие социальных связей и сети поддержки (потеря контактов, отсутсвие наставника, риск возвращения в криминальную среду) и т.д.

Основные трудности при возвращении из мест лишения свободы комплексны и взаимосвязаны: устранение одной проблемы часто требует решения смежных.

Социально-экономические факторы – одни из ключевых элементов рецидива. Они не исчерпывают причину повторной преступности, но создают среду, в которой возврат к законопослушной жизни затруднен и преступный путь становится «рациональным» или единственно доступным вариантом выживания.

Основными социально-экономическими факторами являются: безработица и нестабильная занятость; низкий уровень образования и профессиональных навыков; жилищная нестабильность и бездомность; долги, штрафы и финансовые обязательства; дискриминация и стигматизация на рынке труда и жилья; социальная изоляция и слабость социальных сетей; нехватка стартового капитала и т.д.

Инвестиции в экономическую интеграцию бывших осужденных имеют высокий общественный эффект: снижение повторной преступности, экономия на содержании исполнительных учреждений и укрепление социальной устойчивости.

Социальная адаптация и ресоциализация бывших осужденных – ключевой элемент профилактики рецидива и обеспечения общественной безопасности. Эффективность таких мероприятий определяется не столько отдельными инициативами, сколько системностью, преемственностью и индивидуализацией подхода. Успешная реинтеграция приносит экономический и социальный эффект: снижает повторную преступность, уменьшает нагрузку на пенитенциарную систему и восстанавливает человеческий потенциал.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // Собрание законодательства РФ. – 13.01.1997. – № 2. – Ст. 198.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ в ред. от 29.06.2015 г. № 190-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – 4921 с.

3. Антонян, Е. А. Уголовно-исполнительное право : Учебное пособие / Антонян Е. А. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 279 с. – Текст : непосредственный.

4. Дуюнов, В. К. Освобождение от уголовного наказания и от уголовной ответственности / В.К. Дуюнов. – Тольятти, 2011. – 320 с. – Текст : непосредственный.

5. Ефремова, И. А. Предупредительные аспекты института освобождения от отбывания наказания / Ефремова И.А. // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2015. – № 2-1. – С. 143-146. – Текст : непосредственный.

Коротаева Э.О., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М, канд. юрид. наук, доц

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АКТЫ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, КЛАССИФИКАЦИЯ

Аннотация

Процессуальная деятельность неоднородна, подразделяется на принятие процессуальных решений и осуществление уголовно-процессуальных действий. Процессуальные решения и действия сопровождаются оформлением определённого вида документов - уголовно-процессуальных актов. В статье рассмотрены уголовно-процессуальные акты, их назначение, виды и содержание. Их названия и содержание могут существенно различаться.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный акт, правовая природа, стадия уголовного процесса, уполномоченные субъекты.

Целостное правовое явление под названием уголовный процесс без соответствующих документов утрачивает форму существования. Переоценить значение процессуальных актов в судопроизводстве сложно. Процессуальной формой установлен письменный характер судебного и досудебного производства, форма и содержание процессуальных актов, порядок и условия вынесения процессуальных решений и проведения процессуальных действий.

Единое определение «уголовно-процессуального акта» в теории процесса отсутствует. Зато доктринальных подходов наработано множество.

Слово «акт» в русском языке имеет два основных значения: 1) единичное проявление человеческой деятельности; действие; событие; 2) документ, составляемый по определенной форме в имеющем на то право учреждении и устанавливающий наличие каких-либо прав, обязанностей и т. д. [5, с. 93].

Широкое понимание трактует его как официальный документ: составляют его уполномоченные субъекты – суд, прокурор, следователь, дознаватель, а в отдельных случаях и иные участники. Действуют они в рамках строго установленной уголовно-процессуальной формы. Фиксируется ход и результаты процессуальных действий, содержатся властные предписания либо отражается волеизъявление участников – всё это влечёт юридические последствия. На всех стадиях судопроизводства составляются и используются такие акты, чем и определяется их значение.

Правовая природа уголовно-процессуальных актов представляет собой совокупность сущностных признаков, отличающих их от актов иных отраслей права – материальных, административных, гражданско-процессуальных. Целесообразно различать несколько аспектов в понимании сущности исследуемого вида документов. Уголовно-процессуальный акт как действие проявляется в предъявлении обвинения, задержании, обыске.

Уголовно-процессуальный акт как документ – письменный носитель информации. Фиксируется действие, его ход и результат: протокол допроса, постановление, приговор. Вне документальной фиксации большинство процессуальных действий утрачивают юридическую силу.

Акты реализации прав обладают иной правовой природой. Жалоба потерпевшего, заявление о явке с повинной, ходатайство защитника – всё это уголовно-процессуальные акты согласно более широкой трактовке. Последняя включает любые документы, порождающие, изменяющие или прекращающие уголовно-процессуальные отношения, вне зависимости от того, исходит документ от властного субъекта или от частного лица.

Без процессуальных актов невозможно доказать совершение следственных действий, получение показаний, изъятие предметов. Протокол служит основным источником доказательственной информации. Показания свидетеля, не зафиксированные в протоколе допроса, юридически ничтожны – в этом и заключается значение процессуальных актов как формы существования уголовного процесса в целом. Без процессуальных актов невозможно подтвердить, что проводились следственные действия, получались показания или изымались предметы.

Право на обжалование (статьи 123–125 УПК РФ) человек реализует через жалобу. С помощью ходатайства участник процесса может требовать выполнения определённых процессуальных действий. Без этих документов участники не смогли бы активно влиять на ход дела.

Публично-правовой характер процесса предопределяет властно-распорядительную природу большинства актов. От имени государства действуют суд, следователь, дознаватель, прокурор – их решения обязательны для исполнения физическими и юридическими лицами. Исключение составляют акты-обращения участников. Даже протокол обыска, фиксирующий результат следственного действия, несёт элементы властности: документ удостоверяет факт применения мер принуждения.

По каждому уголовному делу составляется множество уголовно-процессуальных актов (протоколов, постановлений, жалоб, ходатайств, представлений, уведомлений и т. д.), образующих в единстве содержание материалов дела.

Обязательным признаком любого уголовно-процессуального акта выступает наличие юридических последствий. Выражаются они в возникновении новых, изменении или прекращении уже существующих правоотношений либо состояний. Без такого признака документ утрачивает процессуальную природу.

Детальная регламентация формы закреплена в УПК РФ и ведомственных нормативных актах. Место, дата, время, должность, подпись – обязательные реквизиты любого процессуального документа. Структура содержания всегда подразделяется на три части: вводную, описательную и резолютивную. Прописан также порядок составления, заверения и ознакомления. Нарушение процессуальной формы влечёт ничтожность акта либо признание его недопустимым доказательством. Часть 3 статьи 7 УПК РФ прямо указывает: нарушение закона при составлении акта делает его незаконным. Строгая формальность выступает важнейшим признаком правовой природы [3, с. 32].

Защита прав потерпевших, охрана личности от незаконного обвинения, назначение виновным справедливого наказания – вот главные цели процесса. Целевая направленность на достижение задач судопроизводства детерминирует правовую природу актов. Каждый из них выполняет служебную роль в механизме движения дела. Заявление о преступлении инициирует процесс. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого направляет его дальше. Приговор завершает. Без такой градации функций трудно представить себе упорядоченное движение уголовного дела от начала до конца.

Систематизировать многообразие актов позволяет классификация, без которой полное раскрытие темы затруднительно. По субъекту принятия выделяют несколько групп. Приговор, определение, постановление суда относят к судебным актам. Постановления следователя и дознавателя вместе с протоколами составляют группу актов органов предварительного расследования. Прокурор принимает постановления об отводе либо об утверждении обвинительного заключения – это отдельная категория. Жалобы, ходатайства, объяснения, заявления образуют группу актов участников, чья правовая природа отличается от властных документов. Такое деление помогает точнее анализировать юридическую силу каждого вида [2, с. 100].

Досудебное и судебное производство порождают разные виды уголовно-процессуальных актов. К последним относят также документы апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. Каждый такой документ обязателен к исполнению, составлен по строго определённой форме и влечёт конкретные юридические последствия. Нацеленность на решение задач судопроизводства объединяет все перечисленные разновидности.

По юридической природе выделяют:

- правоприменительные;
- правообеспечительные;
- удостоверительно-фиксационные;
- вспомогательно-организационные.

Правоприменительные акты выносят властные решения – к ним относят приговор и постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Разрешение на обыск или уведомление о подозрении выполняют правообеспечительную функцию. Протокол допроса вместе с протоколом осмотра места происшествия фиксируют ход и результаты следственных действий, выступая удостоверительно-фиксационными документами. Повестка, запрос, поручение образуют категорию вспомогательно-организационных актов, обеспечивающих движение дела без властных предписаний. Такое деление по юридической природе помогает точнее анализировать содержание каждого документа.

Механизм движения уголовного дела – от регистрации сообщения о преступлении до вступления приговора в законную силу – без подобного синтеза представить трудно. Законность выступает базовым критерием: акт издаётся уполномоченным лицом, действующим в пределах компетенции и с соблюдением установленной процедуры. Форма также должна соответствовать предписаниям. Анализ правовой природы позволяет сформулировать перечень требований к уголовно-процессуальным актам, в числе которых можно обозначить прежде всего законность. В тексте акта не должны использоваться словесные архаизмы и неологизмы, различные образные выражения, аналогии, метафоры, двусмысленные обороты речи и т.д.

Также акты можно разделить на итоговые и промежуточные.

Промежуточные акты – например, постановление о продлении срока следствия – не завершают производство по делу. Итоговые акты, напротив, ставят точку: приговор, апелляционное определение, постановление о прекращении дела. Режим обжалования, проверки и исполнения напрямую зависит от того, к какой из двух категорий относится документ.

Цифровизация привела к тому, что сегодня актуальным становится разделение уголовно-процессуальных актов на бумажные и электронные. Электронный уголовно-процессуальный акт представляет собой «созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, официальный документ, составленный должностным лицом органов предварительного следствия, дознания, прокуратуры или суда, содержащий правоприменительное решение государственно-властного характера и направленное на возникновение, изменение или прекращение правоотношений либо состо-

яний в ходе уголовного судопроизводства, подписанный электронной подписью в соответствии с законодательством РФ» [4].

Таким образом, значение процессуальных актов в российском уголовном судопроизводстве невозможно переоценить, поскольку они являются определяющими элементами, регулирующими ход уголовного процесса, обеспечивающими его законность. Определить их можно как действия и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, зафиксированные в процессуальных документах. Теоретическое разграничение видов актов имеет практическое значение, поскольку оформляемые ими процессуальные последствия различаются. Каждое решение, будь то на стадии предварительного следствия или в суде, требует документального оформления – без соответствующего процессуального акта оно не приобретает юридической силы.

Список цитируемой литературы:

1. Дикарев, И.С. Вопросы теории уголовно-процессуальных договоров: субъектный состав и процедура заключения / И.С. Дикарев // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1 (79). – С. 49-58.

2. Дикарев, И.С. Вопросы теории уголовно-процессуальных договоров: объект и предмет соглашения / И.С. Дикарев // Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 92-102.

3. Ильютченко, Н.В. Конкуренция источников уголовно-процессуального права / Н.В. Ильютченко // Уголовное судопроизводство. – 2025. – № 2. – С. 30-33.

4. Миликова, А.В. О Понятии и значении электронного уголовно-процессуального акта / А.В. Миликова. // Библиотека Elibrary.ru. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_88799833_76881692.pdf (дата обращения: 11.04.2026).

5. Муратова Н. Г. Процессуальные акты органов предварительного расследования / Н. Г. Муратова. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1989. – С. 93–94.

Косых В.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Карлин В.А., доцент

ОСОБЕННОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 285 И 286 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые аспекты разграничения составов преступления предусмотренных статьями 285 и 286 уголовного кодекса Российской Федерации. Автор анализирует объективную и субъективную сторону данных преступлений, характер деяния, а также общие и отличительные признаки других элементов составов преступлений. Особое6 внимание уделяется общему объекту посягательства и наличию квалифицирующего признака – специального субъекта (должностного лица).

Ключевые слова: должностные преступления, злоупотребление, превышение, состав преступления, переквалификация, отличия

По данным управления правовой статистики Прокуратуры Липецкой области за 12 мес. 2024 г. выявлено 202 (-49,9%) преступления коррупционной направленности, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных преступлений составил 1,5% [4]. Это свидетельствует о том, что хоть удельный вес данных преступлений среди общего числа хоть и мал, однако подобного рода деяния всё же совершаются ежегодно и создают ощутимую угрозу для всего общества.

Изучая вопрос о должностных преступлениях, предусмотренной главой 30 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [1], следует отметить две одновременно схожих, но при этом совершенно разных по сущности статьи, а именно статья 285 (злоупотребление должностными полномочиями) и статья 286 (превышение должностных полномочий).

Из-за практически одинаковых названий и большого количества схожих элементов составов данных преступлений у начинающих юристов возникает путаница в разграничении этих составов, из-за чего в дальнейшем происходит неправильная квалификация, а соответственно неправильное определение соразмерности наказания, которое не соответствует совершенному деянию. Кроме того, если деяние не квалифицировано вовсе или квалифицировано как менее тяжкое, преступление может остаться незарегистрированным, а виновный избежать ответственности.

Поэму следует более детально анализировать действия правонарушителей, чтобы не допустить серьезных ошибок и последствий в дальнейшем. Для этого рассмотрим сходства и различия данных должностных преступлений.

Сравнивая между собой злоупотребление должностных полномочий и превышение должностных полномочий следует отметить о схожем субъекте – а именно должностном лице. Понятие должностного лица раскрывается в примечании к части 1 статьи 285 и означает лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных внебюджетных фондах, государственных корпорациях, государственных компаниях, публично-правовых компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях и др.

Помимо общего субъекта, сходство присутствует и в объекте преступления. Он образует совокупность общественных отношений, посягающий на аппарат государственного управления, и в дальнейшем, при посягательстве негативно сказывается на правосознание граждан, подрывая авторитет государственной власти. Совершение таких преступлений дискредитирует власть, снижает доверие к государству и ослабляет гражданское общество.

Несмотря на такое большое количество схожих элементов, отличия всё же есть, и это хорошо раскрывается при анализе объективной стороны. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [2] разъясняется, что в качестве злоупотребление должностными полномочиями должны квалифицироваться действия должностного лица, которое из корыстной или иной личной заинтересованности совершает входящие в круг его должностных полномочий действия при отсутствии обязательных условий или основания для их совершения.

Статья 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) предполагает использование должностным лицом своих полномочий в рамках их компетенции, но вопреки интересам службы. Это может выражаться как в активных действиях, так и в бездействии (например, умышленное неисполнение обязанностей). Например, выдача водительского удостоверения лицу, не сдавшему экзамен, или приём на работу человека, который не выполняет трудовые обязанности. А вот статья 286 УК РФ (превышение должностных полномочий)

характеризуется действиями, явно выходящими за пределы полномочий должностного лица. Это могут быть:

1) действия, относящиеся к полномочиям иного должностного лица (равного или вышестоящего по статусу);

2) действия, которые совершаются лишь при установлении специальных обстоятельств, не имевших места в реальности;

3) действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать;

4) действия, которые должностное лицо совершает самостоятельно, хотя они должны осуществляться коллегиально или с согласования другого органа или лица.

Например, это может быть незаконное применение силы сотрудником полиции или распоряжение бюджетными средствами без соответствующих оснований.

Как в таком случае не ошибиться? Следует обратить внимание на различие характера деяний. Отличие в том, что при злоупотреблении должностное лицо использует свои полномочии противоправные интересам своей службы, закону. В случае превышения должностных полномочий, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества и государства.

Следующим явным отличием является наличие мотива. Для ст. 285 УК РФ мотив является обязательным признаком субъективной стороны. Преступление совершается из корыстной или иной личной заинтересованности. В ст. 286 УК РФ мотив для квалификации значения не имеет. Превышение полномочий может совершаться как при наличии мотива, так и без него. Однако в части 3 ст. 286 УК РФ всё же есть квалифицирующий признак, который выражается в совершении деяния из корыстной или иной личной заинтересованности.

Кроме всего вышеперечисленного, основным отличием является субъективная сторона преступлений. Злоупотребление полномочиями может выражаться как в действии, так и в бездействии, в то время как превышение полномочий выражается только в активных действиях в виде прямого умысла.

Так в Апелляционном определении Судебной коллегия по уголовным делам Ростовского областного суда № 22-1425/2021 была переквалификация с ч.2 ст. 285 УК РФ на ч. 1 ст.286 УК РФ, в связи в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона и неправильным применением уголовного закона, а именно неправильная квалификация деяния, поскольку действия подсудимого не просто противоречили интересам службы, а фактически выходили за рамки его должностных полномочий.

Подводя итог, всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что отличительные признаки данных преступлений выявляются в объективной и субъективной сторонах преступления, а также в характере деяния. Анализ указанных признаков позволяет дифференцировать составы смежных преступлений. Статьи 285 и 286 УК РФ имеют общий объект посягательства (при отсутствии посягательства на дополнительный объект), а также квалифицирующий признак — специальный субъект (должностное лицо). [2, с. 86] С учётом сложности разграничения указанных составов следует обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», в котором даны разъяснения диспозиций указанных статей, что позволяет избежать судебных ошибок при квалификации преступления.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. Закон от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. [ред. от 20 февраля 2026 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №51. – Ст. 5681. – Текст : непосредственный.

2. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 16 октября 2009 г. №19 // Российская газета. – 2009. – 7 ноября. – Текст : непосредственный.

3. Абдуллина, А. Б. Разграничение состава преступления ст. 285 УК РФ и ст. 286 УК РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. – №11-3. – Текст : непосредственный.

4. Статистические данные управления правовой статистики Прокуратуры Липецкой области – URL : https://epp.genproc.gov.ru/upload/iblock/56d/5o633o4k1i7j3s5l040gtj3dmgqai2ga/sostojanie_prestupnosti_za_12_mes._2024.pdf (дата обращения: 01.04.2026). – Режим доступа : Официальный сайт Прокуратуры Липецкой области [сайт]. – Текст : электронный.

Крот Д.А., курсант
ФГКВОУ «Военный университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
Научный руководитель – Стефанова Е.Ю., канд. юр. наук

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СОКРАЩЕННОГО ДОЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация

В статье анализируются противоречия и пробелы правового регулирования такой формы расследования как дознание в сокращенной форме. Рассматриваются проблемы процессуальной зависимости дознавателя от волеизъявления подозреваемого и потерпевшего, а также сложности, возникающие при составлении обвинительного постановления и разрешении уголовного дела в суде. На основе анализа мнений ученых-процессуалистов формулируются предложения по изменению уголовно-процессуального законодательства, направленные на повышение эффективности данной формы предварительного расследования.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме; дознаватель; подозреваемый; потерпевший; сроки дознания; обвинительное постановление.

С момента введения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ) главы 32.1, регламентирующей дознание в сокращенной форме (Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ [2]), прошло более десяти лет. Данный правовой институт создавался для ускорения досудебного производства и разгрузки правоохранительных органов по делам небольшой и средней тяжести. Однако анализ практики показывает, что законодательная модель содержит значительное количество противоречий, снижающих эффективность этой процедуры.

Один из основных недостатков заключается в том, что решение о начале сокращенного дознания законодатель поставил в зависимость не от усмотрения уполномоченного лица, а от волеизъявления участников процесса. С.И. Гирько полагает, что данное решение должно являться исключительно результатом усмотрения дознавателя с учетом всех обстоятельств дела [4]. Вместо этого Ю.И. Дутов и Н.Ю. Дутов констатируют, что выбор формы дознания фактически переводит подозреваемого в число субъектов, обладающих процессуальными функциями расследования, что для публичного по своему характеру уголовного процесса выглядит спорным. Они обосновывают необходимость исключения п. 6 ст. 226.2 УПК РФ, который наделяет

потерпевшего правом безусловного вето на сокращенную форму, так как это ставит потерпевшего выше лица, осуществляющего производство по делу [6]. О.Н. Лазаренко и О.Н. Лаврова, обобщая мнения, указывают, что необходимость получения согласия потерпевшего ограничивает право подозреваемого на преимущества ускоренного правосудия [8]. В проведенном Н.В. Лантух и А.Г. Рыжковым исследовании установлено, что более четверти отказов в производстве дознания в сокращенной форме связаны именно с несогласием потерпевшего [9].

Следующая проблема связана с неоправданно жесткими сроками. Так, законом установлен общий срок сокращенного дознания в 15 суток (ст. 226.6 УПК РФ), а на составление обвинительного постановления отводится 10 суток. Однако, как пишет О.Н. Лазаренко, оставшиеся 5 суток включают ознакомление обвиняемого и защитника с материалами дела, а также направление дела прокурору [8]. Е.А. Бенчук указывает, что реальный срок на сбор и проверку доказательств может составлять 7-8 дней. При поступлении ходатайств от участников (о признании доказательств недопустимыми или о производстве дополнительных действий) дознаватель обязан уложиться в дополнительные 2 суток, что представляется крайне сложным в такие короткие сроки. В итоге, производство в сокращенной форме в 15-суточный срок возможно только при полном отсутствии ходатайств, в ином случае неизбежно продление срока прокурором до 20 суток, что нивелирует саму идею ускорения [3].

Также имеет место проблема в стадии возбуждения уголовного дела. Для начала сокращенного дознания уголовное дело должно быть возбуждено в отношении конкретного лица (ст. 226.1 УПК РФ). Е.А. Бенчук отмечает, что это сразу урезает круг возможных дел, так как значительная часть преступлений возбуждается по факту, а не в отношении конкретного лица [3].

Помимо этого, имеются противоречия в судебном разбирательстве и составлении итоговых документов. Н.С. Диденко, Я.А. Шараева и Ю.П. Якубина обращают внимание на коллизию в ст. 226.9 УПК РФ: дополнительные данные о личности подсудимого могут учитываться только как смягчающие обстоятельства, тогда как ст. 60 УК РФ обязывает учитывать и отягчающие обстоятельства. Представляется, что это затрудняет вынесение справедливого приговора [5]. Кроме того, И.Г. Хисматуллин анализирует требование о кратком изложении содержания доказательств в обвинительном постановлении. Данное требование, по его мнению, перенесено из практики предварительного следствия и только усложняет работу дознавателя, который вместо упрощенного порядка вынужден пересказывать протоколы следственных действий. При этом единого стандарта «краткости» не существует [11].

Проблема в том, что закон дает общие формулировки («кратко», «при необходимости»), а конкретных цифр и четких правил не содержит. Каждый судья и прокурор толкует эти формулировки по-своему. Дознаватель подстраивается под личные требования того, кто проверяет его работу, вместо того чтобы следовать единым для всех правилам.

Еще один нюанс касается процессуального статуса начальника подразделения дознания. В главе 32.1 УПК РФ, как отмечают О.Н. Лазаренко и О.Н. Лаврова, начальник подразделения дознания прямо не указан в качестве субъекта упрощенного производства [8]. Возникает вопрос: вправе ли он возбудить дело и принять его к своему производству в сокращенной форме, обладая полномочиями дознавателя? Данный пробел требует уточнения редакции ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ.

Таким образом, суммируя позиции ученых, следует отметить, что сокращенная форма дознания, существующая более десяти лет, не стала эффективной альтернативой общему порядку. Правовая регламентация в целом адекватна задачам, но оптимальная модель еще не выработана. Т.А. Ильяшевич предлагает построить институт на принципе исключительности (только для преступлений небольшой тяжести) и компенсации (снижение наказания на 1/3 при возмещении вреда) [7].

На основании вышеизложенного представляется возможным сформулировать следующие предложения по изменению законодательства:

1. Исключить п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, заменив безусловное право потерпевшего на возражение правом дознавателя учитывать мнение потерпевшего, но не следовать ему безапелляционно.

2. Внести изменения в ст. 226.6 УПК РФ, увеличив общий срок дознания в сокращенной форме с 15 до 20 или 30 суток, либо установив правило, при котором при наличии ходатайств участников срок не продлевается, а производство автоматически переходит в общий порядок, но с зачетом уже проделанной работы.

3. Дополнить п. 1 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ положением о том, что сокращенное дознание возможно и при возбуждении дела по факту, если лицо, подлежащее привлечению в качестве подозреваемого, будет установлено в срок не более 3 суток с момента возбуждения уголовного дела.

4. Обязать дознавателя разъяснять подозреваемому правовые последствия признания вины в сокращенном дознании только в присутствии защитника, который должен завизировать ходатайство. Это снизит риск самооговора.

5. Изложить п. 2 ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ в следующей редакции: «подозреваемый не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела или измененную с

учетом установленных в ходе дознания обстоятельств». Это позволит корректировать квалификацию без прекращения сокращенного производства.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026)

2. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»

3. Бенчук, Е. А. Проблемы реализации дознания в сокращенной форме / Е. А. Бенчук // Актуальные проблемы науки и практики. – 2025. – № 1(39). – С. 33-38.

4. Гирько, С. И. Унификация процессуальной формы досудебного производства - ускоренное дознание: современное состояние и перспективы / С. И. Гирько // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2019. – № 4. – С. 16-21.

5. Диденко, Н. С. Некоторые проблемы, возникающие при применении упрощенных производств по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации / Н. С. Диденко, Я. А. Шараева, Ю. П. Якубина // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 13 ноября 2020 года / Отв. редактор Н.С. Диденко. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 34-38.

6. Дутов, Ю. И. Нужно ли менять порядок дознания в сокращенной форме? / Ю. И. Дутов, Н. Ю. Дутов // Ius Publicum et Privatum. – 2021. – № 4(14). – С. 103-108.

Курганская О.Л., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юр. наук, доц.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация

Статья посвящена выявлению ключевых дефектов действующего Уголовного кодекса РФ в части квалификации преступлений, связанных с насилием в семье, проведен разбор Европейской правовой системы на предмет криминализации различных форм домашнего насилия, а также выработка практико-ориентированных рекомендаций.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, домашнее насилие, агрессор, жертва насилия, квалификация, квалифицирующий признак.

В современной уголовной системе Российской Федерации квалификация деяний, совершаемых в семейно-бытовой сфере, демонстрирует существенные нормативные недостатки. Россия одна из немногих стран, в которой отсутствует правовая норма о домашнем насилии, что приводит к формальной «подгонке» данной категории преступлений под действующие составы Уголовного кодекса РФ, такие как побои, причинение вреда здоровью и угроза убийством. Это искажает правовую оценку действий агрессора и снижает охранительную функцию уголовного права по отношению к беззащитным членам семьи, оставляя их без должной правовой защиты. [1]

Развитие уголовного права в отношении регулирования преступлений в семейной сфере показывает последовательную трансформацию подходов законодателя. До принятия Уголовного Кодекса Российской Федерации 1996 года домашнее насилие квалифицировалось исключительно по общим нормам о преступлениях против жизни и здоровья. Введение специальных квалифицирующих признаков, учитывающих родственные отношения, показало осознание специфики внутрисемейной преступности. Последующие изменения в Уголовном кодексе 2017-2020 годов усилили санкции за повторное совершение насильственных действий, однако сохранили фрагментарный подход к регулированию данного вида преступлений.

Поведение, характерное для домашнего насилия, часто не однозначно оценивается в действующих статьях Уголовного Кодекса, из-за чего создаются трудности при квалификации деяния. Иногда агрессия проявляется как постоянное психологическое давление или легкие по-

бои, которые по всем правилам не дотягивают до настоящих телесных повреждений, как это прописано в соответствующих нормах закона. В итоге правоприменитель подгоняет реальные события под не совсем совершенные требования статей Уголовного кодекса. [2]

Когда речь идет о домашнем насилии, возникают постоянные проблемы с тем, как вести дело и собирать доказательства. Бремя доказывания и сбора доказательств ложится на жертву насилия, находящейся под влиянием агрессора. Поэтому показания потерпевшего, свидетелей и врачебные справки становятся очень важными. Но зачастую физические следы насилия имеют изменчивый характер, а иногда и отсутствуют вовсе на момент освидетельствования. Отказ потерпевших от своих показаний и отсутствие независимых свидетелей усложняют задачу. Тем самым становится трудно установить фактические обстоятельства дела и определить был ли у агрессора злой умысел.

В действующих составах отсутствует специальный квалифицирующий признак, учитывающий системность насильственных действий в семейных отношениях, что приводит к невозможности правильной правовой оценки повторяющихся случаев насилия как единого преступления. Это очень сильно усложняет доказательство того, что жертве реально угрожает опасность, ведь каждый случай рассматривается отдельно от других. Недостаточность мер по защите потерпевших, только ухудшает ситуацию, мешая полиции и другим службам предотвращать повторные случаи насилия. [3]

Европейские правовые системы по-другому смотрят на домашнее насилие – там его разбирают комплексно, учитывая разные его формы, даже если это просто психологическое давление. Например, Стамбульская конвенция 2011 года обязала страны считать эмоциональное насилие отдельным преступлением, и это правило уже появилось в законах Германии, Франции и других европейских странах. Еще один важный способ защиты – это срочные охранные ордера, которые позволяют быстро отделить агрессора от жертвы, не дожидаясь долгих судов. Этот механизм показал себя очень хорошо: он помогает быстро обеспечить безопасность пострадавших.

В Евросоюзе по-другому устроена система защиты жертв домашнего насилия, там есть специальные суды для таких дел и хорошо налажено сотрудничество между разными ведомствами. В Германии, например, есть кризисные центры, которые тесно работают с полицией и соцслужбами, чтобы оказывать пострадавшим всестороннюю помощь. Такой системный подход помогает уменьшить риск повторной виктимизации, и в целом повышает доверие людей к закону и правовым институтам. [4]

Предлагается создать отдельную статью за данное преступление, в которой непосредственный объект – физическая и психологическая

неприкосновенность личности в семье. Суть объективной стороны преступления – постоянство, под которым понимается системный характер насилия (не менее трёх эпизодов в течение года), с устойчивой моделью поведения агрессора. Квалифицирующие признаки: совершение противоправных действий в отношении ребёнка, беременной женщины или с применением оружия. Форма проявления насилия может быть разной: физическое, психологическое, экономическое и сексуальное, что в совокупности и с постоянной регулярностью служит основанием для признания систематичности.

Санкция предполагает градацию уголовной ответственности от ограничения свободы до лишения свободы на срок до трёх лет в зависимости от того, насколько серьезными были последствия и как часто это происходило. В качестве альтернативных мер привлечения к уголовной ответственности рассматривается условное осуждение, с обязательным прохождением коррекционных программ поведения для агрессора, а также судебные запреты на приближение к потерпевшему. Процессуальное законодательство должно быть дополнено обеспечением безопасности потерпевших на досудебной стадии посредством выдачи защитных предписаний. [5]

Реализация предложенных законодательных изменений способна существенно повысить эффективность борьбы с домашним насилием. Создание отдельной статьи для этого преступления станет своего рода профилактикой: оно покажет, что государство однозначно считает насилие в семье недопустимым. Это соответствует стратегическим задачам и хорошо вписывается в общие цели по улучшению правовой защиты людей в современном мире.

Список цитируемой литературы:

1. Батюкова В.Е. Противодействие домашнему насилию уголовно-правовыми средствами // Современное право. – 2022. – №2. – С. 83–86.

2. Гребеньков А.А., Синяева М.И., Баумштейн А.Б. Семейное и бытовое насилие: уголовно-правовые и криминологические аспекты. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2022. – 35 с.

3. Елфимова Е.И. Правовые проблемы борьбы с домашним насилием // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. – 2013. – №2. – С. 154–158.

4. Катушонок О.В. Понятие и сущность насилия в семье // Вестник полоцкого государственного университета. Серия D. – 2016. – №5. – С. 216–219.

5. Григорьев И.Ф. Право и общество: влияние социальных факторов на криминальную деятельность // Современные проблемы права. – 2022. – Т. 10, № 3. – С. 15–22.

Леденев Д.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юр. наук, доц.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АКТОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация

Особенность данной работы заключается в подтверждении важной роли уголовно-процессуальных актов в обеспечении законности и справедливости уголовного судопроизводства, а также связь принципов справедливости и законности.

Ключевые слова: законность, справедливость, уголовно- процессуальный акт, взаимосвязь, истина.

Уголовно-процессуальные акты имеют главенствующее значение в уголовном судопроизводстве на любой из его стадий. Такая важность обосновывается принципами законности и справедливости уголовного процесса.

Литвинцева Н.Ю. считает: «Законность выступает в качестве основного демократического принципа правового государства. Являясь универсальным правовым принципом, законность выражается в точном и неукоснительном соблюдении законов всеми участниками общественных отношений и вытекает из ст. 15 Конституции РФ» [2;35]. Исходя из данного мнения, делаем вывод, что для Российской Федерации принцип законности имеет приоритетное значение для участников уголовного судопроизводства и правоприминителей. Неукоснительность в соблюдении законодательства служит каждодневной рутиной в работе правоохратнительных органов, в том числе, суда и каждого из граждан.

Говоря о принципе справедливости, необходимо упомянуть о его приоритетном положении в уголовной сфере. С одной стороны данный принцип предусматривает баланс между виновным, то есть совершённым им деянием и правосудием, а именно с назначением наказания.

Отсюда следует, что принцип справедливости не может существовать и реализовываться без принципа законности, как и принцип законности без принципа справедливости. Из взаимосвязь проявляется в каждом уголовно деле, а именно в уголовно-процессуальных актах.

Осуществляя следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия (как гласные, так и не гласные) и иные процессуальные действия необходимо соблюдать нормы законодательства. При этом, дока-

зать законность проведение указанных мероприятий представляется невозможным без его закрепления и ознакомления. Соответственно, для того чтобы отследить законность проведения того или иного действия необходимо вести соответствующий акт, закрепляющий ход самого действия, события, совершённые подозреваемым или обвиняемым, время, место их проведения и многое другое, что и позволяет сравнить нормы уголовно-процессуального закона и действительный ход реализации действий, осуществляемых правоохранительными органами.

В таком случае, соблюдение принципа законности главенствующим образом влияет на справедливость назначения наказания ждя виновного.

Уголовно-процессуальные акты фиксируют не только ход следственных действий, но и их итоги, в том числе и принятое решение по ним, поскольку в них представляется возможность максимально досконально и подробно отобразить то, что происходило в реальности. После чего, при ознакомлении своей подписью лицо подтверждает соответствие всего записанного и произошедшего. Оканчивая стадию предварительного расследования, наступает ключевая стадия, заключающаяся в рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции. Суд руководствуется представленными ему уголовно- правовыми актами, которые могут содержать в себе прямые доказательства на виновность или невиновность подсудимого и принимает по ним окончательные решения. Особенностью данной стадии выступает компетентность суда, он не должен устанавливать истину по конкретному делу, он опирается на имеющиеся доказательства. Данную позицию обосновывает Ананьев С.П., который пишет: «Во- первых, истина, устанавливаемая судом, не является абсолютной; она ограничена юридическими рамками закона. Во-вторых, в области процессуального права истина всегда будет относительной. Абсолютность, присущая истинным утверждениям в точных науках, не может быть перенесена на судопроизводство» [1; 33].

Помимо того, уголовно-процессуальные акты являются вещественным закреплением юридических фактов, вследствие этого акты несут за собой последствия: возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Примером выступает приговор или вердикт, который в случае оправдания влёчет за собой освобождение подсудимого из под стражи, исключает назначение уголовного наказания, а также лицо получает право на реабилитацию и в дальнейшем признаётся реабилитированным. В том случае, если приговор оказался обвинительным, то необходимо назначить наказание, лицо приобретает статус судимого, прекращается уголовное преследование и возмещение вреда по гражданскому иску. Так, приговор как уголовно-правовой акт может влечь за собой, как прекращение, так и возникновение правоотно-

шений, а факт приобретения лицом какого-либо статуса после его оглашения, считается изменяющим правоотношения.

Особенно принцип справедливости прослеживается в случае, когда содержанием уголовно-процессуального акта подтверждается отсутствие вины подозреваемого, отсутствие события уголовно наказуемого деяния. Таким образом лицо, которое было необоснованно привлечено к исполнению наказания или уголовному преследованию. Из этого следует, что следователи будут ставить своей целью поиск того лица, которое совершило преступление и делать всё необходимое для исполнения им наказания с учётом принципа справедливости.

В практической деятельности зачастую могут встречаться случаи признания доказательств уголовного дела недействительными, данный факт меняет ход рассмотрения дела и тактику предъявления дальнейших доказательств. Ввиду чего, необходимо надлежащим образом составлять уголовно-процессуальный акт, опираясь на нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В том случае, если доказательство является единственным или главным, то для них особо важно сохранение их юридической силы, в том числе при рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей возможность их оглашения.

Помимо прочего, важно осуществлять правоохранительную деятельность грамотно, то есть не допускать нарушений прав лиц, учавствующих в процессе. Особую важность имеют конституционные права человека, например, право на свободу передвижения, которое затрагивается при применении мер процессуального принуждения или избрании меры пресечения. В подобных постановлениях обязательно делается отметка о праве на обжалование такого акта.

Подводя итоги, прослеживается тесная связь между рассматриваемыми принцами уголовного процесса, то есть при нарушении одного из принципов, однозначно будет нарушен и другой. Принцип законности предопределяет справедливость, регулируя её через нормы, при этом принцип справедливости неотъемлим от принципа законности. Следовательно, роль уголовно-процессуальных актов при обеспечении законности и справедливости очень велика.

Список цитируемой литературы:

1. Ананьев, С.П. Проблемы соотношения судебной и объективной истины /С.П. Ананьев // Диалог. – 2025. –No1 (31). – С. 31-34.

2. Литвинцева, Н.Ю. Законность при производстве по уголовному делу / Н.Ю. Литвинцева // Сибирские уголовно- процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – No6 (14). – С.120.

Лоис Р.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Климов А.С., канд. юрид. наук, доцент

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЫ: ПРОБЕЛЫ ЗАКОНА И ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация

В статье анализируется состав преступления, предусмотренного статьёй 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни), применительно к разглашению врачебной тайны. На основе обзора судебной практики 2023–2025 годов и научных публикаций выявлены системные проблемы: отсутствие специальной нормы, неопределённость понятия «законная профессиональная деятельность», сложность доказывания умысла и наличия вреда. Предлагается введение самостоятельной статьи в УК РФ и принятие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: врачебная тайна; статья 137 УК РФ; неприкосновенность частной жизни; права пациента; разглашение сведений.

Врачебная тайна — один из краеугольных камней доверия между пациентом и врачом. Статья 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» запрещает разглашение сведений о факте обращения за медицинской помощью, диагнозе и иных данных, ставших известными при оказании помощи. Однако уголовно-правовая защита этой информации выглядит парадоксально: специальной нормы нет, а применяется общая статья 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни». Как следствие, на практике врачи, медсёстры и фармацевты крайне редко привлекаются к ответственности за разглашение тайны, а пациенты остаются беззащитными. Цель настоящей работы — выявить правовые и практические проблемы квалификации разглашения врачебной тайны и предложить пути их решения.

Статья 137 УК РФ устанавливает ответственность за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия, совершённые из корыстной или иной личной заинтересованности. Казалось бы, врачебная тайна подпадает под это определение. Однако на практике возникает несколько ключевых проблем. Во-первых, закон требует обязательной «корыстной или иной личной заинтересованности».

Врач, который в разговоре с коллегой при обходе назвал диагноз пациента (и это услышали другие), действовал не из корысти, а из профессиональной необходимости — и состава преступления нет [1, с. 54]. Во-вторых, разглашение считается незаконным только если оно не связано с профессиональной деятельностью. Но когда врач передаёт сведения в поликлинику по запросу (даже без согласия пациента) — это «законная профессиональная деятельность», даже если запрос был необоснованным. В-третьих, отсутствие чёткого перечня сведений, составляющих врачебную тайну, приводит к тому, что суды поразному трактуют, что именно нельзя разглашать [2, с. 28].

Особую остроту проблеме придаёт цифровизация здравоохранения. Электронные медицинские карты, облачные хранилища, мессенджеры для общения с пациентами — всё это многократно увеличивает риски утечки данных. Однако существующая редакция ст. 137 УК РФ не учитывает специфику цифровых носителей. Например, отправка анализа пациента в общий чат врачей (даже в закрытой группе) уже является разглашением, но доказать «личную заинтересованность» практически невозможно. В результате за 2023–2024 годы в России было зафиксировано всего 12 приговоров по ст. 137 УК РФ в отношении медицинских работников, при том что жалоб на разглашение врачебной тайны ежегодно поступает более 2 тысяч [3, с. 47]. При этом, по данным Следственного комитета РФ, возбуждается лишь около 3% таких обращений, а до суда доходит и того меньше [5].

Показательным является дело, рассмотренное Ленинским районным судом г. Екатеринбурга в октябре 2024 года. Врач-гинеколог разместила в закрытом телеграм-канале для коллег фото истории болезни пациентки с указанием её фамилии и диагноза «ВИЧ-инфекция». Пациентка узнала об этом от знакомой, состоявшей в том же канале, и обратилась в суд. Судья квалифицировал действия врача по ч. 1 ст. 137 УК РФ, назначив штраф 50 тыс. руб., однако вышестоящая инстанция отменила приговор, указав, что не доказана «корыстная или иная личная заинтересованность», поскольку канал был закрытым, а врач действовала «в образовательных целях» [4]. Этот случай наглядно демонстрирует, что ст. 137 УК РФ не приспособлена для защиты врачебной тайны: требование «личной заинтересованности» фактически делает норму мёртвой для добросовестных врачей, совершивших неосторожное разглашение.

Ещё один типичный пример — дело, рассмотренное в 2023 году в г. Новосибирске. Медсестра частной клиники сфотографировала на телефон анализ пациента (подтверждение онкологического заболевания) и отправила его своей подруге в WhatsApp с комментарием: «посмотри, какой ужас». Подруга переслала фото дальше, и в итоге ин-

формация стала известна сослуживцам пациента. Пациент подал заявление о возбуждении уголовного дела, но следователь отказал, указав, что отсутствует «корыстная или иная личная заинтересованность» медсестры, поскольку она действовала не с целью навредить, а из «бытового любопытства» [6]. Таким образом, тысячи подобных фактов остаются без уголовно-правовой оценки.

Особенно уязвимой категорией пациентов являются лица с психическими расстройствами и ВИЧ-инфицированные. Разглашение диагноза в этих случаях может привести к стигматизации, увольнению с работы, распаду семьи. В 2024 году в Санкт-Петербурге психиатр районного диспансера в разговоре с соседкой по коммунальной квартире упомянул, что их общий знакомый «стоит на учёте в ПНД». Пациент, узнав об этом, подал в суд, но уголовное дело возбуждено не было, так как разговор происходил в неформальной обстановке, и врач действовал «без корыстной заинтересованности» [8]. Такие решения судов демонстрируют, что существующая правовая конструкция фактически легализует разглашение врачебной тайны в бытовом общении, если нет явной выгоды для разгласителя.

Сравнительный анализ зарубежного законодательства показывает, что во многих странах (Германия, Франция, Канада, Швейцария) предусмотрена самостоятельная уголовная ответственность за нарушение врачебной тайны, причём вина может быть как умышленной, так и неосторожной. Например, § 203 немецкого Уголовного кодекса (StGB) наказывает лишением свободы до одного года врача, разгласившего тайну пациента без его согласия, независимо от наличия корыстного мотива [7, с. 112]. Французский Уголовный кодекс в ст. 226-13 предусматривает наказание в виде лишения свободы до одного года и штрафа до 15 тыс. евро за разглашение врачебной тайны, причём состав является формальным — не требуется наступления последствий. В Швейцарии ст. 321 УК предусматривает штраф до 10 тыс. франков за разглашение профессиональной тайны медицинским персоналом. Такой подход представляется более обоснованным, поскольку защищает не имущественные интересы, а право на личную тайну как нематериальное благо.

Важно отметить, что действующее законодательство предусматривает также административную ответственность за разглашение врачебной тайны. Статья 13.14 КоАП РФ «Разглашение информации с ограниченным доступом» влечёт наложение штрафа на граждан до 1,5 тыс. руб., на должностных лиц — до 5 тыс. руб. Однако эти санкции крайне низки и не создают действенного стимула для соблюдения тайны. Более того, привлечение к административной ответственности возможно только в том случае, если разглашение не содержит призна-

ков уголовного преступления, но на практике суды отказывают и в административном преследовании, ссылаясь на отсутствие «личной заинтересованности» [9, с. 67].

Что же делать? Предлагается три взаимодополняющих решения. Во-первых, ввести в УК РФ новую статью 137.1 «Нарушение врачебной тайны», где установить ответственность за разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия пациента, совершённое лицом, которому эти сведения стали известны в связи с оказанием медицинской помощи, если это деяние не связано с исполнением законных профессиональных обязанностей (например, передача по запросу следственных органов). Санкции: штраф до 200 тыс. руб. либо обязательные работы до 360 часов. Если разглашение повлекло тяжкие последствия (самоубийство пациента, увольнение с работы, распад семьи, причинение вреда здоровью средней тяжести и др.) — лишение свободы до 2 лет. Во-вторых, принять постановление Пленума Верховного Суда РФ, в котором разъяснить, что под врачебной тайной понимаются любые сведения, перечисленные в ст. 13 № 323-ФЗ, а также что для целей уголовной ответственности не требуется устанавливать корыстную или иную личную заинтересованность — достаточно самого факта незаконного разглашения. В-третьих, внести изменения в ведомственную статистическую отчётность Следственного комитета РФ, выделив отдельную строку по ст. 137.1 УК РФ (после её введения), а также обязав медицинские организации ежегодно отчитываться о фактах разглашения врачебной тайны и принятых мерах. В-четвёртых, повысить штрафы по ст. 13.14 КоАП РФ для должностных лиц до 50 тыс. руб., чтобы создать эффективный механизм административной превенции в случаях, когда разглашение не повлекло тяжких последствий.

Дополнительно следует рассмотреть вопрос о введении обязанности медицинских организаций информировать пациентов об их праве на врачебную тайну и о способах её защиты, включая возможность обращения в правоохранительные органы. Практика показывает, что многие пациенты просто не знают, что разглашение их диагноза может быть уголовно наказуемым, и не обращаются с заявлениями [10, с. 44].

Таким образом, действующая модель уголовно-правовой охраны врачебной тайны через ст. 137 УК РФ неэффективна. Отсутствие специальной нормы, требование «личной заинтересованности» и размытость понятия «законная профессиональная деятельность» делают привлечение к ответственности исключительным случаем, а права пациента — фикцией. Предлагаемые изменения не только заполнят законодательный пробел, но и повысят доверие к системе здравоохранения в целом, а также создадут реальные стимулы для медицинских работников соблюдать врачебную тайну. В условиях цифровизации и рас-

пространения электронных медицинских систем эта проблема становится ещё более актуальной, и её решение требует незамедлительных законодательных действий.

Список цитируемой литературы:

1. Акопов, В.И. Уголовная ответственность за нарушение врачебной тайны: проблемы и перспективы / В.И. Акопов // Российский судья. – 2024. – № 4. – С. 52–57.

2. Капинус, О.С. Правовая охрана врачебной тайны: уголовно-правовой аспект / О.С. Капинус, Н.Е. Крылова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2025. – № 1. – С. 24–33.

3. Обзор судебной практики по делам о разглашении врачебной тайны за 2023–2024 гг. / подгот. Институтом проблем медицинского права. – М., 2025. – 98 с.

4. Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 15.01.2025 по делу № 22-123/2025 [Электронный ресурс] // ГАС «Правосудие». – Режим доступа: https://sudrf.ru (дата обращения: 16.04.2026).

5. Официальные данные Следственного комитета РФ о состоянии преступности в сфере здравоохранения за 2024 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sledcom.ru (дата обращения: 16.04.2026).

6. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 12.07.2023, отдел полиции № 7 г. Новосибирска (архив суда).

7. Сергеев, Ю.Д. Врачебная тайна: правовое регулирование в России и за рубежом / Ю.Д. Сергеев, А.А. Мохов. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2024. – 256 с.

8. Решение Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербурга от 10.03.2024 по делу № 2-456/2024 [Электронный ресурс] // ГАС «Правосудие». – Режим доступа: https://sudrf.ru (дата обращения: 16.04.2026).

9. Ситникова, Е.В. Административная ответственность за разглашение врачебной тайны: проблемы и перспективы / Е.В. Ситникова // Медицинское право. – 2024. – № 2. – С. 64–70.

10. Мохов, А.А. Правовая грамотность пациентов в вопросах врачебной тайны: результаты социологического исследования / А.А. Мохов, Ю.Д. Сергеев // Здравоохранение Российской Федерации. – 2025. – № 1. – С. 42–48.

Лунёв Р.С., преподаватель
Санкт-Петербургской Академии управления городской средой,
градостроительства и печати, член-корреспондент
Петровской Академии наук и искусств, г. Санкт-Петербург

МОДЕРНИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ: ВЫЗОВЫ ДИГИТАЛЬНОГО (ЦИФРОВОГО) СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация

Статья посвящена анализу актуальных проблем уголовно-правовой охраны критической информационной инфраструктуры (КИИ) в контексте обеспечения дигитального суверенитета Российской Федерации. На основе анализа законопроектной деятельности 2025 года, в частности изменений в статью 274.1 УК РФ, рассматриваются ключевые вызовы правового регулирования: отсутствие легального определения «причинения вреда» КИИ, проблемы дифференциации ответственности специалистов и рядовых пользователей, а также легализация деятельности «белых хакеров». Исследуется соотношение международно-правовых подходов (Будапештская конвенция, новая Конвенция ООН о киберпреступности 2024 года) и национальных стратегий обеспечения цифрового суверенитета. Формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства, включая необходимость кодификации цифровых следов как доказательств и гармонизации отраслевого законодательства.

Ключевые слова: критическая информационная инфраструктура, дигитальный суверенитет, уголовно-правовая охрана, кибератаки, статья 274.1 УК РФ, «белые хакеры», цифровые доказательства, Конвенция ООН о киберпреступности.

Цифровая трансформация современного общества детерминирует появление новых объектов правовой охраны, среди которых особое место занимает критическая информационная инфраструктура (КИИ). В условиях геополитической напряженности и роста числа кибератак на объекты энергетики, транспорта, здравоохранения и финансовой сферы обеспечение безопасности КИИ приобретает значение одного из приоритетных направлений государственной политики. Вместе с тем, как справедливо отмечается в научной литературе, уголовное право не может оставаться статичным в стремительно меняющемся цифровом ландшафте; ему необходимо не просто адаптироваться к новым реалиям, но и быть проактивным, предвосхищая будущие вызовы.

Понятие «дигитальный суверенитет» (цифровой суверенитет) в контексте уголовно-правовой охраны КИИ означает способность госу-

дарства самостоятельно определять правовой режим функционирования национальной информационной инфраструктуры, защищать ее от внешних и внутренних угроз, а также осуществлять юрисдикцию в отношении киберпреступлений, затрагивающих критически важные объекты. Как отмечают исследователи, страны Азиатско-Тихоокеанского региона сегодня активно переписывают правила онлайн-поведения, руководствуясь различными политическими философиями контроля [5]. Россия, следуя этой тенденции, также находится в процессе формирования новой парадигмы уголовно-правовой охраны КИИ, что подтверждается активной законопроектной деятельностью 2025 года.

Цель настоящей статьи — комплексный анализ проблем модернизации уголовно-правовой охраны критической информационной инфраструктуры в контексте обеспечения дигитального суверенитета, а также выработка предложений по совершенствованию законодательства.

Следует сказать, что основной нормой, обеспечивающей уголовно-правовую охрану КИИ в Российской Федерации, является статья 274.1 Уголовного кодекса РФ, устанавливающая ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации. Данная норма была введена Федеральным законом от 26 июля 2017 года № 194-ФЗ и с тех пор неоднократно корректировалась. Как показывает анализ правоприменительной практики, ключевой проблемой реализации статьи 274.1 УК РФ является отсутствие легального определения понятия «причинение вреда» критической информационной инфраструктуре. На практике это приводит к размытому толкованию: суды зачастую признают вредом копирование или модификацию информации даже при отсутствии реальных разрушительных последствий. Такая ситуация создает правовую неопределенность как для правоприменителей, так и для субъектов КИИ.

Рассмотрим законопроектные изменения 2025 года. Итак, в ноябре 2025 года в Государственную Думу был внесен законопроект № 1071966-8, направленный на устранение выявленных пробелов в статье 274.1 УК РФ. Ключевые изменения, предлагаемые законопроектом, включают:

1. Конкретизация понятия «причинение вреда»: в частях 2 и 3 статьи 274.1 УК РФ предлагается закрепить, что под причинением вреда понимаются уничтожение, блокирование, модификация и копирование компьютерной информации, содержащейся в КИИ.

2. Дифференциация ответственности: законопроект разделяет ответственность за правонарушения в сфере КИИ в зависимости от субъекта и тяжести последствий. Уголовная ответственность будет применяться к штатным специалистам КИИ за серьезные нарушения правил

эксплуатации, тогда как административная ответственность — к рядовым пользователям, чьи действия влекут незначительный ущерб.

3. Институт освобождения от ответственности: предусматривается возможность освобождения от уголовной ответственности сотрудников, ответственных за эксплуатацию объектов КИИ, которые нарушили правила доступа или эксплуатации, но затем активно способствовали раскрытию преступления и приняли меры по сохранению следов кибератаки [8].

Как отмечают некоторые эксперты, данное изменение фактически переводит работу с КИИ в категорию деятельности с высокой юридической ответственностью, что требует от специалистов по информационной безопасности еще более строгого соблюдения регламентов.

Рассмотрим проблему легализации деятельности «белых хакеров». Итак, одним из наиболее острых вопросов, связанных с модернизацией уголовно-правовой охраны КИИ, является легализация деятельности специалистов по выявлению уязвимостей в информационных системах — так называемых «белых хакеров». Как отмечает председатель комиссии по облачным технологиям, хостингу и информационной безопасности в Региональном общественном центре интернет-технологий (РОЦИТ) (с 2023 года)) Михаил Шурыгин, в настоящее время существует избыточность в вопросах сбора персональных данных различными коммерческими компаниями, что создает уязвимости, требующие исследования [1]. В отсутствие четкого правового регулирования добросовестные исследователи безопасности рискуют быть привлеченными к уголовной ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации (статья 272 УК РФ) даже при отсутствии противоправной цели. Как подчеркивают представители МВД России, добросовестное исполнение обязанностей должностными лицами, предусмотренных нормативными актами работодателя или требованиями закона, не может рассматриваться как «целенаправленное» противоправное воздействие. Однако данное разъяснение не имеет нормативной силы и не может служить надежной правовой защитой.

В октябре 2025 года было объявлено о подготовке комплексного пакета законопроектов, направленных на регулирование деятельности «белых хакеров». Законопроектный пакет включает три документа:

1. Изменения в Гражданский кодекс РФ: предоставление пользователям права без согласия правообладателя изучать и тестировать программы для ЭВМ и базы данных на наличие уязвимостей при условии, что это делается в целях повышения безопасности и без распространения полученной информации [7].

2. Изменения в Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ называется «Об информации, информационных технологиях и о защи-

те информации»: закрепление порядка проведения мероприятий по выявлению уязвимостей, включая правила привлечения исполнителей, требования к платформам для тестирования и порядок передачи информации об обнаруженных уязвимостях.

3. Изменения в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы: введение ответственности за неправомерную передачу информации об уязвимостях, полученной в ходе тестирования, с наказанием вплоть до лишения свободы [5].

Как отмечает депутат Государственной думы VIII созыва от партии «Единая Россия», член комитета по информационной политике, информационным технологиям и связи, Антон Немкин, указанные законопроекты призваны создать правовые условия для развития этичного хакерства, повысить доверие между специалистами по кибербезопасности и владельцами информационных ресурсов, а также укрепить цифровой суверенитет России. Планируемый срок вступления в силу — 1 марта 2026 года [2]. С точки зрения обеспечения дигитального суверенитета, легализация «белых хакеров» имеет двойственное значение. С одной стороны, она позволяет использовать внутренние кадровые ресурсы для выявления и устранения уязвимостей, снижая зависимость от иностранных поставщиков услуг в сфере информационной безопасности. С другой стороны, создание легальных механизмов тестирования на проникновение требует разработки надежных гарантий против злоупотреблений, что само по себе является сложной правовой задачей [4].

Долгое время основным международным договором в сфере противодействия киберпреступности оставалась Будапештская конвенция о киберпреступности (2001 год). Однако, как отмечается в научной литературе, данная конвенция не была ратифицирована рядом крупных государств, включая Россию и Китай, что ограничивало ее универсальный характер. 24 декабря 2024 года Генеральная Ассамблея ООН приняла новую Конвенцию ООН о киберпреступности, открытую для подписания в Ханое 24–25 октября 2025 года [9]. Более 60 государств приняли участие в церемонии подписания. Как подчеркивают эксперты, данная конвенция представляет собой первый всеобъемлющий многосторонний и глобальный международный документ, специализирующийся на киберпреступности и международном правовом сотрудничестве в сфере кибербезопасности [7].

Рассмотрим влияние новой Конвенции ООН на национальное законодательство. Так, новая Конвенция ООН требует от государств-участников криминализировать такие деяния, как незаконный доступ к системам, вмешательство в данные, мошенничество, а также эксплуатацию детей в интернете. Она устанавливает структуры для совместных расследований, экстрадиции и обмена электронными доказательствами.

Для России, которая не является участницей Будапештской конвенции, новая Конвенция ООН открывает возможности для участия в формировании глобального режима противодействия киберпреступности на равноправной основе. Однако, как показывает опыт Вьетнама, имплементация положений конвенции требует внесения существенных изменений в национальное законодательство, включая дополнение механизмов трансграничного расследования, электронной судебной помощи и признания электронных доказательств, предоставленных иностранными государствами.

С точки зрения дигитального суверенитета, присоединение к международным договорам о киберпреступности представляет собой компромисс между необходимостью международного сотрудничества и стремлением сохранить контроль над национальным цифровым пространством. Как отмечают исследователи, одни страны фокусируются на цифровом суверенитете, другие — на подотчетности искусственного интеллекта, и немногие согласны в определениях, и еще меньше — в правоприменении.

Анализ подходов азиатских государств к обеспечению кибербезопасности представляет особый интерес в силу их стремления сочетать технологическое развитие с сохранением государственного контроля. Сингапур остается эталоном регулирования, основанного на формальных правилах. Недавние поправки расширили защиту на временную критическую инфраструктуру (например, облачные системы, используемые во время выборов) и требуют строгих ежегодных аудитов безопасности. Поставщики, работающие с государственными системами, обязаны подписывать обязательные пункты о кибербезопасности. Китай в своей пересмотренной версии Закона о кибербезопасности усилил надзор и государственный контроль. Новые положения ограничивают сбор биометрических данных (анализ походки или отслеживание нажатия клавиш без официального разрешения). Определение «критических данных» расширено и теперь включает системы электромобилей и интеллектуальные сети. Штрафы за повторные нарушения могут достигать 5% глобального дохода. Япония пытается найти баланс между регулированием и инновациями. С одной стороны, введены требования к аудиту систем распознавания лиц в общественных местах. С другой стороны, разрешено использование персональных данных для обучения моделей ИИ без предварительного согласия — что является спорным, но расчетливым шагом для сохранения лидерства в сфере генеративного ИИ. Южная Корея находится на переднем крае регулирования ИИ. Закон об ИИ (Framework AI Act), который должен вступить в силу в конце 2025 года, вводит обязательную оценку алгоритмического воздействия для публичных систем с большим количе-

ством пользователей. Политический контент, созданный ИИ, должен быть маркирован [3].

Отметим, что российская модель уголовно-правовой охраны КИИ демонстрирует черты как «суверенной» (близкой к китайской), так и «прагматичной» (близкой к сингапурской) моделей. С одной стороны, акцент на государственном контроле и централизации (НКЦКИ, ГосСОПКА) сближает Россию с Китаем. С другой стороны, попытки легализовать «белых хакеров» и создать прозрачные механизмы тестирования на проникновение свидетельствуют о стремлении использовать рыночные механизмы и кадровый потенциал ИТ-отрасли.

Одной из проблем, характерных не только для России, но и для других стран, является дефицит квалифицированных кадров в сфере кибербезопасности. Как отмечается в аналитических материалах, Азия сталкивается с нехваткой специалистов в области кибербезопасности, превышающей три миллиона человек. В России эта проблема также стоит остро, что делает легализацию деятельности исследователей безопасности не только правовой, но и кадровой необходимостью.

Киберпреступность имеет ряд характерных черт, отличающих ее от традиционной: трансграничность, трудности с определением места нахождения преступника и места совершения преступления, сложности с визуальным наблюдением и фиксацией доказательств, широкое использование преступниками шифрования, анонимность в сети, автоматизация и быстрота действий, низкий процент раскрываемости.

Как отмечается в научной литературе, взаимные запросы о правовой помощи между странами АСЕАН и Китаем часто занимают более года. Стандарты отслеживания криптовалют сильно различаются: Южная Корея допускает использование судебных доказательств на основе ИИ, тогда как Индонезия их даже не признает [6].

Решение проблем, связанных со сбором и фиксацией цифровых доказательств, требует не только технологических, но и правовых инноваций. Как обоснованно отмечают исследователи, киберпреступность заставляет переосмысливать фундаментальные концепции уголовного права — от понятия субъективной стороны преступления в контексте автономных систем до принципов сбора и оценки цифровых доказательств.

Перспективным направлением представляется законодательное закрепление статуса «цифровых следов» как самостоятельного вида доказательств, а также разработка унифицированных процедур их фиксации, изъятия и исследования. Важным шагом в этом направлении является признание электронных доказательств, предоставленных иностранными государствами в рамках международного сотрудничества, как это предусмотрено новой Конвенцией ООН о киберпреступ-

ности. Анализ действующего законодательства и законопроектных инициатив позволяет сделать вывод о необходимости системного, а не фрагментарного подхода к модернизации уголовно-правовой охраны КИИ. Как справедливо отмечается в научной дискуссии, проблемы в сфере регулирования цифровых активов лежат в категориальном аппарате, происходит смешение понятий.

Применительно к охране КИИ это означает, что изменения в статью 274.1 УК РФ должны сопровождаться:

1. Гармонизацией с отраслевым законодательством: Федеральным законом «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (№ 187-ФЗ), а также подзаконными актами ФСТЭК России и Минцифры.

2. Унификацией терминологии: единообразное использование понятий «критическая информационная инфраструктура», «значимый объект КИИ», «компьютерная атака», «уязвимость» в уголовном и административном законодательстве.

3. Разработкой методических рекомендаций для правоприменителей: по квалификации деяний по статье 274.1 УК РФ, отграничению от смежных составов (статьи 272, 273, 274 УК РФ), а также от административных правонарушений.

Перспективным направлением представляется кодификация правового режима КИИ в уголовном праве путем выделения отдельной главы УК РФ, посвященной преступлениям против информационной безопасности. Это позволило бы систематизировать составы, предусмотренные статьями 272–274.1 УК РФ, установить единые принципы квалификации и дифференциации ответственности, а также обеспечить более эффективную охрану критически важных объектов.

Кроме того, требует решения вопрос о криминализации подготовки к совершению кибератак на объекты КИИ. В условиях, когда «в первом квартале 2025 года на Азию пришлось почти половина мировых утечек данных — 43%», а количество вторжений выросло более чем на 100% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, профилактическое значение уголовного закона приобретает особую важность.

Модернизация уголовно-правовой охраны критической информационной инфраструктуры в контексте обеспечения дигитального суверенитета представляет собой комплексную проблему, находящуюся на пересечении уголовного, информационного и международного права [10, с. 278].

Сделаем основные выводы нашего исследования:

1. Действующая редакция статьи 274.1 УК РФ страдает от правовой неопределенности понятия «причинение вреда» КИИ, что требует законодательного устранения. Внесенный в ноябре 2025 года законо-

проект № 1071966-8 является шагом в правильном направлении, однако нуждается в доработке с учетом позиции Верховного Суда РФ и экспертного сообщества.

2. Легализация деятельности «белых хакеров» является необходимой мерой для укрепления дигитального суверенитета, однако требует создания надежных гарантий против злоупотреблений. Подготовленный законопроектный пакет, вносящий изменения в Гражданский, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, нуждается в широком общественном и экспертном обсуждении.

3. Новая Конвенция ООН о киберпреступности (Ханой, 2025) создает основу для глобального сотрудничества в противодействии киберпреступности, но требует от государств-участников гармонизации национального законодательства. Россия должна занять активную позицию в формировании международно-правового режима, учитывающего принципы дигитального суверенитета.

4. Проблемы доказывания киберпреступлений, связанные с трансграничным характером цифровых следов и отсутствием унифицированных процедур их фиксации, требуют не только технологических, но и правовых решений, включая кодификацию статуса цифровых доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве.

5. Дальнейшее совершенствование уголовно-правовой охраны КИИ должно осуществляться системно, с учетом гармонизации уголовного, административного и отраслевого законодательства, а также международно-правовых обязательств Российской Федерации.

Список цитируемой литературы:

1. В РОЦИТ обсудили поиск баланса между безопасностью и открытостью как основы устойчивого развития ИТ-отрасли. — Текст: электронный // РОЦИТ. — URL: https://rocit.ru/news/v-roczit-obsudili-poisk-balansa-mezhdu-bezopasnostyu-i-otkrytostyu-kak-osnovy-ustojchivogo-razvitiya-it-otrasli/ (дата обращения: 10.04.2026).

2. В Госдуму внесли поправки в УК об ответственности за кибератаки на критическую инфраструктуру. — Текст: электронный // Уголовный процесс. — URL: https://www.ugpr.ru/amp/news/9289 (дата обращения: 10.04.2026).

3. Sharma, M. The Digital Leviathan: The UN Cybercrime Treaty and the Future of Global Governance / M. Sharma. — Текст : электронный // CyberPeace. — URL: https://cyberpeace.org/resources/blogs/the-digital-leviathan-the-un-cybercrime-treaty-and-the-future-of-global-governance (дата обращения: 10.04.2026).

4. Обновленный пакет законопроектов о деятельности «белых хакеров» внесут в Госдуму. — Текст : электронный // Financial One. —

URL: https://fomag.ru/news-streem/obnovlennyy-paket-zakonoproektov-o-deyatelnosti-belykh-khakerov-vnesut-v-gosdumu/ (дата обращения: 10.04.2026).

5. Крупанин, Ф. Уголовный код доступа / Ф. Крупанин. — Текст: электронный // Коммерсантъ. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/8212048 (дата обращения: 10.04.2026).

6. Perfecting the law on cyber security and protecting state secrets in the digital age. — Текст: электронный // Vietnam.vn. — URL: https://www.vietnam.vn/en/hoan-thien-phap-luat-ve-an-ninh-mang-va-bao-ve-bi-mat-nha-nuoc-trong-ky-nguyen-so (дата обращения: 10.04.2026).

7. II Академические слушания законопроектов и законов в сфере цифровой безопасности: важные тезисы. — Текст: электронный // Цивилист. — URL: https://civilistmag.ru/tpost/lh0lo5b9c1-i-akademicheskie-slushaniya-zakonoproekt (дата обращения: 10.04.2026).

8. Проект Федерального закона № 1071966-8 «О внесении изменений в статью 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 18.11.2025). — Текст : электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=267114 (дата обращения: 10.04.2026).

Ляпина Д.К., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М., канд. юр. наук, доц.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АКТЫ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Аннотация

В данной статье будут рассмотрены уголовно-процессуальные акты, которые составляются на стадии предварительного следствия.

Ключевые слова: документ, протокол, уголовно-процессуальный кодекс РФ, следствие, следователь, расследование.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что уголовное судопроизводство будет невозможным без строгого и четкого документирования должностных лиц, которые осуществляют предварительное следствие. На стадии предварительного следствия формируется доказательственная база, которая, в последствии, будет заложена в основу

судебного разбирательства. Из этого следует, что любая ошибка в оформлении процессуального акта может привести к признанию доказательства недопустимым в ходе судебного разбирательства.

Предварительное следствие – это основополагающая форма предварительного расследования (наряду с дознанием), осуществляемая «следователями Следственного комитета, Министерства внутренних дел и Федеральной службы безопасности в Российской Федерации (далее по тексту – РФ)» [1].

Главной целью предварительного следствия является установление всевозможных обстоятельств преступления, изобличения виновных лиц, сбор и проверка доказательственной базы, обеспечение возможности возмещение вреда потерпевшему лицу.

Деятельность следователя на стадии предварительного следствия подчиняется общим принципам уголовного судопроизводства. Также есть своеобразные принципы, присущие именной этой стадии расследования. Рассмотрим их подробней.

Первым является независимость следователя, которая выражается в том, что следователь самостоятельно принимает решения и обязательность выполнения процессуальных действий, в ходе которой следователь обязан принять меры к возбуждению уголовного дела, если имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления.

Следователь самостоятельно направляет ход расследования; принимает решения о производстве следственных действий (кроме тех, которые требует разрешение суда – обыск в жилище или арест); несет ответственность за законность и своевременность всех производимых им действий.

В отличие от дознания, предварительное следствие проводится по более сложным категориям уголовных дел и имеют более длительные сроки расследования (как правило, предварительное следствия проводится 2 месяца с возможностью продления).

В соответствии со статьей 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ предварительное следствие проводят: Следственный комитет РФ, который расследует одни из самых тяжких дел (например, убийство, изнасилование, должностные преступления, коррупция и т.д.); Министерство внутренних дел РФ, в производстве которого находится самый большой объем уголовных дел (например, кражи, грабежи, разбои и т.д.); Федеральная служба безопасности РФ, в компетенцию которого входят преступления против государственной безопасности (например, терроризм, шпионаж, государственная измена и т.д.) [1].

Уголовно-процессуальные акты – предусмотренные законом письменные документы, в которых должностные лица (следователь, руководитель следственного органа) в пределах своей компетенции

фиксируют ход и результаты процессуальных действий, а также принятые ими решения.

К признакам уголовно-процессуальных актов относятся: письменное оформление всех актов; специфическая структура (то есть, большинство актов состоят из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей); юридические последствия этих фактов.

Правовое значение уголовно-процессуальных актов заключается в том, что они являются основанием для возникновения, изменения или прекращения уголовно-процессуальных правоотношений (например, протокол о задержании трансформирует лица в подозреваемого в совершении преступления).

Так же протоколы производства следственных действий являются доказательственной базой и источниками всех доказательств, которые впоследствии будут учитываться в обвинительном заключении.

Классификация процессуальных актов на стадии предварительного следствия принято делить на три категории. Рассмотрим их подробней.

Первой категорией являются процессуальные решения – это акты, в которых выражена воля следователя на принятие начального решения: «постановление о возбуждении уголовного дела; постановление о привлечении в качестве обвиняемого; постановление о производстве следственных действий (например, обыск, выемка, назначение судебно-медицинских экспертиз) и постановление об избрании меры пресечения» [1].

Далее следуют протоколы следственных действий – документы, в которых фиксируются ход и результаты деятельности следователя: «протокол осмотра места происшествия; протоколы допросов (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого/обвиняемого; протоколы очных ставок, обысков, опознаний» [1]. Протоколы следственных действий оформляются непосредственно в ходе проведения следственного действия или же сразу после него. Они отражают все существенные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

И, наконец, итоговые документы – акты, завершающие стадию следствия и подводящие итог всей проделанной работы: обвинительное заключение – главный документ, в котором прописывается вся суть обвинения, проводится перечень доказательств и формулируется итоговая позиция следствия для суда; постановление о прекращении уголовного дела [1].

Процессуальные акты являются важной гарантией прав, поскольку они фиксируют права подозреваемого и обвиняемого; обеспечивают возможность обжалования решений; способствуют прозрачности уголовного процесса.

Таким образом, уголовно-процессуальные акты на стадии предварительного следствия представляют собой некий организм уголовного дела. Качество и соблюдение всех требований, прописанных в уголовно-процессуальном законе, напрямую создает фундамент правосудия.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 174 - ФЗ от 18.12.2001 г. (ред. от 19.12.2016 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017 г.) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

2. Смирнов А.В. С50 Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : КНОРУС, 2008. — 704 с.

Макарова М.Е., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М., канд. юр. наук, доц.

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ И ПРИЧИНЫ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПРАВОСУДИЯ

Аннотация

Статья посвящена исследованию субъективных признаков и детерминант преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами. Анализируется законодательная конструкция субъективной стороны составов, предусмотренных главой 31 УК РФ. На основе разграничения понятий «правосудие» и «деятельность, содействующая осуществлению правосудия» делается вывод о недопустимости отнесения дознавателей, следователей и прокуроров к органам правосудия, а также о нецелесообразности наделения их полномочиями по прекращению уголовных дел на досудебных стадиях.

Ключевые слова: преступления против правосудия, должностные лица, правоохранительные органы.

Повышенную общественную опасность демонстрируют должностные преступления, совершаемые в сфере правосудия. Судьи, прокуроры, следователи, дознаватели и сотрудники органов принудительного исполнения – каждое из перечисленных лиц, злоупотребляя властными полномочиями, наносит ущерб, выходящий за рамки от-

дельного процессуального эпизода. Подрывается авторитет судебной власти, дискредитируется сама идея правового государства.

С субъективной стороны эти преступления совершаются только умышленно, как правило, при наличии прямого умысла, а в отдельных статьях гл. 31 УК указывается также на мотив и цель преступления. Анализ норм, собранных в главе 31 УК РФ, приводит к выводу – подавляющее большинство посягательств на правосудие законодатель относит к категории умышленных. Более того, в нескольких составах прямо фигурирует указание на прямой умысел.

Показательны в этом отношении ст. 299 УК РФ (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности), ст. 300 УК РФ (незаконное освобождение от ответственности) и ст. 305 УК РФ (вынесение заведомо неправосудного судебного акта). Должностное лицо, совершая перечисленные действия, осознаёт их общественную опасность. Предвидит неизбежность нарушения прав и законных интересов участников процесса. И желает наступления последствий – именно «заведомость» выступает здесь юридическим маркером прямого умысла.

В то же время разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК) может совершаться и по неосторожности. Объективная сторона этого состава заключается в разглашении данных предварительного расследования лицом, предупрежденным в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения.

Корыстная или иная личная заинтересованность вводится законодателем в качестве дополнительного признака для некоторых составов. Фальсификация доказательств по уголовному делу (ч. 2 ст. 303 УК РФ) требует установления мотива. Провокация взятки либо коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ) предполагает цель – искусственное создание доказательственной базы совершения преступления. Однако было бы ошибкой полагать, будто все преступления против правосудия совершаются исключительно умышленно.

Так, прямой умысел на разглашение в описанных выше случаях отсутствует, однако вред охраняемым интересам причиняется. Применение только дисциплинарных мер явно недостаточно. Требование доказывать прямой умысел превращает ст. 310 УК РФ в фактически неработающую норму. Представляется целесообразным дополнить статью частью, предусматривающей ответственность за неосторожное разглашение данных предварительного расследования – при условии, что деяние повлекло тяжкие последствия.

Многие вопросы, касающиеся субъективной стороны, причин и условий совершения противоправных действий, остаются открытыми для научной полемики.

В настоящее время, когда в Российской Федерации законодательно закреплена и реализована доктрина об осуществлении правосудия только судом, необходимо отграничивать понятия «правосудие» и «деятельность, содействующая осуществлению правосудия».

Правосудие выступает исключительной прерогативой судебной ветви власти. Судья, рассматривая уголовные, гражданские, арбитражные либо административные дела, действует в строго регламентированном процессуальном порядке. Итогом становится обязательный к исполнению акт – приговор, решение или постановление.

Отграничить правосудие от сопутствующих юридических процедур позволяет ряд критериев. Прокурор, нотариус или арбитр третейского суда подобными полномочиями не наделены: исключительно суд (в лице судьи) выступает здесь субъектом. В конституционном смысле никто иной не вершит правосудие. Вынесенный юрисдикционный акт сам по себе разрешает конфликт – будь то признание подсудимого виновным либо принудительное взыскание задолженности. До момента оглашения акта судом первой инстанции правосудие ещё не свершилось, поскольку это финальная стадия процесса.

Кассационное определение Верховного суда РФ или приговор мирового судьи служат иллюстрацией. Эти акты завершают движение дела, придавая юридическому спору окончательную определённость. На более ранних этапах – в ходе следствия, прений сторон или исследования доказательств – правосудие отсутствует как явление.

Под деятельностью, содействующей осуществлению правосудия может пониматься процессуальная деятельность должностных лиц правоохранительных органов (предварительного расследования, дознания, прокурора) и граждан (потерпевших, свидетелей, специалистов и др.), связанная с созданием необходимых условий (дача правдивых показаний, закрепление допустимых и достоверных доказательств и т.д.) для всестороннего и объективного рассмотрения дела судом и принятия им справедливого решения (приговора) [4]. То есть деятельность, содействующая осуществлению правосудия, создает предпосылки (условия, почву, основу) для осуществления правосудия судом. С учетом вышеизложенного, законодателю было бы целесообразно внести определенные коррективы в наименование гл. 31 УК РФ, назвав ее «Преступления против правосудия и деятельности, содействующей его осуществлению».

Деятельность дознавателя, следователя или прокурора хотя и регулируется уголовно-процессуальным правом, относить перечисленных должностных лиц к участникам правосудия представляется ошибочным. Разворачиваясь в сфере общественных отношений, процессуальная функция указанных субъектов охватывает существенно более

широкий предмет по сравнению с теми отношениями, которые складываются непосредственно при отправлении правосудия.

На досудебных стадиях возникает множество правоотношений, способных завершиться там же. Прекращение производства по делу дает характерную иллюстрацию, уголовное дело не доходит до суда. Перед нами уголовно-процессуальные отношения, оставшиеся вне какой-либо связи с актом правосудия. Но право на отправление правосудия имеет только суд. Поэтому прекращение дела на досудебной стадии не трактуется как акт правосудия.

В связи с этим «целесообразно передать суду полномочия по прекращению уголовных дел на этапе предварительного производства. Ни прокурор, ни органы расследования (даже при наличии согласия прокурора) не должны обладать правом самостоятельно принимать подобные решения» [2].

Очевидно, что основной причиной совершения преступлений в рассматриваемой сфере является корыстная заинтересованность. Стремление к личной материальной выгоде толкает субъекта на нарушение закона, доминируя над иными побуждениями. Возникновение корыстных мотивов у субъектов и их реализация при совершении рассматриваемых посягательств отчасти причинно связаны с влиянием тех же факторов, что и формирование побуждений ложно понятых интересов службы: откровенный упадок общей культуры сотрудников правоохранительных органов, устойчивые негативные искажения их правосознания; корпоративная солидарность внутри правоохранительных органов, обеспечивающая крайне редкую наказуемость противоправных деяний даже в случае их выявления руководством. Включая как прямую наживу (присвоение вверенного имущества, получение незаконного вознаграждения), так и опосредованную выгоду (улучшение материального положения через сокращение расходов либо уклонение от обязательных платежей), корыстная заинтересованность не однородна по своей структуре. Экономический фактор целесообразно рассматривать не просто одним из многих, а системообразующим элементом детерминационной модели противоправного поведения в исследуемой области. Весомую роль, думается, играет и весьма специфический детерминант – недостаточная материальная обеспеченность работников органов правопорядка, ее несоразмерность характеру и объему выполняемой ими работы. На ее фоне стремительно развивается деформация мировоззрения, связанная с формированием потребительской, стяжательской психологии [1].

Государство утрачивает способность гарантировать реальную защиту прав граждан – ресурсного обеспечения попросту не хватает для полноценного выполнения возложенных функций. Связано это с ростом

цен, высокая инфляция снижает уровень благосостояния сотрудников, несмотря на ежегодное повышение уровня оплаты труда. Оно должно идти опережающими темпами в сравнении с официальными цифрами инфляции. Одновременно трансформируется и отношение штатных сотрудников к собственным служебным обязанностям: дефицит финансирования провоцирует снижение мотивации, рост формализма в работе, а иногда и откровенную демотивацию. Подобная ситуация фиксируется как в региональных подразделениях, так и на федеральном уровне. Выпадая из системы надлежащего материального и технического сопровождения, профессиональная деятельность должностных лиц постепенно утрачивает внутренние ориентиры на качественный результат.

К числу причин в последние несколько лет добавилась и элементарная нехватка кадров. Растет на грузка на сотрудников, а контроль за их работой ужесточается.

Таким образом, в качестве основных причин должностных преступлений в сфере правосудия выделим корыстную заинтересованность, упадок общей культуры и деформацию правосознания сотрудников правоохранительных органов, солидарность в органах, недостаточную материальную обеспеченность. Добавим сюда и нехватку кадров в последнее время, что ведет к повышенной нагрузке на сотрудников. Внести коррективы в наименование главы 31 УК РФ «Преступления против правосудия и деятельности, содействующей его осуществлению» необходимо для уточнения объекта уголовно-правовой охраны. Правильная квалификация деяний также выиграет от подобной корректировки.

Список цитируемой литературы:

1. Гармышев, Я.В. Преступление против правосудия: учебное пособие / Я.В. Гармышев. – Иркутск: Издат. дом БГУ, 2021. – 155 с.

2. Лимарь, А.С. Особенности квалификации превышения должностных полномочий / А.С. Лимарь, И.А. Михайлова // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 39-44.

3. Мельников, Е.А. Методологические подходы к систематизации преступлений против правосудия / Е.А. Мельников // Право и управление. – 2025. – № 4. – С. 216-222.

4. Мельников, Е.А. Процессуальный критерий систематизации преступления против правосудия: посягательства на статику и динамику процесса. Обоснование выбора критерия / Е.А. Мельников // Международный научный вестник. – 2025. – № 4. – С. 145-153.

5. Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ): монография / под ред. Н.А. Лопашенко. – Москва, 2023. – 560 с.

Максакова В.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Сибирский филиал, г. Новосибирск
Научный руководитель – Ладошкин А.С., канд. юрид. наук, доц.

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ЦИФРОВУЮ ВАЛЮТУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРЕДЕЛЫ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНИМОСТИ

Аннотация

В статье анализируется не вопрос о допустимости ареста цифровой валюты как таковой, а пределы того, что суд действительно способен проверить и обеспечить при применении статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации после принятия Федерального закона от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ. Обосновывается, что судебный контроль в данной сфере ограничен проверкой связи лица с конкретным адресом-идентификатором, соразмерности запрета и исполнимости выбранного способа изъятия. Основная коллизия смещается с уровня квалификации имущества на уровень фактического контроля над частным ключом.

Ключевые слова: цифровая валюта; арест имущества; судебный контроль; статья 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; статья 164.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; исполнимость судебного решения; адрес-идентификатор; частный ключ.

После вступления в силу Федерального закона от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ основной спор сместился. Для уголовного процесса теперь значительно менее остро стоит вопрос о том, можно ли вообще рассматривать цифровую валюту как объект ареста. Гораздо важнее другое: что именно разрешает суд, когда он удовлетворяет ходатайство следователя по статье 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В отношении обычного имущества судебный контроль охватывает установление правовой связи между лицом и имуществом, наличие обеспечительной цели и соразмерность ограничения. В отношении цифровой валюты к этому добавляется разрыв между активом и его материальным носителем. Ноутбук, аппаратный кошелек, телефон, лист с seed-фразой и аккаунт на бирже не тождественны самой цифровой валюте. Поэтому судебный акт, который описывает только устройство, но не описывает цифровой актив и модель доступа к нему, создает лишь видимость контроля. Уже в более ранней литературе обращалось внимание на то, что неприкосновенность цифровых валют была в значитель-

ной степени профессиональным мифом, а практика неизбежно движется к признанию возможности их ареста [1, с. 30–31]. Одновременно исследователи подчеркивали, что цифровая валюта как объект уголовно-процессуального воздействия имеет иную фактическую природу, чем наличные деньги или банковский счет, поскольку распоряжение ею опосредовано ключами доступа и архитектурой конкретного кошелька [3, с. 44–47]. Именно здесь возникает узкий и до сих пор недостаточно разработанный вопрос о пределах судебного контроля.

Часть 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации сохраняет общий обеспечительный каркас ареста имущества: гражданский иск, штраф, иные имущественные взыскания, возможная конфискация. Процессуальная форма судебного разрешения по-прежнему определяется статьей 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а обязанность принимать меры по обеспечению имущественных взысканий следует также из статьи 160.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Однако после введения специальных правил статьи 164.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и специальных положений статьи 115 того же кодекса содержание проверяемых судом обстоятельств стало иным. По моему мнению, суд в делах о цифровой валюте должен проверить не четыре, а пять групп обстоятельств: наличие обеспечительной цели, достаточную связь актива с подозреваемым или обвиняемым, идентифицируемость самой валюты, реализуемость выбранного способа ареста и влияние этого способа на права третьих лиц. Без последнего элемента судебный контроль оказывается неполным. Если актив находится на кастодиальной бирже, запрет операций адресуется не только владельцу, но и посреднику. Если речь идет о некастодиальном кошельке, фактическая исполнимость зависит от того, сохранился ли у следствия доступ к ключу и не дублирован ли он у иных лиц. Схожая логика читается и в научных работах последних лет, где арест цифровой валюты рассматривается не как простое приложение общих норм к новому объекту, а как самостоятельная процессуальная конструкция, требующая учета способа хранения и способа распоряжения активом [5, с. 146–149], [6, с. 179–184].

Первый предел судебного контроля связан с индивидуализацией объекта ареста. Суд не вправе довольствоваться формулой вроде «криптовалюта, содержащаяся на изъятом устройстве», потому что она не позволяет проверить ни соразмерность, ни последующую исполнимость акта. Минимально исполнимое судебное решение должно фиксировать хотя бы вид цифровой валюты, сетевую среду, количество единиц актива или способ его определения, адрес-идентификатор либо иной индивидуализирующий признак, а также модель хранения, будь

то кастодиальный сервис, «горячий» кошелек, аппаратный носитель или бумажный кошелек. Но отсюда не следует, что суд должен подменять собой специалиста по блокчейн-аналитике и разрешать технический вопрос о получении приватного ключа. Судебный контроль здесь ограничен правовой достаточностью описания объекта и проверкой того, позволяет ли представленная идентификация исполнять меру без произвольного расширения ее объема. В литературе справедливо отмечается, что для части практики до сих пор характерно смешение носителя и актива, тогда как более точный подход требует описывать адрес кошелька, вид валюты и ее количество [2, с. 222–223], [5, с. 146–149]. Отсюда вытекает важный вывод: судебный акт не может строиться на предположении, что все, что будет обнаружено на устройстве позднее, автоматически охватывается разрешением суда.

Второй предел судебного контроля проходит по линии разграничения ареста как запрета распоряжения и ареста как фактического перемещения актива. Для обычного имущества это различие не всегда заметно, но применительно к цифровой валюте оно принципиально. Если актив хранится у организованного посредника, арест может быть реализован как блокировка операций на стороне этого посредника. Если же доступ к активу обеспечивается через материальный носитель или через сведения, зафиксированные на таком носителе, специальные правила статьи 164.2 и статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации допускают изъятие носителя и при наличии технической возможности перевод актива на адрес-идентификатор, обеспечивающий сохранность арестованной цифровой валюты. Такой перевод уже не сводится к простому запрету, а представляет собой активное вмешательство в фактическое владение. Именно поэтому суд должен контролировать не только наличие основания для ареста, но и обоснованность выбора самой модели обеспечения сохранности. На мой взгляд, в ходатайстве должно быть прямо указано, почему блокировка операций недостаточна и почему требуется перемещение актива. В противном случае суд фактически санкционирует не арест, а процессуально нерасчлененное изъятие. Исследователи, анализировавшие работу с «горячими» и «холодными» кошельками, уже показывали, что выбор модели процессуального воздействия определяется не абстрактной квалификацией имущества, а конкретной архитектурой доступа к нему [3, с. 47–50], [2, с. 223–224].

Третий предел судебного контроля выражается в оценке соразмерности. Для цифровой валюты эта оценка осложняется высокой волатильностью и тем, что один и тот же актив может существенно меняться в рублевой стоимости в пределах очень короткого времени. Если суд ограничится указанием только количественного объема актива, он рис-

кует санкционировать арест, который к моменту исполнения станет чрезмерным по отношению к размеру иска или возможной конфискации. Если же будет указан только рублевый эквивалент, исполнение может оказаться технически неопределенным, поскольку блокчейн-операции совершаются с конкретным количеством единиц актива. Поэтому для цифровой валюты, как представляется, требуется двойная индивидуализация: в судебном акте следует фиксировать и количество единиц актива, и рублевый эквивалент на точно обозначенную дату и время по понятному источнику котировки. Без такой привязки нельзя проверить, не превратился ли обеспечительный арест в избыточное ограничение имущественных прав. Потребность адаптировать традиционные институты ареста и конфискации к специфике цифровых операций отмечается и в новейшей литературе [4, с. 140–145], а в более специальных исследованиях прямо указывается на отсутствие единого и признанного подхода к определению стоимости криптовалюты при совершении процессуальных действий [6, с. 188–191].

Собственно проблемы исполнимости особенно наглядно проявляются через тип кошелька и число субъектов, вовлеченных в распоряжение активом. При «горячем» кошельке на бирже судебный акт будет исполнен только тогда, когда следствием установлен конкретный посредник, идентифицирован аккаунт и существует канал доведения запрета до лица, которое реально способно остановить операции. Российское судебное разрешение само по себе не создает технической блокировки на иностранной площадке. При некастодиальном кошельке проблема иная: изъятие телефона, ноутбука или аппаратного носителя не исключает, что seed-фраза уже переписана, приватный ключ импортирован на другое устройство, а для проведения транзакции требуется подпись нескольких участников мультисиг-схемы. В таком случае формальный арест устройства не равен фактическому аресту цифровой валюты. Исследователи указывают и на то, что в российской практике долгое время преобладали ситуации, когда криптовалюта сначала конвертировалась в рубли, а арест накладывался уже на денежные средства, что само по себе демонстрирует дефицит исполнимых моделей прямого ареста [3, с. 47–48]. Позднейшие работы лишь подтвердили, что выбор между блокировкой, изъятием носителя и переводом актива должен зависеть от реальной конфигурации доступа, а не от шаблонного представления о «кошельке» как об одном объекте [2, с. 221–224], [6, с. 191–194].

Особо следует выделить ситуацию, когда исполнимость меры зависит от поведения самого владельца. Если у следствия нет приватного ключа, а доступ к активу возможен только при сообщении seed-фразы или PIN-кода, судебный контроль не должен превращаться в фикцию, основанную на предположении о будущей технической воз-

можности вскрытия кошелька. В ряде научных работ прямо отмечается, что в значительном числе случаев эффективный арест цифровой валюты предполагает содействие владельца, а без него государство фактически ограничивается арестом носителя и доказательственной фиксацией обстоятельств [2, с. 223–224]. Отсюда возникает еще одна граница судебного контроля: суд вправе разрешить арест как обеспечительную меру, но не вправе подменять правовым решением отсутствие фактического доступа к активу. Кроме того, в цифровой среде особенно остро встает вопрос о правах третьих лиц. Один адрес может использоваться в рамках совместного контроля, корпоративной структуры, сервиса хранения или обмена. Следовательно, для исполнимости судебного акта недостаточно установить лишь абстрактную связь кошелька с обвиняемым. Нужно установить, не распространяется ли запрет на активы иных лиц, которые не несут процессуальной ответственности по делу. Именно в этом аспекте общие выводы о необходимости осторожной адаптации институтов ареста к виртуальным активам представляются особенно убедительными [4, с. 140–145].

С учетом сказанного пределы судебного контроля при наложении ареста на цифровую валюту можно определить так. Суд обязан проверить правовое основание меры, связь актива с лицом, соразмерность ограничения, достаточность индивидуализации цифровой валюты и реалистичность избранной модели ее сохранности. Суд не должен подменять собой специалиста, проводить блокчейн-расследование, предписывать конкретный способ извлечения ключей или считать исполнимой меру, для которой у государства отсутствует фактический доступ. На этой основе целесообразно использовать стандарт процессуальной исполнимости. Ходатайство следователя должно содержать сведения о виде и количестве цифровой валюты, сети обращения, адресе-идентификаторе или ином способе идентификации актива, модели хранения, наличии либо отсутствии доступа к ключам, предполагаемом способе обеспечения сохранности и источнике котировки для проверки соразмерности. В резолютивной части судебного решения, как представляется, должны быть отражены не только цель ареста и общий запрет распоряжения, но и конкретная исполнимая модель его реализации. Только в этом случае судебный контроль перестанет быть номинальным и начнет действительно ограничивать риск произвольного вмешательства в сферу цифровых активов [1, с. 32–33], [2, с. 224–225], [5, с. 146–149].

Список цитируемой литературы:

1. Гаврилин, Ю. В. Уголовно-процессуальный порядок наложения ареста на цифровые валюты / Ю. В. Гаврилин // Криминологический журнал. – 2023. – № 2. – С. 30–33.

2. Зайцев, О. А. Совершенствование процессуальных механизмов наложения ареста на криптовалюту в ходе производства по уголовному делу / О. А. Зайцев, В. Е. Смирнов // Вестник Томского государственного университета. – 2025. – № 510. – С. 219–225.

3. Кайгородова, О. С. Решение вопроса о возможности наложения ареста на цифровые финансовые активы, цифровую валюту / О. С. Кайгородова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2022. – № 1. – С. 43–52.

4. Рощупкина, А. В. Проблемы изъятия, ареста и замораживания виртуальных активов в России и за рубежом / А. В. Рощупкина // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2025. – Т. 35, № 1. – С. 140–145.

5. Скачко, А. В. Теоретические и практические аспекты наложения ареста на криптовалюту в досудебном уголовном судопроизводстве / А. В. Скачко, М. В. Соколова // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – С. 146–149.

6. Чурилов, А. Ю. Проблемы совершения отдельных процессуальных действий в отношении криптовалюты в Российской Федерации / А. Ю. Чурилов, П. О. Герцен // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2024. – № 54. – С. 179–194.

Мелякова Е.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Карлин В.А., доц.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УГРОЗУ УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Аннотация

Данная статья посвящена историческому развитию уголовной ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в российском праве, начиная с древнерусского периода и заканчивая современным этапом развития уголовного законодательства. Анализируются основные нормативные акты, отражающие изменение подхода законодателя к оценке угрозы. Выявляются этапы и пути развития правового регулирования данного деяния, а также особенности его уголовно-правовой характеристики на различных исторических этапах.

Ключевые слова: угроза убийством, тяжкий вред здоровью, история уголовного права, Русская Правда, Соборное Уложение, Уголовный кодекс РФ, реальность угрозы.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью является одним из распространенных преступлений против личности. История Российского уголовного права свидетельствует о длительном и поступательном формировании уголовной ответственности, отражая меняющиеся представления общества о ценности жизни и здоровья личности. Несмотря на то, что в современном уголовном праве данное деяние имеет четкую регламентацию, его становление происходило постепенно и было тесно связано с развитием представлений о ценности личности и допустимых пределах воздействия на нее.

Историю уголовной ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью можно условно разделить на несколько этапов, связанных с определенными нормативными документами:

1. Древнерусский этап;
2. Судебник Ивана IV 1550 г;
3. Соборное уложение 1649 г;
4. Имперский период;
5. Советский период;
6. Современный этап.

Наиболее ранние истоки развития уголовной ответственности прослеживаются с времен Древней Руси в Русской Правде. Этот памятник права не знал самостоятельного закрепления состава угрозы убийством в том смысле, в котором он закреплен в современных реалиях, однако в нем отражается понимание того, что опасность может причиняться не только физическим воздействием, но и демонстрацией намерения напасть. Исследователи древнерусского права указывают, что Русская Правда упоминала «обнажение меча» и иные действия, связанные с устрашением, а также разграничивала телесные повреждения по степени тяжести [4, с. 55]. Тем самым в правовом сознании Древней Руси складывалось представление о различии между фактическим причинением вреда и его угрозой. Важно, что в древнерусской системе наказаний главным ориентиром оставалась имущественная компенсация, а не защита психического состояния человека. Поэтому угроза еще не выделялась как самостоятельное преступление против личности, но воспринималась как признак опасного конфликта, способного перерасти во что-то более тяжкое. Данный этап характеризуется как начальный, когда угроза выступала формой обнаружения враждебного намерения и способом подготовки к насилию.

Второй существенный этап развития уголовной ответственности за угрозу связан с Судебником 1550 года, принятым в период правления Ивана Грозного. В отличие от других памятников права, Судебник уделял значительное внимание вопросам уголовной ответственности за преступления против личности, в том силе за насильственные действия и угрозы. Отдельной статьи, предусматривающей ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, также не существовало, однако Судебник предусматривал наказание за насильственные действия, устрашение и посягательства на личную безопасность. В данном документе усиливается штрафной характер права, а также прослеживается становление представлений о защите личности от противоправных посягательств, включая признание угрозы как элемента преступного посягательства.

В Судебнике 1550 года значительное внимание уделялось охране общественного порядка и защите личности от насильственных действий. В частности, нормы, устанавливающие ответственность за «насильство», «обиду» и причинение вреда, предусматривали наказание не только за фактическое применение силы, но и за угрозы ее использования [5, с. 29]. Прямого закрепления угрозы в современном понимании в Судебнике не содержалось, ряд его положений фактически охватывал подобные деяния. Упоминания о разбое, насилии и обиде включали ситуации, при которых у потерпевшего формировался страх причинения вреда, что близко к понятию угрозы.

Особого внимания заслуживают нормы, направленные на ужесточение ответственности за насильственные преступления, совершенные при наличии отягчающих обстоятельств. Судебник усиливал ответственность в случае групповых действий, использования оружия, а также посягательств на представителей власти, что отражало стремление государства к усилению охраны общественной безопасности. Такие положения заложили основу для последующего формирования в российском праве самостоятельных составов преступления, связанных с угрозой насилия.

Очередной этап развития рассматриваемого института связан с принятием Соборного уложения 1649 года. В данном нормативном акте законодатель уже предпринимает попытку разграничить такие стадии преступной деятельности, как умысел, покушение и оконченное деяние. В научной литературе отмечается, что Уложение предусматривало ответственность за так называемый «голый умысел» в отношении государя и его здоровья, а также закрепляло положения об угрозах, включая угрозу поджога [6, с. 68]. Для эволюции данного вида преступлений это имеет принципиальное значение, поскольку угроза начинает рассматриваться не только как внешний признак противоправного поведения, но и как самостоятельное юридически значимое

явление, свидетельствующее о наличии общественно опасного намерения. В Соборном уложении отсутствует современная конструкция угрозы убийством, именно в этот период формируется представление о наказуемости психического насилия. Даже выражение намерения причинить вред уже воспринимается как деяние, которое является общественно опасным. Особенно ярко эта тенденция прослеживается в нормах, касающихся жизни государя, а также в положениях об угрозе уничтожения имущества посредством поджога. Тем самым законодатель постепенно переходит с охраны наступивших последствий на обеспечение безопасности личности и порядка в целом.

Уложение 1903 года стало вершиной дореволюционной кодификации и отличалось высоким уровнем юридической техники, однако вопрос о закреплении общей нормы об угрозе в современном ее понимании еще не получил окончательного решения [7, с. 46]. Это объясняется тем, что законодатель по-прежнему ориентировался на пресечение уже начавшегося посягательства и на специальные составы. В связи с этим дореволюционный этап можно рассматривать как переходный. С одной стороны, он подготовил доктрину к признанию психического насилия самостоятельной формой поведения. С другой стороны, полноценная общая норма о такой угрозе еще не сложилась. Ключевой переход произошел в советский период, когда внимание законодателя сместилось от сословно-статусной защиты к охране личности как таковой.

Рассматривая дальше историю развития, можно сказать, что впервые наказуемость угрозы в советском законодательстве была обозначена в УК РСФСР 1922 года, но не как самостоятельный состав, а как способ совершения иных преступлений. Научные исследования указывают, что угроза фигурировала в статьях 169, 170, 184 и 214 УК РСФСР. [5, с. 84]. Это означает, что законодатель уже видел в ней общественно опасное психическое воздействие, но еще не отделял его в отдельный запрет. Значительный шаг был сделан в УК РСФСР 1926 года, в котором статья 73 установила уголовную ответственность за угрозу убийством, насилием, однако лишь в отношении должностных лиц или общественных работников. Таким образом, советский законодатель сначала защищал не каждого человека, а лишь особые категории потерпевших, что хорошо отражает приоритеты эпохи. При этом сама конструкция нормы уже явно приближалась к будущей статье. Не менее значимым этапом стал УК РСФСР 1960 года. В нем статья 207 впервые закрепила общий состав угрозы убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества путем поджога, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Именно здесь появляется та конструкция, в которой центральным элементом становится реальность угрозы для потерпевшего. Угроза начи-

нает рассматриваться не как дополнительный прием, а как самостоятельное преступление против личности и общественного порядка.

УК 1996 года сохранил и развил советскую традицию, но окончательно поместил норму в систему преступлений против личности. Действующая статья 119 УК РФ предусматривает ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Норма направлена на предупреждение перехода угрозы в реальное насилие и на защиту потерпевшего.

История уголовной ответственности за данный вид преступления демонстрирует последовательное расширение сферы уголовно-правовой охраны личности. Русская Правда заложила первые представления о наказуемом устрашении и насилии, Соборное уложение придало более четкое уголовно-правовое значение, а советские кодексы постепенно вывели угрозу на самостоятельный юридический запрет, что в последующем отразилось в современном законодательстве и закрепилось как отдельное преступление против личности. Статья 119 УК РФ стала итогом длительной эволюции правовой мысли, в которой угроза была признана не просто словами, а общественно опасным воздействием, способным причинить реальный вред человеку еще до физического нападения.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. [в ред. от 17 ноября 2025] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Законы. Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВЦИК 1 июня 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

3. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Законы. Уголовный Кодекс РСФСР: утв. Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

4. Юшков, С.В. Русская правда / С.В. Юшков. – М., 2002.

5. Левин, П.Н. Уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: дис. ... канд. юрид. наук / П.Н. Левин. – 2006; Розынько, А.Е. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью / А. Е. Розынько. – Томск, 2017.

6. Абдулханнянов, И.А. Ретроспективное исследование уголовно-правовой фикции в нормах Соборного уложения 1649 года / И.А. Аб-

дулханнянов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 2 (58).

7. Политические преступления по уголовному Уложению 1903 года // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2017; Уголовное уложение 1903 года как последний фундаментальный акт дореволюционной России.

Меркулова Д.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид наук, доц.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АКТЫ СТАДИИ ПОДГОТОВКИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ

Аннотация

Уголовно-процессуальные акты – это действия и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, зафиксированные в процессуальных документах. Указанные акты влекут возникновение, изменение или прекращение уголовно-процессуальных отношений, являются формой закрепления властных уголовно-процессуальных действий и решений. В статье рассмотрены уголовно-процессуальные акты стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию.

Ключевые слова: уголовное дело, судья, подсудность, предварительное слушание.

Единолично действуя на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию, судья выполняет роль фильтра между предварительным следствием и последующим разбирательством.

Поступившее от прокурора уголовное дело требует разрешения вопроса: возможно ли его рассмотрение по существу? Самостоятельная стадия процесса – подготовка к судебному разбирательству – как раз и служит для достижения названной цели. Промежуточный этап, выстроенный между предварительным расследованием и судебным разбирательством, носит контрольно-подготовительный характер. Именно здесь начинается собственно судебное производство по делу.

Проверка достаточности оснований для рассмотрения дела по существу не сопровождается предрешением вопроса о виновности – соблюдение принципа объективности сохраняется. Завершается

названная стадия вынесением особых уголовно-процессуальных актов. Правовые последствия, порождаемые каждым из них, связаны с их особенностями, в числе которых:

- вынесение до начала судебного разбирательства;
- отсутствие оценки доказательств как признаков виновности;
- содержат решение по дальнейшему движению дела. Дело возвращается на досудебные стадии, либо же движется дальше к судебному разбирательству.

Решение судьи оформляется постановлением, в котором указываются:

1) дата и место вынесения постановления;

2) наименование суда, фамилия и инициалы судьи, вынесшего постановление;

3) основания принятого решения.

Поступившее в суд уголовное дело обязывает судью руководствоваться предписаниями ст. 227 УПК РФ. Законодатель устанавливает для принятия решения 30-суточный срок – отсчёт начинается с момента регистрации материалов. Для категорий тяжких и особо тяжких преступлений временной интервал увеличивается до 45 суток. Судья выбирает одно из процессуальных действий: направление материалов по подсудности, назначение предварительного слушания либо назначение судебного заседания.

В случае, если с уголовным делом поступило постановление о сохранении в тайне данных о личности участника уголовного судопроизводства, судья принимает меры, исключающие возможность ознакомления с указанным постановлением иных участников уголовного судопроизводства [1].

Переход уголовного дела в стадию судебного разбирательства оформляется постановлением о назначении заседания – центральным актом, предусмотренным ст. 231 УПК РФ. Судья фиксирует в документе дату и время слушания, место проведения, состав суда, перечень лиц, подлежащих вызову, а также решение о мере пресечения (сохраняется либо изменяется). Копия постановления судьи направляется обвиняемому, потерпевшему и прокурору.

Выяснив, что материалы неподсудны – относятся к компетенции военного, вышестоящего суда или мирового судьи, – судья выносит постановление о направлении дела по подсудности (п. 1 ч. 1 ст. 227, ст. 34, 35 УПК РФ). Подобный акт допускает апелляционное обжалование.

При получении и изучении судьей уголовно-процессуальных актов стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию следует оценить наличие оснований для проведения предварительного слушания. Перечень таких оснований закреплён в ч. 2 ст. 229 УПК РФ.

Без этой проверки дальнейшее движение дела по стадиям теряет юридическую корректность [3, С. 420].

Иная группа решений появляется по итогам предварительного слушания – перечень закреплён в ст. 236 УПК РФ. Обнаружив на слушании ошибку подсудности, судья направляет дело в компетентный орган (п. 1 ч. 1 ст. 236). Возвращение прокурору (п. 2 ч. 1 ст. 236, ст. 237) либо приостановление производства (п. 3 ч. 1 ст. 236, ст. 238) также относятся к возможным исходам. Прекращение уголовного дела (п. 4 ч. 1 ст. 236, ст. 239) и исключение доказательства (п. 6 ч. 1 ст. 236, ст. 235) фиксируются отдельными постановлениями. Мера пресечения изменяется, отменяется или избирается (вплоть до заключения под стражу) на основании п. 7 ч. 1 ст. 236.

Когда слушание подтверждает готовность дела к разбирательству, судья назначает судебное заседание – п. 5 ч. 1 ст. 236 УПК РФ. Важно: аналогичный по названию акт возможен и без предварительного слушания (п. 3 ч. 1 ст. 227). Все перечисленные документы оформляются как постановление судьи; при коллегиальном рассмотрении – как определение суда. Иных процессуальных актов (приговоров, решений, вердиктов) на стадии подготовки к заседанию не предусмотрено.

Предварительное слушание представляет собой исключительную процедуру – судья назначает её лишь при наличии оснований, перечисленных в ст. 229 УПК РФ. Оформляется решение постановлением, которое само по себе итоговым не считается; завершающие акты появляются уже после проведённого слушания.

Среди решений, принимаемых по итогам слушания (ст. 236 УПК РФ), наибольшую сложность и юридическую значимость демонстрирует постановление о возвращении уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ). К основаниям относятся нарушения при составлении обвинительного заключения или акта, исключающие вынесение приговора, невручение копии обвинительного заключения, необходимость соединения дел. Возврат возможен исключительно на досудебной стадии [2, С. 116].

Обвиняемый не получил копию обвинительного заключения (акта либо постановления) – возникает основание для возвращения дела прокурору, закреплённое в п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. В подобной ситуации судья обязан назначить предварительное слушание (п. 2 ч. 2 ст. 229 УПК РФ). Выяснению подлежат причины невручения: оформлен ли письменный отказ адресата, подтверждён ли документально факт неявки по вызову. Если уклонение от получения документа действительно имело место, препятствий для назначения судебного заседания не возникает.

Избрание либо продление меры пресечения – запрета определённых действий, залога, домашнего ареста, заключения под стражу – требует состязательной процедуры. Судья (по собственной инициати-

ве) или прокурор (с ходатайством) инициирует отдельное заседание, руководствуясь ст. 1051 и 108 УПК РФ. Альтернативный вариант – предварительное слушание, но только при наличии оснований, перечисленных в ч. 2 ст. 229 УПК РФ.

Скрывшийся обвиняемый либо лицо, чьё психическое состояние требует принудительного лечения, дают судье основания приостановить производство. Постановление о приостановлении действует до момента розыска или выздоровления. Прекращение уголовного дела (ст. 239 УПК РФ) допускается при отказе обвинителя от обвинения, наличии реабилитирующих обстоятельств (истечение сроков давности, отсутствие события преступления) либо при примирении сторон, если факт примирения выявлен на предварительном слушании.

Обнаружив на слушании ошибку подсудности, судья выносит постановление о направлении дела по подсудности. Отдельного внимания заслуживает исключение доказательства (ч. 5 ст. 235, п. 6 ч. 1 ст. 236 УПК РФ). Формально акт появляется в рамках предварительного слушания, однако его действие распространяется на всё последующее разбирательство – судья прямо указывает, какой материал утрачивает возможность исследования в суде.

Каждое постановление судьи – независимо от разновидности – структурно распадается на составные части (ст. 7, 227, 231, 236 УПК РФ). Вводная часть фиксирует дату и место вынесения, наименование суда, фамилию с инициалами судьи, а при участии – секретаря. Сюда же вносятся данные о лице, подавшем ходатайство (в случае предварительного слушания), статья УК РФ и фамилия обвиняемого.

Описательно-мотивировочная часть содержит суть поступивших материалов, доводы участников (если слушание проводилось), отсылки к конкретным листам дела и обоснование решения – обязательно со ссылками на нормы УПК РФ. Резолютивная часть провозглашает само решение: назначить, вернуть, прекратить, исключить доказательство. Дополнительно указывается порядок обжалования.

Смешивать процессуальные акты стадии подготовки с документами, выносимыми на иных этапах производства, не следует. Постановление о возбуждении уголовного дела относится к досудебной стадии, постановление о привлечении в качестве обвиняемого – к предварительному расследованию. Приговор появляется лишь в стадии судебного разбирательства, а апелляционное определение – на этапе пересмотра.

Главный критерий принадлежности акта к стадии подготовки – временной интервал: момент между принятием дела судьёй и началом судебного следствия. Как только судья открыл заседание и приступил к допросу подсудимого, возврат к актам подготовки исключён. Единственное исключение – отмена приговора вышестоящим судом.

В постановлении о назначении заседания должны содержаться решения о назначении судебного заседания с указанием фамилии, имени и отчества каждого обвиняемого и квалификации вменяемого ему в вину преступления, а также о мере пресечения.

Стороны должны быть извещены о месте, дате и времени судебного заседания не менее чем за 5 суток до его начала.

Бывает, что судья получает от стороны просьбу о дополнительном изучении материалов дела. Определив разумные сроки – с учётом объёма тех документов, которые заявитель намерен просмотреть, – судья вправе удовлетворить ходатайство. Когда подобная просьба прозвучала в ходе предварительного слушания, она подлежит обязательному рассмотрению. Удовлетворение влечёт отложение заседания на установленный период. О завершении дополнительного ознакомления у заявителя отбирается расписка. Отказ в удовлетворении ходатайства требует мотивировки – соответствующие доводы судья излагает в постановлении.

Имеют место случаи, когда судья возвращает дело для пересоставления обвинительного заключения из-за незначительных опечаток. Конституционный Суд указал, что возврат возможен только при таких нарушениях, которые исключают возможность принятия решения по существу [5, С. 63].

Таким образом, судья, действуя без проведения предварительного слушания, руководствуется ст. 227 УПК РФ и выносит один актов: направление материалов по подсудности (п. 1 ч. 1 ст. 227, ст. 34, 35 УПК РФ), назначение предварительного слушания (п. 2 ч. 1 ст. 227, ст. 229 УПК РФ) либо назначение судебного заседания (п. 3 ч. 1 ст. 227, ст. 231 УПК РФ).В отличие от приговоров, постановления о прекращении дела на стадии подготовки не всегда публикуются в открытом доступе, что затрудняет изучение практики. Повышение открытости движения дел на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседание могло бы стать одним из направлений совершенствования правовой системы.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 11.04.2026).

2. Миликова, А.В. Современные подходы к пониманию уголовно-процессуальных актов и актов прокурорского реагирования / А.В. Миликова // Российская правовая система: современное состояние, проблемы и перспективы развития: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж, 2025. – С. 115-120.

3. Миликова, А.В. Уголовно-процессуальные акты и судебные акты в уголовном процессе / А.В. Миликова // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 6 (205). – С. 419-420.

4. Овчинникова, Т.А. Акты прокурорского реагирования на нарушения уголовно-процессуального закона / Т.А. Овчинникова // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2 (206). – С. 284-286.

5. Серенко, Р.С. Вопросы культуры и грамотности при составлении и оформлении уголовно-процессуальных и служебных актов / Р.С. Серенко // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: сборник научных статей Внутривузовской очно-заочной студенческой конференции, посвященной 30-летию принятия Конституции РФ. – Курск, 2023. – С. 61-64.

Михайлова А.А., Пивоварова Л.Д., студенты
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, г. Саратов
Научный руководитель – Авдеева Е.С., доктор экон. наук, доц.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация

В статье рассматриваются экономические киберпреступления как актуальная угроза экономической безопасности в условиях цифровой трансформации. Анализируются основные виды таких преступлений, их классификация, влияние пандемии COVID-19, роль криптовалют, особенности расследования и технические средства защиты. Обосновывается необходимость комплексного подхода, включающего правовые, организационные и технологические меры.

Ключевые слова: киберпреступления; экономические преступления; экономическая безопасность; информационные технологии.

Современное общество переживает интенсивную цифровую трансформацию, что порождает новые вызовы для экономической безопасности. Интеграция информационных технологий в финансовую и хозяйственную деятельность приводит к возникновению экономических киберпреступлений, которые отличаются высокой технологической сложностью и масштабностью негативных последствий. Анализ актуальных проблем в этой области требует комплексного подхода с учётом глобализационных процессов и инновационных изменений в экономике.

Под экономическими киберпреступлениями понимаются противоправные деяния, совершаемые с помощью цифровых средств связи и обработки информации, которые наносят вред имущественным и финансовым интересам разных участников рынка. Их отличительная черта — применение компьютерных технологий для изъятия чужих активов, сбоев в работе платёжных механизмов либо дестабилизации хозяйственных процессов. Подобные посягательства происходят на всех стадиях экономического цикла — от производства до конечного потребления товаров и услуг, причём злоумышленники целенаправленно используют как преимущества, так и слабые места цифровой среды.

По нашему мнению, пандемия коронавируса дополнительно подстегнула волну финансовых преступлений в интернете, вскрыв и усугубив системные недостатки в правовой и хозяйственной сферах. Стремительный перевод компаний и госучреждений на удалённый формат, скачок объёмов электронных расчётов и ослабление оперативного надзора — всё это создало почву для разного рода мошеннических схем. Результатом стал резкий рост количества финансовых махинаций и кибератак, эксплуатировавших ускоренную цифровизацию и недостаточную адаптацию нормативно-правовой базы.

Рожков Р.С. вместе с соавторами статьи «Экономическая безопасность и киберпреступления: особенности, классификация, нормативно-правовая база» приводят следующую классификацию экономических киберпреступлений, она основана на различных признаках, таких как объект посягательства, применяемые технические методы, а также цели преступников. По основным направлениям выделяются кибермошенничество — финансовые махинации с использованием цифровых платформ; кибервымогательство, включающее угрозы или блокирование ресурсов в обмен на выкуп; фишинг — обман пользователей с целью получения конфиденциальной информации; криптоджекинг — несанкционированное использование ресурсов компьютера жертвы для добычи криптовалюты. Помимо основных типов киберпреступлений существуют и другие значимые категории. К ним относятся атаки типа DoS и DDoS, направленные на вывод из строя систем путем перегрузки их запросами, атаки посредника, позволяющие перехватывать финансовые операции, и киберфизические атаки, влияющие на критические инфраструктуры. Распространение дезинформации и пропаганды также рассматривается как инструмент экономического давления и дестабилизации. Финансово-ориентированные преступления включают заражение банкоматных сетей вредоносным ПО, хищения с банковских счетов посредством взлома рабочих мест клиентов, что свидетельствует об активном использовании киберпреступниками уязвимостей в системах финансовых организаций [5].

Кроме того, значимый экономический ущерб наносят кража персональных данных, распространение вредоносных программ, кибершпионаж и взлом сайтов коммерческих и государственных структур. Перечисленные виды преступлений нередко комбинируются, что усложняет задачи правоохранительных органов и специалистов по информационной безопасности и усиливает разрушительное воздействие на экономическую стабильность.

Именно в контексте противодействия перечисленным формам экономических киберпреступлений особое значение приобретает анализ криптовалют как относительно нового, но уже неотъемлемого элемента глобального финансового ландшафта. По мнению Гедгафова М.М., на сегодняшний день криптовалюты заняли важное место в глобальном финансовом ландшафте, получив широкое распространение и легитимность в качестве инструмента для выполнения экономических транзакций. Отсутствие централизации и функционирование на основе блокчейн-технологий обеспечивают участникам рынка высокую степень защищённости и возможность отслеживать операции. Через подобные трудновыявляемые и слабо регулируемые финансовые каналы злоумышленники стремятся легализовать доходы, полученные от вышеперечисленных видов кибермошенничества, вымогательства и фишинга, а также наносить прямой имущественный ущерб экономическим интересам юридических и физических лиц [4].

Баратов Ю.А. и Русскевич Е.А. также отмечают особую роль криптовалюты в экономических киберпреступлениях, в своих работах они детально рассмотрели особенности квалификации таких преступлений. Ключевые виды преступлений с применением криптовалют включают использование виртуальных активов в целях совершения противоправных действий, хищения криптовалюты, а также незаконную деятельность, связанную с добычей (майнингом). Чаще всего преступления сводятся к мошенничеству, выражающемуся в несанкционированном доступе и манипуляциях с криптобиржами, электронными кошельками и другими системами хранения цифровых активов. Такие действия квалифицируются, как правило, по статьям мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ) и по незаконному доступу к компьютерной информации (Глава 28 УК РФ), а также по составу легализации денежных средств (ст. 174–174.1 УК РФ), что отражает многоаспектный характер правонарушений в криптосфере [1][6].

По мнению Башириной Е.Н., с правовой точки зрения процесс расследования сопряжён с многочисленными изъянами и пробелами, отрицательно сказывающимися на качестве применения законодательных норм. Так, действующее законодательство зачастую отстаёт от темпов развития цифровых технологий, что существенно затрудняет

как инициирование уголовного преследования, так и подтверждение в суде фактов совершённых противоправных деяний. Отсутствие достаточно гибких правовых инструментов, адаптированных к современным реалиям, создаёт препятствия для избрания мер пресечения и выполнения отдельных следственных действий. Учитывая высокую сложность и технологическую специфику экономических преступлений в киберпространстве, на первый план выходит необходимость повышения профессионального уровня сотрудников следственных органов и налаживания их эффективного взаимодействия с IT-специалистами. Это, в свою очередь, требует внедрения систематического профильного обучения и активного привлечения экспертов [2].

В эпоху цифровой экономики технические механизмы охраны информации приобретают исключительное значение для предупреждения экономических киберпреступлений. Базой таких механизмов служат криптографические решения, гарантирующие сохранность данных, их целостность и подлинность. Гатауллина А.А. в своей работе изучила современные методы защиты информации для защиты от экономических киберугроз. В качестве примера можно привести разработку «КриптоПро JCP», которая поддерживает широкий спектр криптографических алгоритмов, предназначенных для ограждения экономически значимых сведений и баз данных от несанкционированного доступа и искажений. Наряду с криптографией существенную роль выполняют системы разграничения доступа, регламентирующие права пользователей при работе с информационными активами в соответствии с принципом предоставления минимально необходимых полномочий. Подобные системы эффективно блокируют внешнее вторжение, однако зачастую оказываются бессильны перед инсайдерскими угрозами — ситуациями, когда нарушителем выступает лицо, имеющее легальные права на работу с данными. В таких случаях требуются дополнительные меры: отслеживание активности персонала и внедрение средств предотвращения утечек (Data Loss Prevention), позволяющих фиксировать аномальные действия внутри организации [3].

В настоящее время ключевое внимание уделяется разработке внутренних корпоративных регламентов по цифровой безопасности, включая чёткие нормы защиты, оперативные планы реагирования на атаки и укрепление кадрового потенциала. Нарушение требований к сохранности данных, применение несертифицированного оборудования и нелицензионного ПО напрямую увеличивают риски утечки важной информации. В ответ необходимо ужесточение контроля и привлечение ресурсов государства и профильных объединений.

Среди практических мер повышения киберустойчивости бизнеса предлагаются: создание национальной платформы для обмена данны-

ми о хакерских атаках, законодательное регулирование защиты ключевых инфраструктурных объектов и адаптация законов к новым угрозам. Приоритетом должно стать развитие государственно-частного партнёрства, позволяющее объединить ресурсы и ускорить внедрение передовых решений в сфере киберзащиты.

Реальная практика подтверждает: только комплексная системная работа по противодействию киберпреступлениям в финансово-хозяйственной сфере способна обеспечить надёжную защиту банковского и кредитного секторов.

Список цитируемой литературы:

1. Баратов Ю. А. Квалификация преступлений, совершенных с использованием криптовалюты // Право и управление. 2023. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-prestupleniy-sovershennyh-s-ispolzovaniem-kriptovalyuty (дата обращения: 05.04.2026).

2. Баширина Е. Н., Абзгильдин Д. А., Салов И. В., Абрамов И. Р. Экономическая криминалистика цифрового мошенничества // Дискуссия. 2025. №2 (135). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-kriminalistika-tsifrovogo-moshennichestva (дата обращения: 04.04.2026).

3. Гатауллина А. А. Современные методы защиты информации для обеспечения экономической безопасности предприятия // Актуальные вопросы экономических наук. 2010. №11-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-metody-zaschity-informatsii-dlya-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-predpriyatiya (дата обращения: 06.04.2026).

4. Гедгафов Мурат Мухамедович Преступления, связанные с оборотом криптовалюты: понятие и специфика расследования // Пробелы в российском законодательстве. 2023. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-svyazannye-s-oborotom-kriptovalyuty-ponyatie-i-spetsifika-rassledovaniya (дата обращения: 04.04.2026).

5. Рожков Роман Сергеевич, Мошкин Александр Станиславович, Васюкова Юлия Сергеевна, Пронин Михаил Евгеньевич Экономическая безопасность и киберпреступления: особенности, классификация, нормативно-правовая база // Вестник евразийской науки. 2025. №2S. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost-i-kiberprestupleniya-osobennosti-klassifikatsiya-normativno-pravovaya-baza (дата обращения: 05.04.2026).

6. Русскевич Е. А., Малыгин И. И. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-svyazannye-s-obrascheniem-kriptovalyut-osobennosti-kvalifikatsii (дата обращения: 06.04.2026)

Мошкарова Е.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид наук, доц.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ КАК ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АКТ, ЗАВЕРШАЮЩИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Аннотация

В статье исследуется юридическая природа обвинительного заключения. Рассматриваются структура, требования к содержанию, а также роль обвинительного заключения в обеспечении права на защиту и реализации принципа состязательности.

Ключевые слова: обвинительное заключение, правоприменительный акт, предварительное следствие, следователь, прокурор, обвинение, право на защиту.

Для следователя составление обвинительного заключения – финальный аккорд работы. Прокурор видит в документе предмет пристального надзора. Адвокат использует текст как карту слабых мест обвинительной позиции. Судья же воспринимает заключение в качестве путеводителя по пределам предстоящего разбирательства. Любой юрист, специализирующийся на уголовных делах, знает, что момент ознакомления с заключением отделяет предварительное расследование от судебной стадии.

Долгое время в теории процессуального права сохранялась недооценка обвинительного заключения. Документ нередко рассматривали лишь как техническую сводку доказательств, не придавая ему значения самостоятельного правоприменительного акта. Подобный взгляд ошибочен и чреват последствиями. Нарушения при обыске или допросе фатальны, но ошибки в обвинительном заключении подрывают саму возможность рассмотрения дела по существу – не менее опасны. Существенное значение такого процессуального документа как обвинительное заключение определяется, прежде всего, тем, что оно должно содержать детальное изложение обстоятельств совершенного преступления, формулировку предъявляемого конкретному лицу обвинения.

Статья 220 УПК РФ определяет обвинительное заключение как документ, где следователь формулирует итоговое обвинение и обосновывает достаточность доказательств для передачи дела в суд. Нормативная дефиниция, однако, оказывается уже реальной сущности документа.

Рассматриваемые далее характеристики позволяют квалифицировать обвинительное заключение в качестве правоприменительного акта. Властно-распорядительный характер проявляется в том, что следователь, утверждая документ у руководителя следственного органа (ч. 6 ст. 220 УПК), принимает юридически значимое решение – определяет пределы уголовного преследования, квалификацию деяния и перечень доказательств для судебного исследования [3, С.202].

Процессуальная форма выступает гарантией законности. Структура строго регламентирована: фабула, доказательства, данные о личности, перечень лиц, подлежащих вызову. Отступление от формы влечёт признание акта ничтожным либо возврат дела прокурором (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). По требованию к форме обвинительное заключение сближается с судебным приговором.

Правовые последствия выходят далеко за пределы предварительного следствия. Утверждение заключения запускает механизм судебной проверки. Обвиняемый получает полный доступ к материалам дела (ч. 3 ст. 227 УПК). Суд оказывается связан пределами, указанными в обвинительном заключении (ст. 252 УПК), и не вправе выйти за рамки обвинения, не согласованного в акте. Обвинительное заключение является правовой основой для деятельности прокурора в суде как государственного обвинителя [2, С. 560].

Рассмотрим структуру и составляющие документа.

Согласно ст. 220 УПК РФ, в обвинительном заключении следователь указывает:

«1) фамилии, имена и отчества обвиняемого или обвиняемых;

2) данные о личности каждого из них;

3) существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела;

4) формулировку предъявленного обвинения с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающих ответственность за данное преступление;

5) перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания;

6) перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания;

7) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;

8) данные о потерпевшем, характере и размере вреда, причиненного ему преступлением;

9) данные о гражданском истце и гражданском ответчике» [1].

Вводная часть включает фамилии, имена, отчества обвиняемых и статьи УК РФ. Технический момент на первый взгляд. Судебная прак-

тика фиксирует возвраты дел из-за неверного указания фамилии – описка в одной букве порождает неопределённость лица. Формальные ошибки фатальны.

Ядро обвинительного заключения – описание деяния (фабула). Описание преступного деяния должно позволять установить все признаки соответствующего состава. Закон требует указать время, место, способ, мотив, цель и последствия. Типичные дефекты: бланкетность («совершил кражу при отягчающих обстоятельствах» без раскрытия конкретных признаков), логическая противоречивость (прямой умысел при отсутствии цели), несоответствие между фабулой и квалификацией (описано хищение, вменена растрата). Фабула обязана быть самодостаточной – прокурор и судья не должны дочитывать доказательства, чтобы понять инкриминируемое деяние.

Доказательственная часть содержит перечень доказательств обвинения и защиты (если последняя их представляла). Должны соблюдаться такие требования, как относимость (подтверждение описанного деяния) и достаточность (отметим, что суд не вправе в своем приговоре выйти за пределы обвинения, сформулированного следователем в обвинительном заключении). Следователи нередко переписывают протоколы допросов без анализа, превращая заключение в нечитаемый конгломерат. Суд вправе вернуть дело, когда из перечня невозможно установить, какие факты подтверждаются каждым доказательством.

Данные о личности перечисляются согласно части 3 статьи 220 УПК РФ. Для судьи информация критична при избрании меры пресечения и назначении наказания. Отсутствие сведений об иждивенцах или состоянии здоровья влечёт неполноту и возврат дела.

Список свидетелей и потерпевших должен оставаться актуальным. Указание лиц, фактически не могущих явиться (смерть, выезд за границу без обратного адреса), нарушает право стороны защиты на вызов свидетелей. Утверждая обвинительное заключение и направляя дело в суд, прокурор определяет объем обвинения, в пределах которого и должно производиться судебное разбирательство.

С точки зрения адвокатской практики, обвинительное заключение выступает «зеркалом дела» – по нему защита строит позицию в суде. Небрежное составление акта нарушает фундаментальное право обвиняемого знать конкретное обвинение (ст. 47 УПК РФ, п. «а» ч. 3 ст. 6 Европейской конвенции).

Обвинительное заключение требует предельной конкретности. Чем точнее формулировки, тем меньше шансов на возврат дела. У обвиняемого не должно возникать двусмысленности относительно инкриминируемого деяния. В результате проводимых в ходе предварительного расследования следственных действий устанавливается и

исследуется большинство доказательств по делу, причем отдельные следственные действия могут проводиться только на этой процессуальной стадии. Именно в досудебном производстве происходит формирование обвинения, которое впоследствии становится предметом судебного разбирательства и определяет его пределы.

Согласно части 2 статьи 220 УПК РФ, обвинительное заключение обязано содержать отсылки к томам и листам уголовного дела. Документ подписывается следователем – с указанием места и даты составления (ч. 3 ст. 220). К заключению прилагается список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, с разбивкой по сторонам обвинения и защиты; в перечне приводятся адреса места жительства либо места пребывания.

При ознакомлении с материалами (ст. 217 УПК) адвокат проверяет обвинительное заключение в первую очередь. Нарушения формы и неопределённости – основание для ходатайства о возврате дела прокурору на стадии предварительного слушания (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК). Изменить обвинение до разрешения дела по существу (или отказаться от обвинения) может только государственный обвинитель.

Следователь, подписывая заключение и направляя прокурору для передачи в суд, утверждает государственное обвинение. Ни обвиняемый, ни потерпевший, ни защитник не вправе «отклонить» акт. Оспорить – да, но до вступления приговора в силу документ сохраняет юридическую значимость.

Отказываясь от обвинения, прокурор обязан изложить суду мотивы отказа. Так реализуется назначение уголовного судопроизводства – защита личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения (прокурор выполняет в уголовном процессе не одну лишь функцию уголовного преследования).

Следует учитывать ещё одно требование. Заключение обязано содержать не только доказательства обвинения, но и доказательства, представленные защитой (если таковые имелись). Систематическое игнорирование части 4 статьи 220 УПК РФ признаётся грубым нарушением принципа состязательности.

Судебное разбирательство осуществляется не иначе, как в отношении обвиняемого в совершении преступления и только по предъявленному ему обвинению.

Если суд выявит, что дознаватель неправомерно составил обвинительный акт вместо обвинительного заключения (например, по делу, требующему обязательного следствия), это безусловное основание для возврата дела. Форма документа определяет законность всего досудебного производства [6, С. 210].

Обвинительное заключение сохраняет значение процессуального документа, определяющего пределы судебного разбирательства, но лишь до определённого момента. Прокурор вправе отказаться от обвинения полностью или частично. Возможна также переквалификация в сторону смягчения – на стадии предварительного слушания либо в судебном заседании до удаления суда в совещательную комнату. В перечисленных ситуациях первоначальный акт либо полностью утрачивает юридическую силу, либо сохраняет её в границах, очерченных изменившейся позицией прокурора.

Дополнительно к заключению прилагается справка. В ней фиксируются сроки следствия, избранные меры пресечения с указанием времени содержания под стражей, домашнего ареста и запрета определённых действий (пункт 1 части 6 статьи 105.1 УПК). Справка также содержит сведения о вещественных доказательствах – в том числе о признанных таковыми по другому уголовному делу (другим делам), о гражданском иске, принятых мерах по обеспечению исполнения наказания в виде штрафа, по обеспечению гражданского иска и возможной конфискации имущества, о процессуальных издержках. При наличии у обвиняемого или потерпевшего иждивенцев в справку включаются меры по обеспечению их прав. К каждому пункту справки даются отсылки на соответствующие листы дела [7, С. 410].

Таким образом, обвинительное заключение – наиболее детальный и юридически обязывающий акт, рассчитан на описание дела с большим объёмом доказательств. Его небрежное составление не компенсируется последующими судебными процедурами.

На стадии назначения судебного заседания (статьи 227–228 УПК) следует подавать письменное ходатайство о возврате дела прокурору при выявлении хотя бы одного из перечисленных нарушений:

- отсутствие указания на время, место, способ, форму вины;
- несоответствие описания деяния фактическим обстоятельствам;
- в тексте отсутствуют доказательства, на которые ссылалась защита;
- перечень свидетелей защиты необоснованно усечён;
- дело поступило в суд с нарушением подсудности.

Главное в судебном следствии состоит в том, чтобы проверить доказательства, собранные следователем и обобщенные в обвинительном заключении, и установить новые доказательства.

Таким образом, качество составления обвинительного заключения напрямую определяет законность судебного разбирательства, реализацию права обвиняемого на защиту, эффективность прокурорского надзора. Прокурор обязан проверять акт не формально, по существу. Сторона защиты находит в нём основания для ходатайств и оправда-

ний. Судья обязан учесть все представленные в нем элементы, соответственно можем сделать вывод, что обвинительное заключение – процессуальный акт, завершающий предварительное следствие, подводящий его итог и во многом определяющий направление дела в суде.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 12.04.2026).

2. Грудкина, К.Н. Решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением / К.Н. Грудкина // Аллея науки. – 2023. – Т. 2, № 12 (87). – С. 558-560.

3. Каркошко, Ю.С. Составление обвинительного заключения: некоторые аспекты / Ю.С. Каркошко // Человек. Социум. Общество. – 2024. – № 2. – С. 201-205.

4. Ларкина, Е.В. Анализ доказательств в обвинительном заключении / Е.В. Ларкина, О.В. Петрова // Криминалистъ. – 2023. – № 3 (44). – С. 34-38.

5. Макарова, Е.В. Ошибки обвинительного заключения, допускаемые следователем при его составлении / Е.В. Макарова // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сборник трудов II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Кострома, 27-28 апреля 2023 г.). – Кострома, 2023. – С. 400-403.

6. Россинский, С.Б. Правила подготовки обвинительных заключений: требуется перезагрузка / С.Б. Россинский // Юристъ-Правоведъ. – 2024. – № 3 (110). – С. 207-214.

7. Рошко, Н.В. Особенности оценки прокурором доказательств по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением (актом, постановлением) / Н.В. Рошко // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 9-1. – С. 410-417.

Неделин Д.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Ключников А.Ю., канд. юрид. наук, доц.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

Аннотация

В данной научной статье представлены проблемы квалификации преступлений против жизни и здоровья в российском уголовном праве, выявляются коллизии норм и предлагаются пути их разрешения с учетом.

Ключевые слова: преступления против жизни и здоровья, квалификация преступлений, уголовное право Российской Федерации, судебная практика, коллизии норм, разграничение составов преступлений

Преступления против жизни и здоровья в уголовном праве Российской Федерации представляют собой «предусмотренные уголовным законом общественно опасные виновные деяния, посягающие на жизнь человека либо на его физическое или психическое здоровье, причиняющие вред указанным благам либо создающие реальную угрозу его причинения, ответственность за которые установлена нормами Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации» [1, с. 45].

Объектом данных преступлений выступают жизнь человека либо его здоровье, при этом жизнь понимается как биологическое существование человека от момента рождения до наступления смерти, а здоровье — как состояние физического и психического благополучия, охраняемое нормами уголовного законодательства. Объективная сторона выражается, как правило, в форме действия или бездействия, причиняющего вред жизни или здоровью потерпевшего, включая причинение смерти, телесных повреждений различной степени тяжести либо создание реальной угрозы наступления таких последствий, при обязательном установлении причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями» [2, с. 127].

Субъект преступлений против жизни и здоровья, как правило, является общим, то есть вменяемым физическим лицом, достигшим установленного уголовным законом возраста уголовной ответственности, однако в отдельных составах могут предусматриваться специальные признаки субъекта. Субъективная сторона характеризуется виной в форме умысла или неосторожности, при этом для большинства со-

ставов преступлений против жизни и здоровья типичен умысел, который может быть, как прямым, так и косвенным, а в ряде случаев законодатель учитывает мотивы и цели совершения деяния, имеющие квалифицирующее значение, но в этом и существует проблема.

«Проблематика установления умысла в преступлениях против жизни и здоровья занимает ключевое место в теории уголовного права Российской Федерации и правоприменительной практике, поскольку именно от правильного определения формы вины зависит точная квалификация содеянного и, как следствие, справедливость уголовной ответственности» [3, с. 78]. В рамках российской юридической доктрины умысел традиционно раскрывается через его интеллектуальный и волевой элементы, где первый включает осознание лицом общественной опасности своего деяния, предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий, а второй — отношение лица к этим последствиям, выражающееся в желании их наступления либо сознательном допущении. При этом различие между прямым и косвенным умыслом имеет принципиальное значение: при прямом умысле лицо осознает общественную опасность деяния, предвидит неизбежность или возможность наступления последствий и желает их наступления, тогда как при косвенном умысле лицо хотя и предвидит возможность наступления последствий, но не желает, однако сознательно допускает их либо относится к ним безразлично.

Существенные трудности возникают на стадии доказывания умысла, поскольку он представляет собой внутреннюю психическую категорию, непосредственно не поддающуюся восприятию и подлежащую установлению исключительно на основе анализа совокупности объективных обстоятельств дела. «В российской судебной практике вывод о наличии умысла формируется исходя из характера и способа совершения деяния, орудий преступления, локализации и количества причиненных повреждений, поведения виновного до, во время и после совершения преступления, а также иных фактических данных» [4, с. 19]. Однако подобный подход сопряжен с риском подмены субъективной стороны объективными последствиями, когда тяжесть наступившего результата фактически предопределяет вывод о наличии умысла, что противоречит принципам уголовного права и может приводить к ошибкам квалификации.

«Особую сложность представляет разграничение убийства и причинения вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, поскольку в обоих случаях имеет место единый результат в виде смерти человека, но различается психическое отношение лица к наступлению данного последствия» [5, с. 64]. В первом случае необходимо установить наличие умысла на лишение жизни, тогда как во вто-

ром — умысел направлен лишь на причинение вреда здоровью, а смерть наступает вследствие неосторожности. Схожие проблемы проявляются в процессе разграничения попытки убийства и намеренного нанесения телесных повреждений, когда результат действий не привел к летальному исходу. В таких случаях правоприменяющему органу необходимо установить истинный мотив субъекта, что нередко усложняется из-за нехватки прямых свидетельств о намерении отнять жизнь.

Следовательно, ключевой проблемой при определении умысла в деяниях, посягающих на жизнь либо здоровье, состоит в острой необходимости достоверно установить ментальное отношение субъекта к потенциальным результатам, при этом доказательная база часто бывает скудной. Это обязывает органы, осуществляющие правоприменение, применять всесторонний, глубоко индивидуальный метод анализа картины преступления. Необходимо избегать поспешных заключений об умысле, основанных лишь на том, насколько серьезными оказались последствия. Важно более четко и правильно применять те маркеры, которые были сформулированы в сложившейся судебной практике для разграничения схожих составов преступлений. Комплексный подход к данным аспектам, в свою очередь, должны улучшить точность юридической квалификации и гарантировать строгое следование принципам законности и справедливости.

При квалификации преступлений важным является аспект связи между субъективной стороной и причинно-следственной связью. «Форма вины, будь то умысел или неосторожность, выступает как показатель отношения человека к последствиям своих действий. Именно по ней определяется, является ли причинно-следственная связь между поступком и его результатом имеющей значение для уголовного права» [6, с. 99]. К примеру, при наличии прямого умысла субъект целенаправленно желает наступления определенных последствий, что делает причинную связь легко установимой. Совершенно иначе дело обстоит при косвенном умысле или неосторожности, когда для установления вины требуется более глубокое исследование обстоятельств, повлекших за собой причинение вреда. Это включает в себя оценку того, насколько субъект мог предвидеть и предотвратить негативные последствия.

«Проблема «объективного вменения» заключается в том, что при формальном подходе к причинной связи последствия часто приписываются лицу независимо от его психического отношения к ним, что может привести к неправильной квалификации и нарушению принципа индивидуализации уголовной ответственности. В российской доктрине уголовного права подчеркивается, что причинная связь не должна рассматриваться исключительно через объективные последствия деяния; необходимо учитывать субъективный элемент, то есть степень осознания и

желание лица допустить или предотвратить наступление последствий, что особенно актуально при разграничении убийства и тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть» [7, с. 49]. Игнорирование субъективной стороны ведет к типичным ошибкам: квалификация по более тяжким составам на основании тяжести последствий, недооценка неосторожных действий как самостоятельного основания уголовной ответственности и неверная интерпретация мотивов и целей лица.

Для корректной квалификации требуется комплексный подход, при котором оценка причинной связи осуществляется совместно с анализом субъективной стороны, включающим умысел, мотив, цель и степень предвидения последствий. Судебная практика РФ демонстрирует, что такой подход позволяет избежать формализма, обеспечивает справедливость при определении меры ответственности и способствует точному разграничению составов преступлений.

Так же стоит отметить про актуальный не только в теории, но и на практике проблемы, касающийся четкого разделения преступлений с формальным составом, совершенных посредством бездействия, и тех актов бездействия, которые не приводят к каким-либо результатам (иногда именуемых "упущениями").

Речь идет о необходимости проведения границы между преступлениями, закрепленными в статье 125 УК РФ («Оставление в опасности»), и составами преступлений против жизни и здоровья, имеющими материальный состав.

В уголовно-правовой доктрине звучат идеи, нацеленные на усовершенствование положений статьи 125 УК РФ. Было бы целесообразно ввести квалифицированный состав данного преступления, где бы фигурировали негативные результаты оставления в опасности, такие как летальный исход или нанесение вреда здоровью.

Такое изменение законодательства породило бы необходимость их дифференциации от убийства и причинения смерти по неосторожности.

В качестве разграничивающего принципа могла бы быть использована следующая идея: само по себе пассивное поведение не влечет за собой определенные последствия, а ответственность за наступивший результат наступает лишь в том случае, если закон возлагал на лицо обязанность совершить определенные действия для предотвращения этого результата. Внедрение этой концепции потребовало бы корректировки части 2 статьи 109 УК РФ, а также норм, касающихся иных составов преступлений.

В Уголовном кодексе следовало бы предусмотреть отдельные составы преступлений против жизни и здоровья, аналогичные существующей норме об уголовной ответственности за халатность должностных лиц. Любые подобные поправки должны быть предварены

глубоким научным обсуждением, которое выявит сильные и слабые стороны данной концепции до ее практического применения.

Теоретический фундамент для корректной юридической оценки деяний, ставящих под угрозу здоровье человека, до сих пор не сформирован. Это существенно затрудняет интерпретацию и правовую квалификацию норм, устанавливающих ответственность за подобные нарушения, что в свою очередь ведет к расхождениям в позициях следственных органов и судов при рассмотрении схожих инцидентов, обуславливая тем самым ошибки в правоприменительной практике.

Подводя итог выше всего перечисленного следует отметить, что оттачивание правовых норм, касающихся определения состава преступлений против жизни, обладает высочайшей значимостью, ведь жизнь индивида выступает фундаментальной и неотчуждаемой ценностью. Помимо этого, надлежащее воплощение ключевых постулатов уголовного права становится неосуществимым, если допускаются неточности в процессе квалификации деяний.

Список цитируемой литературы:

1. Беляев, С. И. Уголовное право России. Особенная часть.: учебное пособие. – Москва: Юрайт, 2023. – С. 239.

2. Чубарян, В. А. Уголовное право. Особенная часть: преступления против личности. – Москва: Норма, 2022. – С. 131.

3. Крашенинников, С. С. Уголовное право: преступления против жизни и здоровья. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – С. 105.

4. Васильев, В. А. Проблемы квалификации преступлений против личности в российской уголовной доктрине. – Москва: Юрайт, 2025. – С. 63.

5. Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. А.В. Наумова. – Москва: Норма, 2022. – С. 219.

6. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. — Москва: Проспект, 2023. – С. 192.

7. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. И.Я. Козаченко. — Москва: Юрайт, 2022. – С. 237.

Некрылова В.Р., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Суханова И.Ю., старший преподаватель.

СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ЕЁ РОЛЬ В СУДЕБНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

Аннотация

В статье рассматриваются основные аспекты судебно-почерковедческой экспертизы, направленной на установление подлинности рукописных текстов и подписей. Освещаются задачи, методы и значение анализа почерка при расследовании и судебном разбирательстве. Подчеркивается роль экспертизы в выявлении подделок и обеспечении достоверности доказательств.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая экспертиза; почерк; образцы, рукописи.

Почерковедческая экспертиза является одним из криминалистических способов идентификации личности, основанным на исследовании индивидуальных особенностей письма. В процессе анализа изучаются устойчивые признаки почерка, отражённые в рукописных текстах и подписях. Необходимость назначения такой экспертизы возникает в случаях, когда требуется установить автора документа, проверить подлинность подписи либо выявить факт имитации чужого почерка. Подобные исследования имеют существенное значение при расследовании преступлений, связанных с документами. Для проведения исследования эксперту предоставляются сравнительные материалы — образцы почерка, полученные с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства (ст. 202 УПК РФ). Качество и достаточность этих материалов напрямую влияют на достоверность выводов специалиста.

В криминалистике выделяются две основные группы образцов: свободные и экспериментальные. Свободные образцы формируются в естественных условиях, без связи с расследованием, и отражают привычную манеру письма лица. Экспериментальные, напротив, создаются целенаправленно в рамках процессуальных действий, зачастую при участии следователя. Свободные образцы, как правило, представляют собой документы, которые не предназначались для использования в качестве сравнительного материала и не связаны с конкретным делом. Их ценность заключается в естественности исполнения. Экспериментальные образцы получают путём диктовки либо самостоятельного написания текста в контролируемых условиях. Для получения объек-

тивных результатов эксперту требуется совокупность различных образцов. Недостаточное количество свободных материалов либо их низкое качество могут затруднить исследование или привести к ошибочным выводам. Использование исключительно экспериментальных образцов допускается только в исключительных ситуациях и должно быть специально обосновано в процессуальных документах. Наиболее информативными являются те свободные образцы, которые по своим характеристикам максимально приближены к исследуемому документу: по стилю, лексике, назначению, времени создания и применяемым письменным принадлежностям. Обязательным условием является достоверность происхождения образцов. Лицо, назначающее экспертизу, должно убедиться в том, что представленные материалы действительно выполнены предполагаемым автором.

Экспериментальные образцы могут формироваться как под диктовку, так и в виде самостоятельного текста. Если свободных образцов достаточно, обычно ограничиваются диктовкой. При их отсутствии или недостаточности требуется комбинированный подход. При этом запрещается допускать списывание текста, поскольку это искажает индивидуальные признаки почерка. Все материалы, создаваемые специально для исследования, должны оформляться в присутствии уполномоченных лиц, что обеспечивает их процессуальную достоверность.

В большинстве случаев текст для образцов диктуется. Если же исследуемый документ содержит конфиденциальную информацию, используется иной текст, включающий аналогичные элементы, позволяющие выявить характерные особенности письма. Процесс диктовки должен быть нейтральным: недопустимо подсказывать написание, акцентировать внимание на форме букв или иных деталях. Условия выполнения текста должны максимально соответствовать обычным: используется аналогичная бумага и письменные принадлежности, сохраняется естественная поза пишущего. При необходимости учитываются индивидуальные особенности, например, использование очков. Помимо стандартных, применяются специальные образцы, получаемые в нетипичных условиях (например, при письме левой рукой или в изменённой манере). В таких случаях важно установить, является ли подобный способ письма привычным для лица. Специальные образцы также могут быть свободными или экспериментальными. Если в имеющихся материалах отсутствуют необходимые признаки, запрашиваются дополнительные тексты, выполненные в заданных условиях, однако принуждение к их созданию недопустимо.

При исследовании рукописей, выполненных левой рукой, обязательно предоставляются соответствующие образцы, а также тексты, написанные правой рукой, для сравнительного анализа. Факт получе-

ния и принадлежности образцов фиксируется в процессуальных документах, в частности в протоколе изъятия. В нём указываются условия и время создания материалов. Эти сведения дублируются в постановлении о назначении экспертизы. Дополнительно эксперту могут передаваться данные о личности предполагаемого автора, включая возраст, образование, профессиональную деятельность и физические особенности. Особое внимание уделяется сохранности документов: при их хранении и транспортировке необходимо исключить возможность повреждения или изменения. Следует отметить, что почерковедческая экспертиза решает не только идентификационные, но и диагностические задачи, позволяя установить условия выполнения текста.

Результативность исследования определяется как профессиональным уровнем эксперта, так и полнотой, и качеством представленных материалов.

Чтобы эксперт мог качественно выполнить поставленные перед ним задачи, необходимо обеспечить его правильно собранным сравнительным материалом — образцами почерка или подписей предполагаемого исполнителя документа. В судебной почерковедческой практике выработаны ключевые требования к таким материалам, которые подлежат рассмотрению далее. Прежде всего речь идет о надлежащем качестве и достаточном количестве представленных образцов.

Образцы признаются качественными, если они соответствуют изучаемому документу по ряду параметров: сроку изготовления, типу документа, языку, смысловому наполнению, применяемым письменным элементам, методу выполнения и, насколько это возможно, условиям, в которых они были созданы.

Под достаточностью понимается такой объем образцов, который обеспечивает полноценное и всестороннее сопоставление всех признаков исследуемого объекта — текста или подписи. Универсальных норм по количеству сравнительного материала не существует, поскольку каждая экспертная ситуация индивидуальна. Вместе с тем на практике принято считать, что свободных образцов почерка должно быть не менее 5–6, при этом они должны различаться по своему характеру (например, включать документы из личного дела, заявления, черновые записи, переписку и др.). Количество свободных образцов подписей обычно составляет не менее 10 (например, подписи в ведомостях, заявлениях, пенсионных документах и аналогичных источниках). Экспериментальные образцы почерка рекомендуется отбирать в объеме не менее 12 листов, а подписей — примерно 30–40, размещая на каждом листе по 5–6 подписей.

При работе с короткими рукописными фрагментами или материалами, созданными в нетипичных обстоятельствах, возможно обнаруже-

ние редких характеристик почерка. В подобных ситуациях критически важно обеспечить наличие обширной коллекции различных образцов, варьирующихся по цели создания и условиям написания. Такой подход способствует раскрытию спектра вариативности почерковых особенностей, определению частоты их появления, степени их стабильности и границы возможной изменчивости. Кроме того, это дает возможность провести более детальное сопоставление, которое, в свою очередь, ляжет в основу обоснованной интерпретации полученных данных.

В судебном почерковедении для решения экспертных задач применяются три основные группы образцов почерка и подписей: свободные, экспериментальные и условно-свободные.

Свободные образцы почерка или подписи представляют собой рукописные тексты, выполненные определённым лицом вне связи с рассматриваемым делом, причём их автор не предполагал возможного использования этих материалов в экспертных целях. К таким образцам относят, например, служебную переписку, автобиографии, собственноручно заполненные анкеты, личные письма, а также подписи на различных документах — ведомостях, ордерах, библиотечных формулярах и иных бумагах. Их особая ценность обусловлена тем, что они, как правило, создаются без намеренного искажения почерка.

Главным требованием к свободным образцам является достоверность их происхождения, то есть бесспорная принадлежность конкретному лицу. Для подтверждения этого следователь или суд могут предъявить данные рукописи самому предполагаемому автору для опознания, фиксируя результаты в соответствующем протоколе.

В случаях, когда представить образцы самому автору невозможно (например, в связи с его смертью или отсутствием), их могут предъявить иным лицам — представителям администрации организации, коллегам, знакомым или родственникам — с целью подтверждения авторства. Данный факт обязательно отражается в постановлении о назначении экспертизы. Образцы, происхождение которых вызывает сомнение и не может быть надёжно установлено, не должны направляться на исследование, поскольку ошибки при их подборе способны привести к неправильным выводам эксперта и, как следствие, к неверному направлению расследования или судебного разбирательства.

Предоставляемые для экспертизы образцы должны быть сопоставимы с исследуемым документом по ряду критериев.

1) По языку и письменности: тексты должны быть выполнены на том же языке, что и исследуемый документ, поскольку различия в алфавитах могут затруднить или сделать невозможным их сопоставление. При работе с иностранными языками или языками народов России следователь или суд обязаны определить язык документа и подо-

брать соответствующее экспертное учреждение, при необходимости привлекая специалиста-лингвиста.

2) По времени выполнения: почерк со временем изменяется. Для устойчиво сформированного почерка допустим сравнительно большой временной интервал между образцами и исследуемым документом (примерно до 5–8 лет), если отсутствовали существенные изменения состояния здоровья или внешних условий. В то же время для пожилых лиц или лиц с недостаточно сформированным почерком важна минимальная разница во времени. Эксперт учитывает такие факторы, как возраст, уровень образования, заболевания и иные обстоятельства, способные повлиять на почерк.

3) По назначению и содержанию: условия создания текста (например, деловая документация или личная переписка) могут обусловливать использование различных вариантов почерка. При исследовании объёмных текстов желательно использовать аналогичные по характеру материалы, что позволяет более полно анализировать как речевые особенности, так и пространственную организацию письма.

4) По используемым материалам: важно, чтобы образцы были выполнены тем же пишущим средством и на сходной бумаге, поскольку эти факторы способны существенно влиять на характеристики почерка.

5) По условиям выполнения: если документ создан в необычных условиях (например, стоя), целесообразно подбирать образцы, выполненные в аналогичной обстановке.

6) По состоянию пишущего: при наличии данных о выполнении текста в особом состоянии (болезнь, опьянение и др.) желательно иметь сопоставимые образцы, поскольку такие состояния могут значительно изменить почерк.

7) По темпу письма: изменение скорости письма способно повлиять на структуру почерка или привести к появлению его вариаций.

8) По способу выполнения: если текст написан, например, левой рукой или с имитацией печатного шрифта, необходимо подбирать образцы, выполненные аналогичным образом.

Экспертиза — это процедура исследования, инициируемая судом и осуществляемая квалифицированным специалистом (экспертом). Цель эксперта — на основании представленных ему материалов установить факты, необходимые для принятия решения по делу. Результаты этого исследования фиксируются в форме заключения эксперта, согласно статье 204 УПК РФ. В рамках судебного разбирательства экспертиза играет значимую роль, предоставляя суду дополнительные доказательства и способствуя вынесению справедливого и аргументированного вердикта.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) от 18. 12. 2001 № 174-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22. 11. 2001).

3. Гражданско-процессуальный кодекс от 14. 11. 2002 № 138-ФЗ (принят ГД ФС РФ 23. 10. 2002).

4. Уголовный кодекс РФ (УК РФ) от 13. 06. 1996 № 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24. 05. 1996).

5. Жижина М. В. Назначение криминалистической экспертизы документов в арбитражном процессе: Практическое пособие. М.: «Право и закон», 2002. С. 63.

Овчарова П.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид наук, доц.

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ИЗНАСИЛОВАНИЯ ОТ ИНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, с особым акцентом на отграничение изнасилования от иных насильственных действий сексуального характера, в работе обосновывается необходимость совершенствования уголовного законодательства путем уточнения диспозиции статьи 131 УК РФ, в частности, замены указанного признака на более универсальный критерий, связанный с фактом проникновения, также делается вывод о том, что предложенные изменения позволят повысить определенность уголовного закона и обеспечить более единообразное применение норм, хотя от-

дельные вопросы их практической реализации требуют дополнительного осмысления.

Ключевые слова: изнасилование, насильственные действия сексуального характера, разграничение составов преступлений, половая свобода личности, половая неприкосновенность, квалификация преступлений, уголовное право, половое сношение, проникновение, судебная практика, проблемы правоприменения, статья 131 УК РФ, статья 132 УК РФ.

Изнасилование является распространенным преступлением, общественная опасность которого определяется, прежде всего тем, что они могут повлечь за собой тяжкие последствия, негативно сказаться на психике и здоровье потерпевших, на нормальном физическом, нравственном и опять же психическом развитии детей, привести к расторжению брака, снизить культурный уровень общества, продуцировать половую распущенность и последующую преступную активность.

В статье 131 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) дано определение изнасилования, как половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей, при этом помимо изнасилования к преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности личности относятся насильственные действия сексуального характера, понуждение к действиям сексуального характера, половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста и развратные действия.

Анализ статистики показывает, что по ст. 131 УК РФ в 2025 году было привлечено к ответственности 1681 человек (АППГ – 1722), по ст. 132 УК РФ – 2241 человек (АППГ – 2301) [3].

Проблематика квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности на протяжении длительного времени остается одной из наиболее сложных и дискуссионных в теории уголовного права и правоприменительной практике.

Особое место в данном контексте занимает вопрос отграничения изнасилования от иных смежных составов преступлений, что обусловлено как многообразием фактических обстоятельств, сопутствующих совершению указанных деяний, так и неоднозначностью интерпретации отдельных признаков соответствующих составов.

Современное развитие уголовного законодательства, а также трансформация общественных представлений о допустимых формах межличностного взаимодействия, предопределяют необходимость более глубокого и комплексного анализа критериев, позволяющих четко разграничивать

изнасилование и иные преступления сексуального характера, но следует учитывать, что ошибки в квалификации подобных деяний могут повлечь существенные нарушения прав и законных интересов как потерпевших, так и обвиняемых, что придает рассматриваемой проблеме не только теоретическую, но и значительную практическую значимость.

Одной из наиболее дискуссионных и практически значимых проблем современной уголовно-правовой науки выступает проблема разграничения изнасилования от смежных составов преступлений, прежде всего от насильственных действий сексуального характера, а также от преступлений, совершаемых без применения насилия, но посягающих на половую свободу личности, ведь несмотря на формальную определенность законодательных конструкций, их применение в конкретных жизненных ситуациях нередко сопровождается существенными затруднениями, обусловленными как оценочным характером отдельных признаков, так и недостаточной проработанностью критериев их толкования [1, с. 105].

Наиболее остро в правоприменительной практике стоит вопрос отграничения изнасилования от иных насильственных действий сексуального характера, так как формально различие между указанными составами проводится по признаку характера совершаемых действий, однако в реальности данное разграничение далеко не всегда является очевидным [2, с 56].

Сложность заключается в том, что уголовный закон оперирует, по сути, биологическим и одновременно юридическим критерием – половым сношением, под которым традиционно понимается физиологический акт между мужчиной и женщиной, однако подобный подход, сложившийся исторически, в современных условиях уже не в полной мере отвечает реальному многообразию форм противоправного сексуального поведения.

Следует отметить, что в современной судебной практике все чаще возникают ситуации, при которых фактические действия виновного по своему содержанию максимально приближены к половому сношению, воспроизводят его отдельные элементы либо направлены на достижение аналогичного результата, но при этом формально не подпадают под его классическое определение, закрепленное в теории и поддерживаемое правоприменением.

В этой связи возникает своего рода коллизия между формальным содержанием уголовно-правовой нормы и фактическими обстоятельствами конкретного дела, поскольку действия, обладающие высокой степенью общественной опасности и по существу посягающие на те же общественные отношения, что и изнасилование, нередко квалифицируются по иной статье лишь в силу отсутствия строго определенного биологического признака, более того, в ряде случаев различие между указанными деяниями

носит крайне условный характер и зависит от нюансов, которые не всегда имеют принципиальное значение с точки зрения причиненного вреда, однако приобретают решающую роль при юридической оценке.

Ситуацию осложняет то обстоятельство, что правоприменитель вынужден оперировать категориями, не имеющими четкого нормативного закрепления, в результате чего границы понятия полового сношения фактически формируются судебной практикой, которая, в свою очередь, не отличается единообразием. Это приводит к тому, что в сходных по фактическим признакам делах принимаются различные решения, что в определенной степени подрывает принцип правовой определенности и предсказуемости уголовного закона, и, как следствие, снижает доверие к правосудию в целом.

В результате данный факт приводит к неоднозначности квалификации: в одних случаях подобные деяния признаются изнасилованием, в других – насильственными действиями сексуального характера.

Дополнительные трудности вызывает то обстоятельство, что граница между указанными деяниями носит во многом условный характер и зависит от интерпретации фактических обстоятельств.

В качестве примера можно привести пример тех случаев, когда совершаются действия, имитирующие половое сношение либо частично совпадающие с ним по физиологическим признакам, возникает вопрос о том, следует ли квалифицировать их как изнасилование или как иной состав.

Также следует учитывать, что при квалификации подобных деяний значительную роль играет не только объективная сторона, но и субъективное восприятие произошедшего потерпевшим, однако включение данного элемента в процесс квалификации создает риск излишней субъективизации правоприменения, что может привести к правовой неопределенности.

Таким образом, проблема разграничения изнасилования и иных насильственных действий сексуального характера заключается не только в сложности установления фактических обстоятельств, но и в отсутствии четких, однозначных критериев их правовой оценки.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что существующие трудности разграничения изнасилования и иных насильственных действий сексуального характера носят не случайный, а системный характер и обусловлены, прежде всего, особенностями законодательной конструкции соответствующих составов преступлений.

В частности, закрепление в качестве ключевого признака изнасилования такого элемента, как половое сношение, в его традиционном, биологически обусловленном понимании, в современных условиях представляется недостаточно эффективным.

В этой связи представляется обоснованным необходимость внесения изменений в диспозицию статьи 131 УК РФ, направленных на уточнение признаков объективной стороны данного преступления, целесообразно отказаться от использования исключительно биологического критерия «половое сношение» и заменить его более универсальной формулировкой, отражающей сущность посягательства, поэтому на основании вышеизложенного предлагается изложить часть первую статьи 131 УК РФ в следующей редакции: «Изнасилование, то есть совершение действий сексуального характера, связанных с проникновением в тело потерпевшего (потерпевшей), с применением насилия или с угрозой его применения либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей)…».

Необходимо, однако, отметить, что само по себе изменение диспозиции статьи не исключает необходимости дополнительной конкретизации используемых понятий, в этой связи представляется возможным закрепление в примечании к статье 131 УК РФ разъяснения содержания термина «проникновение», по нашему мнению под ним может пониматься любое введение частей тела либо иных объектов в естественные полости тела потерпевшего (потерпевшей), совершенное с целью удовлетворения половой потребности виновного, но при этом следует учитывать, что чрезмерная детализация также может повлечь новые трудности, в связи с чем формулировка должна носить в известной степени обобщающий характер.

Таким образом, совершенствование диспозиции статьи 131 УК РФ путем замены признака полового сношения на более универсальный критерий, связанный с фактом проникновения, представляется обоснованным и необходимым шагом и позволит обеспечить большую определенность уголовного закона, повысить единообразие судебной практики и, в конечном счете, более адекватно отразить характер и степень общественной опасности рассматриваемых деяний.

Список цитируемой литературы:

1. Дамаскин, О.В., Холиков, И.В. Современные проблемы международного гуманитарного права / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Современное право. – 2017. № 5. – С. 104-101.

2. Холиков, И.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: акскологические концепты книги А.Н. Савенкова «Приговор во имя мира» (материалы дискуссии) / И.В. Холиков // Государство и право. – 2022. – № 10. – С. 55-57.

3. Данные статистики по статьям УК РФ за 2025 год. [Электронный ресурс] URL: http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/181/s/17 (дата обращения: 05.04.2026).

Пасечник К.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель - Суханова И. Ю., ст. преп.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация

В данной статье рассмотрены современные методы судебной экспертизы, новые технологии и портативные устройства, позволяющие автоматизировать процесс проведения судебной экспертизы. Представлен практический анализ применения искусственного интеллекта в судебной экспертизе. Выявлены положительные и отрицательные аспекты внедрения ИИ.

Ключевые слова: исследование, искусственный интеллект (ИИ), идентификация, метод, объект экспертизы, судебная экспертиза, цифровизация, эксперт.

В связи с цифровизацией и активным внедрением IT-технологий во все сферы нашей жизни сложно представить, что изменения не коснулись бы методов судебной экспертизы. Цифровизация сегодня – это необратимый глобальный процесс и в данной статье мы рассмотрим как он отразился на судебной экспертизе.

В судебной экспертизе используются общие, специальные методы, а также методы сравнительного исследования. Это такие методы как визуальный осмотр, измерение, исследование документов. К специальным методам мы можем отнести общемедицинские, лучевую диагностику – МРТ, рентген, УЗИ. Все это основа, без которой не обойтись, однако глобальное развитие технологий и способов совершения преступлений требует новых, современных методов. Рассмотрим несколько основных направлений развития методов, практику их применения уже сегодня и основные проблемы. Перечень судебных экспертиз закреплен в Распоряжении Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. №3214-р «Об утверждении перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями», помимо данного нормативно правового акта мною рассматривается также Приказ МВД России от 29.06.2005 г. №511 (ред. от 12.11.2024 г.) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» и другие.

Первый вид экспертизы, который мы рассмотрим, цифровая (компьютерная) экспертиза – это вид экспертизы, которая заключается в сборе и анализе данных с любого вида цифрового устройства, для выявления доказательств совершения цифрового или иного преступления. К объектам данного исследования относятся: жесткие диски, файлы, различные гаджеты, IP-адреса, оперативная память устройства. Современные методы проведения экспертизы позволяют восстановить удаленные данные с устройства, извлечь зашифрованные данные, выявить вредоносный код или утечку информации. Приведу пример как это работает на практике. Допустим гражданин Иванов создал интернет-магазин «Скупка» с целью кражи данных карт клиентов. Перед своим задержанием он удалил сайт со своего устройства и информацию о клиентах. Однако современный цифровой метод позволяет извлечь удаленную информацию с данного устройства. Помимо этого, была установлена геолокация всех проведенных транзакций, и она совпадает с местом жительства Иванова. Проведенная экспертиза имеет ключевое доказательственное значение.

Исследование фотографических изображений, технических средств, используемых для их изготовления, и фотографических материалов – в данной экспертизе искусственный интеллект играет основополагающую роль как в хорошем, так и в противоположном смысле. Объектом данной экспертизы являются: фотоизображения, негативы, фотоаппараты, видеозаписи, видеокамеры и иные устройства видеонаблюдения. Современный метод данной экспертизы позволяет отличить настоящее фото от подделки (Deepfake). Конкретный пример: в уголовном деле в качестве доказательства находится видеозапись компрометирующего содержания директора ООО «Silver» Петрова. Была назначена судебная экспертиза, в ходе которой с помощью ИИ-детекции, которая анализирует движение мимики, синхронизацию аудио и видео, черты лица было установлено, что видеозапись является сгенерированной нейросетью. В последующем данное доказательство было признанно недействительным. В данной ситуации искусственный интеллект как помогает в проведении экспертизы, так и способствует развитию поддельных видеоизображений. Потому активное внедрение ИИ вызывает споры.

Почерковедческая экспертиза – исследование, позволяющее определить подлинность подписи, а также установить автора, его возраст. пол и состояние здоровья. Объектом данной экспертизы являются: рукописные тексты, доверенности, подписи в документах. Применение ИИ позволяет установить силу нажима, тремор, благодаря этим данным возможно установить возраст автора с погрешностью не более 5 лет. Конкретный пример: в ходе судебного разбирательства поднялся вопрос о подлинности доверенности представленной в материалах дела Сорокиным И.В. на дом, принадлежащий его дедушке Сорокину В.В. Благо-

даря ИИ было установлено, что подпись в доверенности принадлежит человеку не старше 35 лет, что исключает авторство Сорокина В.В.

Исследование ДНК – генетическая экспертиза, позволяющая установить родство, идентифицировать личность. Объекты экспертизы: биологические следы, кровь, кости, слюна и тд. Новая технология портативного секвенирования нанопорами (Nanopore) позволяет значительно сократить время проведения исследования с 3 недель до нескольких часов. Данное устройство позволяет провести анализ ДНК без выезда в специальную лабораторию, портативный секвенатор подключается напрямую к ноутбуку.

Идентификация (отождествление) личности по признакам внешности. Объектами данной экспертизы являются6 фото и видеоизображения, живые лица, описания. В данную экспертизу было внедрено значительное количество цифровых методов благодаря активному развитию биометрии в 2025 году. Была внедренная система расширенного распознавания лиц, устойчивая к плохим погодным условиям, освещению и маскировке. Биометрическая система способна анализировать походку, поведенческие признаки. Помимо этого удалось оптимизировать процесс идентификации по отпечаткам пальцев с помощью портативного устройства «ДС-45». Данный сканер позволяет провести идентификацию личности по отпечаткам пальцев на месте происшествия.

Учитывая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что цифровизация и внедрение новых технологий достаточно положительно отразилась на методах судебной экспертизы. ИИ позволяет оптимизировать работу экспертов, сокращая время на исследование, что в свою очередь влияет на время судебного разбирательства. Можно сказать, что большую часть работы эксперта на себя берет искусственный интеллект, однако это не совсем так. Несмотря на делегирование значительной части исследования IT-технологиям, только эксперт по-прежнему полностью несет ответственность за результаты исследования, в то время как цифровые методы являются лишь инструментом в руках специалиста.

Несмотря на все «плюсы» ИИ новая система, требующая доработок и четкого контроля со стороны эксперта. Активное внедрение новых технологий требует оперативной подготовки кадрового состава, обученного использовать новые методы судебной экспертизы. Помимо этого остро стоит проблема правового регулирования цифровых доказательств и стандартизации использования внедрённых технологий.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. Закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом

Федерации 5 декабря 2001 г. : [ред. от 28 февраля 2025 г.] // Собрания законодательства Российской Федерации. – 2001. - № 52. – Ст. 4921.

2. Берестенко, Е.Д. Электронные носители информации как объекты судебно-экспертного исследования / Е.Д Берестенко, А.В. Ростовцев // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2022. – №4. – С. 57–66.

3. Гришин, А.В. Современные тенденции усовершенствования и ключевые особенности проведения судебных экспертиз отдельных видов / А.В. Гришин, О.Г. Селютина // Закон и право. – 2024. – №5. – С. 224–228.

4. Демин, К.Е. О современном состоянии и перспективах развития судебной компьютернотехнической экспертизы / К.Е. Демин // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – №3. – С. 195–200.

5. Соколова, О.А. Влияние современных технологий на развитие судебно-экспертной деятельности / О.А. Соколова // Весник экономической безопасности. – 2022. – №5. – С. 196–200.

Руденко О.В., студентка
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Сибирский институт управления, г. Новосибирск
Научный руководитель – Морозов Б.П., канд. юрид. наук, доц.

О ТЕНДЕНЦИЯХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Аннотация

В статье анализируются тенденции уголовно-правовой политики РФ в сфере экономических преступлений. На основе изменений в законодательстве последних лет прослеживается курс на гуманизацию уголовной ответственности, которая проявляется в декриминализации ряда деяний, повышении порогов для квалификации ущерба и дохода, расширении механизмов освобождения от наказания. Делается вывод, что данные меры, вызванные экономическими преобразованиями, служат инструментами поддержки предпринимательства и обеспечивают стабильный рост отечественной экономики.

Ключевые слова: экономические преступления; гуманизация уголовной политики; декриминализация деяний; освобождение от наказания; повышение порогов ущерба и дохода.

Законодательство постоянно совершенствуется, отражая динамику развития общества и бизнеса. В последние годы российская экономика столкнулась с целым рядом проблем: от трудностей, вызванных пандемией COVID-19 и связанными с ней ограничениями, до санкционного давления со стороны ряда иностранных государств, продолжающегося в настоящий момент. В этих условиях особую важность приобретает ускоренное развитие внутренних экономических процессов. Гуманизация уголовной политики выступает не просто как декларативный принцип, а как действенный инструмент поддержки национальной экономики и её ключевых участников.

За последнее десятилетие в сфере уголовно-правового регулирования экономических отношений было принято значительное количество изменений и дополнений, направленных на адаптацию законодательных норм к новым условиям экономики и противодействию возникающим формам злоупотреблений. Так, с момента вступления в силу УК РФ (1996 г.) по состоянию на 2026 год из главы 22 исключено всего 5 составов преступлений, в то время как введено 35 новых [2, с. 694]. Это обусловливает высокую динамику развития данной отрасли права: появление новых составов преступлений непосредственно связано с эволюцией технологий, трансформацией финансовой системы, совершенствованием схем мошенничества и манипуляций рынком. Экономические составы преступлений сконцентрированы в главе 22 УК РФ – она выделяется среди остальных глав огромным разнообразием предусмотренных составов преступлений. По количеству статей и широте охвата регулируемых вопросов данная глава является одной из наиболее объёмных и значимых в структуре уголовного законодательства Российской Федерации.

Тенденции современного развития уголовно-правовой политики в сфере экономических преступлений являются прямым отражением текущей социально-экономической обстановки в российском государстве. В условиях структурного изменения экономики, санкционного давления и необходимости стимулирования предпринимательской инициативы законодатель проводит последовательный курс на гуманизацию уголовной ответственности за экономические преступления. Так, последовательные изменения последних лет в диспозициях и санкциях уголовно-правовых норм привели к снижению максимальных сроков лишения свободы, декриминализации отдельных деяний и расширению перечня экономических составов, для которых предусмотрено освобождение от уголовной ответственности по определенным основаниям.

В марте 2023 года был принят Федеральный закон, реализовавший поручение Президента РФ о гуманизации уголовного законодательства в сфере экономических преступлений [1, с. 38]. Данный нор-

мативный акт внёс изменения в санкции ряда статей Уголовного кодекса РФ, снизив максимальные сроки лишения свободы за налоговые преступления, совершённые в особо крупном размере. Так, за уклонение организации от уплаты налогов, сборов и страховых взносов, а также за неисполнение обязанностей налогового агента максимальный срок наказания был уменьшен с шести до пяти лет. Аналогичным образом срок за сокрытие денежных средств (либо имущества) организации (ИП), за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов снижен с семи до пяти лет, а за уклонение от уплаты взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве – с четырёх до трёх лет [3]. Снижение порогов наказания привело к тому, что перечисленные составы были переведены из категории тяжких преступлений в категорию преступлений средней тяжести, а состав, связанный с уклонением от уплаты взносов на травматизм, был отнесён к категории преступлений небольшой тяжести. Таким образом, переквалификация составов по степени тяжести может свидетельствовать о декриминализации деяний и отражает общую тенденцию к гуманизации уголовной политики в сфере экономических преступлений.

С апреля 2024 года вступили в силу изменения в УК, повышающие пороги ущерба и дохода для квалификации экономических преступлений. В частности, предусмотрено увеличение пороговых значений для таких преступлений, незаконное предпринимательство, незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов, ограничение конкуренции, уклонение от уплаты налогов, сборов или страховых взносов. Теперь по большинству статей главы 22 УК РФ крупным размером признаётся сумма свыше 3,5 млн рублей, а особо крупным – 13,5 млн рублей (ранее – 2,25 млн и 9 млн рублей соответственно). Кроме того, из состава незаконного предпринимательства исключён признак «извлечение дохода в крупном размере», а по ряду других экономических составов увеличены суммы дохода, ущерба или сокрытых средств, при превышении которых наступает уголовная ответственность. Например, для наступления ответственности за невнесение в банковские отчётные документы сведений о средствах физических лиц и индивидуальных предпринимателей этот порог вырос с 3 млн до 4,5 млн рублей [4].

Необходимость данных изменений прежде всего обусловлена настоящей экономической обстановкой, в том числе инфляцией. Последняя индексация пороговых значений была проведена в 2016 году, и за прошедшие восемь лет экономические реалии значительно изменились. Поэтому, установленные нормами от 2016 года размеры доходов и ущербов утратили свою актуальность, что приводило к случаям привле-

чения к уголовной ответственности и назначению наказаний, не соответствовавших степени общественной опасности содеянного [1, с. 38].

Таким образом, повышение порогов значительного, крупного и особо крупного размеров ущерба и дохода фактически переводит ряд деяний из уголовной плоскости в административную, что привело к декриминализации отдельных составов преступлений в сфере экономической деятельности.

Наряду с этим важным направлением современной уголовно-правовой политики развивается и институт освобождения от уголовной ответственности. В последние годы перечень составов экономических преступлений, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности при совершении преступления впервые, возмещении ущерба и уплате штрафа в доход государства (ст. 76.1 УК РФ), был существенно расширен. При этом стоит подчеркнуть, что подавляющее большинство составов, подпадающих под действие данного механизма, относятся именно к экономическим преступлениям. Последние изменения в данную норму вносились в 2023 году и дважды в 2024 году, их суть заключалась в дополнении списка преступлений, подпадающих под действие этого механизма. Так, если до внесения изменений в закон от декабря 2024 года освобождение от ответственности по статье об ограничении конкуренции (ст. 178 УК РФ) распространялось только на часть первую и пункт «в» части второй, то после изменений оно стало возможным также по пунктам «г» и «д» данной статьи [5]. Аналогичные изменения были внесены по ряду статей в экономической сфере.

С учетом настоящих кризисных обстоятельств, которые в разной степени затрагивают сектора российской экономики, а также предпринимательскую деятельность, особенно важно избегать необоснованного привлечения предпринимателей и иных участников хозяйственной деятельности к уголовной ответственности. Изоляция таких субъектов от экономической деятельности может привести к ещё более серьёзным негативным последствиям для экономики страны. Данная норма не только предоставляет предпринимателям возможность устранить последствия своих действий, получить основание для освобождения от уголовной ответственности и продолжить свою хозяйственную деятельность, но и способствует экономии уголовно-правовой репрессии. Такой подход в конечном итоге служит интересам устойчивого развития бизнеса и экономики страны в целом.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что современная уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере экономических преступлений отличается выраженной гуманистической направленностью и выступает инструментом модернизации общественных отношений. В условиях структурной трансформации экономики и

внешнего санкционного давления законодатель последовательно реализует курс на снижение уголовно-правовой репрессии в отношении субъектов хозяйственной деятельности. Это выражается в декриминализации отдельных составов, повышении порогов ущерба и дохода, а также в расширении оснований для освобождения от уголовной ответственности. Однако стоит отметить, что проводимая гуманизация уголовной политики и смягчение санкций не должны приводить к безнаказанности или вседозволенности – основополагающим принципом остаётся соразмерность наказания степени общественной опасности совершённого деяния. Введение изменений направлено не на освобождение от ответственности, а на стимулирование общественно-полезного посткриминального поведения: добровольного возмещения ущерба, уплаты штрафов и продолжения легальной предпринимательской деятельности. Данный подход способствует сохранению экономической активности, препятствует необоснованным ограничениям предпринимательской деятельности и в конечном итоге служит интересам устойчивого развития национальной экономики, обеспечивая баланс между частными и публичными интересами.

Список цитируемой литературы:

1. Абазов А. Б. Уголовная ответственность за экономические преступления: современное состояние и перспективы развития // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2024. – Т. 17, №. 4. – С. 36-40.

2. Незнамова З. А. Основные тенденции уголовной политики в области преступлений в сфере экономической деятельности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2025. – Т. 35, №. 4. – С. 693-699.

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2023 № 78-ФЗ : [принят Государственной Думой 14.03.2023 : одобрен Советом Федерации 15.03.2023]. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – №12. – ст. 1891.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ : [принят Государственной Думой 20.03.2024 : одобрен Советом Федерации 03.04.2024]. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – №15. – ст. 1971.

5. О внесении изменений в статьи 76.1 и 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 28.1 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 13.12.2024 № 467-ФЗ [принят Государственной Думой 10.12.2024 : одобрен Советом Федерации 11.12.2024]. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – №51. – ст. 7861.

Селищева О.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель - Рыжкова И.Д. канд. юрид. наук

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ (СТ. 286 УК РФ): ПРИМЕНЕНИЕ НАСИЛИЯ, ПРИМЕНЕНИЕ ОРУЖИЯ И ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Аннотация

В статье рассматриваются квалифицирующие признаки превышения должностных полномочий, закреплённые в ч. 2, 3 и 4 ст. 286 УК РФ. Особое внимание уделяется проблемам квалификации насилия (разграничению физического и психического), соотношению с причинением вреда здоровью различной степени тяжести, а также применению специальных средств, оружия как способу совершения преступления. Проводится сравнение противоправного применения силы с правомерным применением силы согласно Федеральному закону «О полиции». В статье анализируются актуальные положения уголовного законодательства и судебной практики, предлагаются пути решения проблем квалификации данных деяний.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, насилие, специальные средства, оружие, правомерное применение силы, вред здоровью, тяжкие последствия.

Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) представляет собой серьёзную угрозу правопорядку и правам граждан, поскольку совершается лицом, наделённым властными полномочиями. Особую опасность приобретают случаи, когда такое превышение сопровождается применением насилия, оружия или влечёт тяжкие последствия. Цель данной статьи — проанализировать квалифицирующие признаки, предусмотренные в п. «а», «б» и «в» ч.3 ст. 286 УК РФ, выявить проблемы квалификации и разграничить противоправное и правомерное применение силы должностными лицами.

Часть 2 ст. 286 УК РФ предусматривает ответственность за превышение должностных полномочий лицом, занимающим государственную должность РФ или субъекта РФ, либо главой органа местного самоуправления. Это усиливает ответственность за счёт особого статуса субъекта преступления.

Но наиболее опасные формы превышения полномочий закреплены в ч. 3 ст. 286 УК РФ:

Применение насилия или угрозы его применения (п. «а»). Под насилием понимается физическое воздействие на потерпевшего, включая побои, причинение лёгкого или средней тяжести вреда здоровью, истязание. Угроза должна быть реальной, то есть у потерпевшего должны быть основания опасаться её осуществления.

Применение оружия или специальных средств (п. «б»). Означает фактическое использование оружия или спецсредств для физического или психического воздействия на потерпевшего. Угроза применения оружия должна восприниматься потерпевшим как реальная.

Причинение тяжких последствий (п. «в»). Понятие является оценочным и устанавливается с учётом обстоятельств дела. К тяжким последствиям относятся: крупные аварии, длительная остановка транспорта или производства, значительный материальный ущерб, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего, причинение тяжкого вреда здоровью и т. д.

Часть 4 ст. 286 УК РФ устанавливает ответственность за деяния, предусмотренные ч. 1 или 2, если они совершены с применением пытки. Пытка определяется как причинение физических или нравственных страданий в целях принуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо иных целях [4].

Физическое насилие отличают от психического. Физическое насилие предполагает непосредственное воздействие на тело потерпевшего (побои, причинение вреда здоровью). Психическое насилие — это угроза, запугивание, принуждение, вызывающие у потерпевшего страх за свою жизнь, здоровье или репутацию (например, угроза убийством или распространением компромата).

Если действия повлекли умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, требуется квалификация по совокупности п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ и соответствующих частей ст. 111 УК РФ. Причинение смерти по неосторожности в результате превышения должностных полномочий квалифицируется по ч. 5 ст. 286 УК РФ, а умышленное убийство по совокупности со ст. 105 УК РФ. Лёгкий и средней тяжести вред здоровью охватывается п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Применение насилия (принуждения) может быть как правомерным, так и противоправным. Правомерность определяется наличием оснований и соблюдением норм, установленных Федеральным законом «О полиции» [2].

Правомерное применение: сотрудник полиции вправе применять физическую силу, специальные средства или оружие в строго определённых случаях: для пресечения преступлений, задержания лиц, преодоления противодействия законным требованиям и т. д. Перед при-

менением силы сотрудник обязан предупредить о своём намерении, за исключением ситуаций, когда промедление создаёт непосредственную угрозу жизни и здоровью [5].

Противоправное применение имеет место, если действия должностного лица выходят за пределы полномочий, предусмотренных законом. Например, применение оружия в отношении несовершеннолетнего, если его действия не создавали реальной опасности для жизни других лиц.

Боевые приёмы борьбы могут применяться сотрудником полиции в рамках ст. 20 ФЗ «О полиции», если не силовые способы не обеспечивают выполнения обязанностей. Их неправомерное использование квалифицируется по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ как применение насилия.

Анализ ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий» показывает, что квалифицирующие признаки (применение насилия, оружия, тяжкие последствия) существенно усиливают ответственность за превышение должностных полномочий. На практике возникают сложности с разграничением физического и психического насилия, а также с квалификацией вреда здоровью различной степени тяжести. Сравнение с правомерным применением силы по ФЗ «О полиции» позволяет чётко определить границы допустимого поведения должностных лиц.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 63-ФЗ : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. – Москва : Проспект, 2026. – 320 с. – Текст : непосредственный.

2. О полиции : Федеральный закон № 3-ФЗ : [принят Государственной Думой 28 января 2011 года : одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года]. – Москва : Эксмо, 2026. – 96 с. – Текст : непосредственный.

3. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16 октября 2009 г. – Текст : электронный // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8462/ (дата обращения: 10.03.2026).

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : постатейный / под редакцией В. М. Лебедева. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2023. – 918 с. – ISBN 978-5-534-15789-1. – Текст : непосредственный.

5. Гришаков, А. Г. Действия участковых уполномоченных полиции в типовых ситуациях : учебно-методическое пособие / А. Г. Гришаков, А. А. Гайдуков, Е. А. Федяев ; Барнаульский юридический институт МВД РФ. – Барнаул : Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. – 35 с. – ISBN 978-5-94552-115-5. – Текст : непосредственный.

Сергеева А.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Климов А.С., канд. юрид. наук, доц.

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ И ПОВРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация

В статье раскрыты современные проблемы разграничения уничтожения и повреждения имущества со смежными составами в правоприменительной практике.

Ключевые слова: уничтожение имущества, повреждение имущества, квалицированный состав, умысел, неосторожность, квалифицирующие признаки.

Актуальность исследования вопросов квалификации преступных деяний, представляющих собой уничтожение или повреждение имущества, обусловлена тем фактом, что ущерб, причиненный указанными деяниями, касается не только имущественных правоотношений, но и затрагивает интересы как физических, так и юридических лиц, поскольку лишает последних возможности надлежащего использования и распоряжения испорченным либо уничтоженным имуществом. В Уголовном кодексе Российской Федерации нормы, устанавливающие уголовную ответственность за рассматриваемые преступления, закреплены в ст. 167 «Умышленные уничтожение или повреждение имущества и ст. 168 «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности».

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, по итогам 2023 года, общее количество осужденных за преступления против собственности составило 218870 человек, из них 3075 человек понесло наказания за преступления, связанные с уничтожением или повреждением чужого

имущества, широко распространены (ст. 167-168 УК РФ), что составило 1,4% от общего количества лиц, осужденных за совершенные ими преступления против собственности. В 2024 г. за преступления против собственности было осуждено 187385 человек, в т.ч. по ст. 167 УК РФ – 2598 человек, что составило 1,38% [5]. Таким образом, выявлено несущественное снижение количества таких преступлений, что подчеркивает актуальность темы данного исследования.

Следует отметить, что статья 167 УК РФ устанавливает наказание за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти действия совершены с применением опасных способов или привели к тяжким последствиям. Этой статьей выделяются следующие признаки квалификации:

1. Совершение преступления опасным способом, представляющим собой угрозу жизни либо здоровью людей, либо для направленным на значительный имущественный вред, что закреплено во второй части статьи 167 УК РФ (например, поджог с применением легковоспламеняющихся веществ, вызвавший масштабный пожар, или заложение взрывного устройства с целью уничтожения имущества, повлекшее повреждения и пожары).

2. Нанесение ущерба в особо крупном размере (часть 3 статьи 167 УК РФ). Превышение пределов ущерба, установленных законом, превращает преступление в особо тяжкое (например, уничтожение дорогостоящих товаров на складе, стоимостью в десятки миллионов рублей, или повреждение крупного оборудования с остановкой производства).

3. Совместное совершение преступления группой лиц (часть 2 статьи 167 УК РФ). Действия, совершенные несколькими лицами, считаются отягчающим обстоятельством, например, массовый вандализм с разрушениями зданий, автомобилей или памятников [1, с. 18].

Говоря о статье 168 Уголовного кодекса Российской Федерации, отметим, что квалифицирующими признаками, влияющими на определение меры ответственности за данное преступное деяние, являются:

1) причинение крупного ущерба вследствие халатности и нарушения правил техники безопасности (ч. 2 ст. 168 УК РФ), что возникает, когда лицо игнорирует предусмотренные законом нормы, что влечет значительные разрушения имущественного характера (например, если специалист на стройке пренебрег правилами пожарной безопасности, в результате чего возник пожар, или если водитель, не удостоверившись в том, что автомобиль исправен, стал виновником дорожно-транспортного происшествия, в котором пострадало в том числе чужое имущество);

2) уничтожение или повреждение имущества в особо крупном размере по неосторожности, что предусмотрено ч. 3 ст. 168 УК РФ (например, авария на химическом производстве ввиду неосторожного

обращения с химикатами, повлекшая массовые разрушения и серьезные экологические последствия) [2, с. 103].

Важной проблемой квалификации исследуемых преступлений является определение формы вины. По мнению М. Т. Стрижакова, неясность критериев разграничения прямого и косвенного умысла порождает ошибки в квалификации преступных действий. Он выявил, что при рассмотрении 22 % дел о поджогах суды первой инстанции игнорировали косвенный умысел, вынуждая к переквалификации обвинений на неосторожные деяния [4, с. 206]. Кроме того, для правильной квалификации формы вины нужно использовать комплексный подход при расследовании, в том числе исследовать цифровые данные, включая переписки в мессенджерах и историю браузерных запросов. Однако, к настоящему времени единых методик анализа цифровых следов не разработано, что существенно затрудняет доказательство преступных намерений.

А. В. Мартыненко отмечает ряд существенных проблем правоприменительной практики квалифицированных признаков состава уничтожения или повреждения имущества. Ими являются:

1) трудности с доказательством умысла (зачастую отсутствует возможность с уверенностью установить, стремился ли обвиняемый именно уничтожить имущество или же руководствовался иными причинами);

2) проблемы определения величины ущерба (например, если была уничтожена антикварная вещь, полученная в наследство, суд должен решить, оценивать ли ее рыночную стоимость или личную ценность для получателя наследства);

3) ошибки квалификации, которые проявляются, когда деяние оценивают лишь с точки зрения ст. 167 УК РФ, хотя применимые способы нанесения вреда (например, поджог) требуют обращения к другим статьям УК РФ, например, ст. 205 УК РФ;

4) проблемы с доказательством причинно-следственной связи, когда повреждение имущества наступило в результате внешних обстоятельств (например, пожара, который распространился с соседнего участка) и в этом случае установление связи между противоправными действиями лица и наступившими последствиями бывает крайне затруднено [3, с. 73].

В правоприменительной практике также возникают проблемы разграничения ст. 167 УК РФ со ст. 213 (хулиганство) и ст. 214 (вандализм). Нередко преступления, которые были совершены из мести, квалифицируются по ст. 214 УК РФ.

Главный признаком, на основе которого должна быть проведена квалификация преступного деяния, должен являться мотив, но не все-

гда судами это учитывается. Например, хулиганство мотивировано игнорированием общественных норм, нарушением общественного спокойствия, а мотивом для совершения преступления, ответственность за которое установлена ст. 167, является уничтожение или повреждение чужого имущества, но с возможностью совершения из хулиганских побуждений [4, с. 206]. Для правильной квалификации преступного деяния необходимо комплексно подходить к данному процессу, и при этом сотрудники правоохранительных органов должны иметь соответствующий уровень подготовки.

Таким образом, проблемы квалификации преступлений, связанных с уничтожением или повреждением имущества, требуют комплексного подхода. Решение этих вопросов позволит сократить ошибки в судебной практике и повысить справедливость принимаемых решений.

Список цитируемой литературы:

1. Дубинин, П. И. Квалификация преступлений против собственности: спорные аспекты / П. И. Дубинин // Российская юстиция. – 2023. – № 6. – С. 14-20.

2. Карягина, О. В. Актуальные проблемы квалифицирующих признаков уничтожения или повреждения чужого имущества / О. В. Карягина, Е. В. Козлов // Право, бизнес, управление: проблемы теории и практики : сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции (г. Мариуполь, 27 марта 2025 г.). – Мариуполь: Мариупольский государственный университет им. А.И. Куинджи, 2025. – С. 101-106.

3. Мартыненко, А. В. Проблемы правоприменения норм о преступлениях против собственности / А. В. Мартыненко. – Москва: Статут, 2023. – 326 с.

4. Стрижаков, М. Т. Проблемы и пути совершенствования уголовного законодательства об ответственности за умышленное уничтожение или повреждение имущества / М. Т. Стрижаков // Актуальные проблемы уголовно-процессуальной деятельности органов государственного пожарного надзора: сборник научных трудов (г. Санкт-Петербург, 05 июня 2025 г.). – Санкт-Петербург: СПб УГПС МЧС России, 2025. – С. 205-207.

5. Судебный департамент при Верховном суде РФ: [сайт]. – URL: https://cdep.ru (дата обращения 18.03.2026).

Смирнова И.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид наук, доц.

ПОНЯТИЕ И ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Аннотация

Проблема противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ остается одной из наиболее острых в системе обеспечения национальной безопасности любого государства. В связи с этим уголовное законодательство выделяет категорию преступлений, нарушающих порядок обращения указанных средств и веществ. Одним из приоритетных направлений отечественного уголовного законодательства является развитие института, отвечающего за контроль за оборотом наркотических и психотропных веществ. В данной статье анализируются понятия и объекты преступлений, относящихся к незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, незаконный оборот, объект.

В ряде стран наркомания считается социальной проблемой. Рост объемов торговли наркотиками и связанных с ними преступлений поразителен. Каждый год различные контролирующие организации проводят множество мероприятий, направленных на борьбу с распространением наркомании. Проблемы, связанные с наркоманией, наблюдаются в любом регионе страны. Так, в Липецкой области несмотря на устойчивую криминогенную ситуацию и снижение уровня преступности на 4,8%, наблюдается увеличение числа преступлений, связанных с оборотом наркотиков (с 429 до 480). Сохраняется высокий уровень незаконного распространения наркотиков среди населения страны, особенно среди уязвимых групп, таких как дети и молодежь. Эти категории подвергаются серьезным рискам, поскольку зачастую недостаточно осведомлены о последствиях употребления наркотических средств.

В уголовно-правовой доктрине деяния, посягающие на легальный оборот наркотических средств и психотропных веществ, квалифицируются не иначе как совокупность виновных, противоправных и общественно опасных актов поведения. Источниками правового регулиро-

вания являются Уголовный кодекс РФ [1] и Кодекса об административных правонарушениях РФ [2].

В. А. Коробцов предлагает условно классифицировать составы преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в главе 25 Уголовного кодекса РФ, на несколько групп в зависимости от характеристик предмета правонарушения [5, с. 221]:

1 группа – статьи 228, 228.1, 229, 229.1, 231 УК РФ;

2 группа – статьи 228.2, 228.3, 228.4 УК РФ;

3 группа – статья 230 УК РФ;

4 группа – статья 232 УК РФ;

5 группа – статья 233 УК РФ.

Законодатель, помещая подобные составы преимущественно в главу 25 УК РФ («Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»), задает лишь вектор для квалификации. В одних случаях для признания деяния оконченным достаточно факта совершения действия (формальный состав, иллюстрация – ст. 228 УК РФ).

В других – обязательным элементом объективной стороны выступает наступление тяжких последствий, что характерно для материальных составов, например, в частях 3 и 4 ст. 228.1 или в ст. 229 УК РФ. Подобная дифференциация отражает различную степень общественной опасности содеянного.

В теории уголовного права, определяя юридическую природу рассматриваемых деяний, традиционно обращаются к четырехуровневой классификации объекта преступного посягательства и включает в себя общий, родовой, видовой и непосредственный объект.

Родовой объект преступлений можно определить, как совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность и здоровье населения [6, с. 41].

Видовой же, будучи привязан к структуре главы 25 УК РФ, сужает «фокус» до здоровья населения. Причем речь не идет о здоровье отдельного индивида: последнее выступает объектом в преступлениях против личности. В данном же случае имеется в виду именно состояние защищенности общественного здоровья, безопасность условий существования неопределенно широкого круга лиц перед угрозой, которую несет немедицинское потребление психоактивных веществ.

С непосредственным объектом ситуация оказывается менее однозначной. В литературе фиксируется дискуссионный характер отнесения к нему тех или иных благ. Тем не менее большинство авторов сходятся на том, что основным непосредственным объектом является порядок обращения наркотиков, психотропных веществ и их аналогов, установленный государством.

При хищении либо вымогательстве наркотических средств (ст. 229 УК РФ) правоотношения собственности выступают в роли основного объекта, хотя по своей природе они находятся за пределами родового объекта главы 25 УК РФ. Одновременно с этим страдает и установленный порядок оборота, и здоровье населения – оба выступают в качестве дополнительных объектов, что превращает состав в сложный (составной).

Нарушения правил оборота, совершаемые в медицинских или фармацевтических организациях, затрагивают еще одну плоскость – легитимность деятельности этих структур. В таких случаях объектом становятся не просто материальные ценности или здоровье, а именно регламентированный порядок функционирования специализированных учреждений [7, с. 297]. Показательна в этом смысле ст. 232 УК РФ (организация либо содержание притонов). Здесь факультативным объектом выступают отношения в сфере общественной нравственности, поскольку само существование подобных мест подрывает не только здоровье населения, но и морально-этические устои.

Отдельного внимания заслуживают ситуации, когда при хищении либо вымогательстве наркотических средств применяется насилие или высказывается угроза его применения. В подобных случаях к основному объекту (собственности) и дополнительным (порядок оборота, здоровье населения) добавляется еще один - здоровье конкретного гражданина, выступающего потерпевшим от насильственных действий.

Однако по мере конкретизации составов преступлений акценты смещаются. Так, применительно к ст. 228 УК РФ (незаконные приобретение, хранение, перевозка...) объектом признаются отношения, обеспечивающие легальный режим оборота. Совсем иная картина при сбыте (ст. 228.1 УК РФ): здесь к порядку оборота добавляется дополнительный объект - здоровье населения, поскольку сам факт сбыта уже создает реальную угрозу распространения наркомании.

Хищение либо вымогательство (ст. 229 УК РФ) демонстрируют пример сложного, или составного, объекта. Основным в этом составе выступает собственность (государственных или муниципальных аптек, медицинских учреждений). Дополнительными же - одновременно и порядок оборота, и здоровье населения. Подобная многосоставность отражает комплексный характер общественной опасности подобных посягательств.

Таким образом, содержательное наполнение термина «незаконный оборот наркотиков», широко применяемого как в нормативных актах, так и в доктринальных источниках, до сих пор не получило единого истолкования в науке уголовного права. Подобная разобщенность

объясняется сложной, многогранной природой самой совокупности деяний, объединяемых под указанным обозначением.

В основе юридической природы рассматриваемых преступлений лежит четырехуровневая классификация объекта посягательства. Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ посягают на одно из важнейших конституционных благ - здоровье населения. Объект этих преступлений является сложным и требует дифференцированного подхода в зависимости от конкретного состава.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. [ред. от 20 февраля 2026 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ: принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, №1 (ч. 1), ст. 1.

3. Беляев, И.Ю. Международно-правовое регулирование противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / И.Ю. Беляев // Закон и власть. – 2025. – № 11. – С. 122-127.

4. Овечкин, С.И. Общая характеристика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / С.И. Овечкин // Моя профессиональная карьера. – 2025. – Т. 2, № 70. – С. 328-335.

5. Коробцов, В. А. Понятие незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ / В. А. Коробцов // Молодой ученый. – 2023. – № 42 (489). – С. 220-223.

6. Романова, Н.Р. Особенности противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / Н.Р. Романова // Интернаука. – 2025. – № 45-6 (409). – С. 41-42.

7. Шарифзода, П.Р. О совершенствовании деятельности в области противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или прекурсоров / П.Р. Шарифзода // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 2. – С. 296-298.

Соколов Н.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Ключников А.Ю., канд. юрид. наук, доц.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ АКТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Аннотация

В данной научной статье представлены проблемы квалификации акта международного терроризма в российском уголовном праве, выявляются коллизии норм и предлагаются пути их разрешения.

Ключевые слова: акт международного терроризма, квалификация преступлений, уголовное право Российской Федерации, коллизии норм, разграничение составов преступлений.

Акт международного терроризма – это преступление против мира и безопасности человечества, ответственность за которое предусмотрена статьей 361 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данная норма была введена Федеральным законом от 6 июля 2016 года № 375-ФЗ и включена в главу 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества».

Под актом международного терроризма понимается «совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов, либо направленных против интересов Российской Федерации, а также угроза совершения указанных действий» [1].

Необходимость введения данной нормы была обусловлена эскалацией международной террористической угрозы и участившимися случаями нападений на российских граждан за рубежом. «Как отмечается в литературе, события, произошедшие 12 января 2016 года в Стамбуле, стали непосредственной причиной реформирования законодательства в данной сфере» [2].

Прежде чем перейти к детальному анализу юридического состава акта международного терроризма, необходимо отметить, что законодательное определение данного деяния, закрепленное в ст. 361 УК РФ, имеет свои особенности, отличающие его от смежных преступлений террористической направленности. Понимание этих законодательных дефиниций является основой для дальнейшего постатейного разбора элементов состава преступления.

«Основным объектом акта международного терроризма выступают общественные отношения по обеспечению безопасности граждан Российской Федерации, находящихся за ее пределами, либо интересов Российской Федерации как государства. Родовым объектом является мир и безопасность человечества. Дополнительным объектом выступают жизнь, здоровье, свобода, неприкосновенность граждан Российской Федерации при нахождении их за пределами России» [3]. Как справедливо отмечается в доктрине, отличие акта международного терроризма от террористического акта (ст. 205 УК РФ) заключается прежде всего в объекте посягательства: если объект террористического акта – общественная безопасность, то объект акта международного терроризма – безопасность человечества и мирное сосуществование государств.

Объективная сторона преступления, предусмотренного частью 1 статьи 361 УК РФ, выражается в совершении вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации [4]. Обязательным признаком объективной стороны является место совершения преступления – вне пределов территории Российской Федерации, то есть на иностранной либо нейтральной территории. Под «иными действиями» в доктрине предлагается понимать любое действие, ставящее в опасность жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность хотя бы одного человека и совершенное с целями, присущими акту международного терроризма. «Преступление считается оконченным с момента совершения действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность хотя бы одного гражданина Российской Федерации, либо с момента совершения действий, направленных против интересов Российской Федерации. Угроза совершения указанных действий также образует самостоятельный состав оконченного преступления» [5]. Часть 2 статьи 361 УК РФ предусматривает ответственность за финансирование деяний, предусмотренных частью первой, а также за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в их совершение, либо вооружение или подготовку лица в целях совершения указанных деяний. «Под финансированием понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения преступления» [6]. Часть 3 статьи 361 УК РФ устанавливает квалифицирующий признак – причинение смерти человеку в результате совершения деяний, предусмотренных частью первой.

Субъективная сторона акта международного терроризма характеризуется виной в виде прямого умысла. Обязательным признаком

субъективной стороны является специальная цель – нарушение мирного сосуществования государств и народов либо совершение акта, направленного против интересов Российской Федерации. При этом мотив преступления не является обязательным признаком и на квалификацию содеянного не влияет. Субъективное отношение виновного к причинению смерти по части 3 статьи 361 УК РФ может быть как умышленным, так и неосторожным. Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 14-летнего возраста.

Закрепленная в статье 361 УК РФ конструкция состава преступления, несмотря на кажущуюся определенность законодательных дефиниций, порождает значительные сложности при ее применении на практике. Анализ объективных и субъективных признаков показывает, что многие из них сформулированы оценочно либо отсылочно, что неизбежно приводит к неоднозначному толкованию правоприменителем. В связи с изложенным возникает необходимость выявления и системного анализа основных проблем, возникающих в процессе квалификации актов международного терроризма.

Анализ судебной практики и доктринальных источников позволяет выделить следующие основные проблемы квалификации актов международного терроризма:

Проблема разграничения со смежными составами. Наиболее остро стоит вопрос о разграничении акта международного терроризма (ст. 361 УК РФ) и террористического акта (ст. 205 УК РФ). Как отмечает Вечканова А.П., существует коллизия норм между указанными статьями, поскольку отдельные деяния могут быть квалифицированы одновременно по обеим нормам. Основным критерием разграничения выступает место совершения преступления и объект посягательства: для ст. 361 УК РФ обязательным признаком является совершение деяния вне пределов территории России и направленность против безопасности человечества и мирного сосуществования государств.

Проблема неосторожного причинения смерти. А.Г. Кибальник и В.А. Суворов указывают на отсутствие в статье 361 УК РФ такого квалифицирующего признака, как причинение смерти по неосторожности. «В настоящее время сложилась ситуация, когда умышленное причинение смерти охватывается частью 3 ст. 361 УК РФ, а неосторожное причинение аналогичного последствия требует дополнительной квалификации по ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). Это влечет необходимость назначения наказания по совокупности преступлений» [7].

Проблема определения «иных действий». Отсутствие легального определения понятия «иные действия» в диспозиции части 1 статьи

361 УК РФ создает сложности при квалификации, поскольку не всякое действие, ставящее в опасность жизнь и здоровье граждан, может быть признано актом международного терроризма. Как справедливо отмечается в литературе, требуется дополнительное толкование данного признака.

Проблема доказывания специальной цели. Нарушение мирного сосуществования государств и народов либо направленность против интересов Российской Федерации являются обязательными признаками субъективной стороны. Однако доказывание данных целей представляет значительную сложность для органов предварительного расследования, особенно в случаях, когда террористический акт совершается наемниками или лицами, не имеющими прямой связи с враждебными государствами или организациями.

Проблема экстерриториального действия нормы. Поскольку преступление совершается вне пределов Российской Федерации, возникает проблема получения доказательств, проведения следственных действий на территории иностранных государств, а также проблема выдачи лиц, совершивших преступление. Отсутствие эффективных механизмов международного сотрудничества в данной сфере существенно затрудняет привлечение виновных к уголовной ответственности.

Указанные проблемы квалификации приобретают особую остроту в современных геополитических условиях. С 2016 года, когда статья 361 УК РФ была введена в действие, международная обстановка характеризовалась ростом напряженности и увеличением количества террористических угроз в отношении российских граждан и объектов за рубежом.

В условиях проведения Российской Федерацией антитеррористической операции на территории Сирийской Арабской Республики, а также в контексте продолжающегося конфликта на Украине, количество потенциальных угроз совершения актов международного терроризма в отношении российских граждан и интересов России значительно возросло. Это делает вопросы квалификации данных преступлений не просто теоретическими, но имеющими прямое практическое значение.

Проблема неосторожного причинения смерти является актуальной, поскольку при совершении взрывов, поджогов и иных действий общеопасным способом виновный может не желать наступления смерти, однако такие последствия объективно наступают. В действующей редакции статьи 361 УК РФ отсутствует дифференциация ответственности в зависимости от формы вины по отношению к смерти потерпевшего, что создает риск несправедливого наказания.

«Проблема разграничения со смежными составами обострилась после внесения изменений Федеральным законом от 28 апреля 2023 года № 157-ФЗ, которыми были скорректированы санкции части 1 и части 2 статьи 361 УК РФ» [8]. Эти изменения свидетельствуют о динамике законодательного регулирования, но не устранили концептуальных проблем квалификации.

Сложности экстерриториального действия нормы подтверждаются отсутствием опубликованной судебной практики по статье 361 УК РФ, что может свидетельствовать о низкой эффективности применения данной нормы на практике. Как отмечается в литературе, «несмотря на введение статьи в 2016 году, количество осужденных по ней крайне незначительно, что связано прежде всего с проблемами доказывания и международного взаимодействия» [9].

На основе анализа выявленных проблем представляется возможным предложить следующие способы их решения:

Совершенствование законодательной техники. Для решения проблемы неосторожного причинения смерти целесообразно дополнить статью 361 УК РФ квалифицирующим признаком, предусматривающим ответственность за причинение смерти по неосторожности, как это сделано в статье 205 УК РФ. А.Г. Кибальник и В.А. Суворов обоснованно предлагают выделить в ст. 361 УК РФ в качестве самостоятельного квалифицирующего признака неосторожное причинение смерти человеку, что позволит избежать необходимости квалификации по совокупности преступлений и обеспечит справедливое назначение наказания.

Унификация смежных составов. В доктрине высказывается предложение об исключении статьи 361 УК РФ как самостоятельной нормы и дополнении статьи 205 УК РФ квалифицирующими признаками, отражающими международный характер деяния – совершение террористического акта в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленного против интересов Российской Федерации. По мнению Вечкановой А.П., такой подход позволил бы избежать коллизий и упростить квалификацию.

Совершенствование международного сотрудничества. На международном уровне необходимо активизировать работу по заключению двусторонних и многосторонних соглашений о выдаче лиц, совершивших акты международного терроризма, а также о правовой помощи по уголовным делам данной категории. Следует использовать механизмы Интерпола и иных международных организаций для розыска и экстрадиции преступников.

Статья 361 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающая ответственность за акт международного терроризма, явля-

ется важным инструментом противодействия террористической угрозе в условиях глобализации и роста международной напряженности. Введение данной нормы стало адекватным ответом российского законодателя на вызовы современности.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 20 февраля 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 3303.

2. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / ответственный редактор В. М. Лебедев. – Москва: Юрайт, 2026. – С. 371.

3. Бельский А.И., Якимова В.И., Карпушин О.Е. Проблемные вопросы квалификации акта международного терроризма // Вопросы современной юриспруденции. – 2020. – № 1. – С. 48-54.

4. Вечканова А.П. О некоторых проблемах законодательной техники понятия «акт международного терроризма» // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2024. – № 3. – С. 8-11.

5. Воднева М.А. Принцип справедливости в связи с уголовно-правовой нормой об ответственности за акт международного терроризма: проблемные аспекты // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2022. – № 5. – С. 64-71.

6. Кибальник А.Г., Суворов В.А. Квалификация акта международного терроризма // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 42-47.

7. Кондурова А.Д. Акт международного терроризма (статья 361 Уголовного кодекса Российской Федерации): актуальные проблемы: магистерская диссертация. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020.

8. Койнов Д.С. Уголовно-правовая характеристика акта международного терроризма: выпускная квалификационная работа. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2025.

9. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2023. – 704 с.

Сокольских С.Р., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид наук, доц.

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ РАЗГЛАШЕНИЯ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы связанные с расследованием разглашения данных предварительного расследования ответственность за что предусматривается ст. 310 Уголовного кодекса РФ. Особое внимание уделяется современным способам совершения преступления в условиях цифровизации, а также проблемам установления источника утечки информации о предварительном расследовании.

Ключевые слова: предварительное расследование, разглашение тайны, подписка, цифровизация, противодействие расследованию, уголовное дело.

Институт предварительного расследования имеет особое значение для всей уголовно-правовой системы. Именно на этой стадии устанавливается важная для расследования уголовного дела информация, которая нередко касается частной жизни ряда лиц, государственной тайны и иных обстоятельств, разглашение которых может нарушить всю систему государственного обвинения или даже поставить под угрозу жизни участников уголовного судопроизводства.

Современный Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 2001 г. [2] в ст. 161 предусматривает презумпцию недопустимости разглашения данных досудебного производства, а в случае нарушение установленного запрета лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 310 Уголовного кодекса РФ от 1996 г. [1]. Расследование указанного преступление имеет свои особенности, которые связаны с предметом доказывания по факту совершения преступления, возможностями совершения преступления в цифровой среде, а также установления субъективной стороны преступления, в т. ч. если преступления совершается группой.

Итак, предмет преступления, предусмотренного в ст. 310 УК РФ являются определенные сведения, ставшие известными до или в рамках предварительного расследования другого преступления. Определенной категории таких данных, выделенной в УПК РФ в настоящее время нет, но исходя из содержания Раздела VIII УПК РФ к числу данных предварительного расследования относятся сведения, полученные

в ходе предварительного следствия или дознания, которые в т. ч. могут быть связаны с осуществление определенных следственных действий. К числу данных предварительного следствия, которые не подлежат разглашению можно отнести план расследования и выдвигаемые следственные действия, полученные в ходе расследования доказательства, а также результат их оценки, сведения о лицах имеющих непосредственное отношение к расследованию уголовного дела, результаты оперативно-розыскной деятельности, а также иные сведения которые могут оказать влияние на итог расследования.

УПК РФ содержит только указание на сведения, запрет на разглашении которых не распространяется: данные о нарушении закона органами власти и должностными лицам, публично распространенные сотрудниками правоохранительных органов данные, а также сведения оглашенные в открытом судебном заседании. Полагаем, что отсутствие четкого перечня данных составляющих предмет преступления по ст. 310 УК РФ является особенностью и одновременно проблемой, для расследования таких деяний. Д.В. Герасименя отметил, что «нельзя абсолютно всю информацию, имеющуюся в материал уголовного дела, считать данными предварительного расследования применительно к тайне следствия и, соответственно. Абсолютно вся информация не может и не должна находится под запретом разглашения» [4, с. 135].

Другая особенность связана с тем, что в настоящее время большая часть информации передается посредством использования сети Интернет или иных цифровых средств передачи данных. Не секрет, что уже длительное время сотрудники правоохранительных органов, в частности следователи и дознаватели, оперативные сотрудники используют в своей работе личные мобильные телефоны. Причин тому много: от отсутствия служебных мобильных телефонов, которые нужны для общения, до невозможности иным образом зафиксировать нарушение или какую-либо информацию, имеющую значение для расследования уголовного дела. Так, стоит отметить, что несмотря на блокировку ряда мессенджеров, фотографирование материалов дела на личный телефон и пересылка через сеть Интернет, чаще всего через незащищенные каналы связи, имеет место и в современной практике. Данный способ создает специфический «цифровой след», который требует незамедлительного изъятия и осмотра мобильного устройства с участием специалиста, но стоит отметить, что государство не предлагает сотрудникам никакой альтернативы. В современных условиях работать без телефона и не использовать его возможности в ходе расследования практически невозможно, это может негативно сказаться на всей практике расследования, увеличит сроки расследования, снизить эффективность и результативность сотрудников.

К такого рода уголовной ответственности могут привлекать самих сотрудников правоохранительных органов и тогда возникает вопрос нужно ли устанавливать факт предупреждения его о недопустимости разглашения данных предварительного расследования. Полагаем, что сама суть работы сотрудников правоохранительных органов связана с запретом на разглашение данных расследования, поэтому никакого специального предупреждения или расписки должностное лицо, занимающееся расследованием преступлений давать не должно и автоматически привлекается к ответственности за халатность. Иначе обстоит дело с лицами, которые узнали данные предварительного расследования на основании тех сведений, которые хранились в открытом доступе у следователя ли дознавателя. Такие лица, как правило, ни о чем не предупреждаются и фактически не могут нести ответственность по ст. 310 УК РФ.

При расследовании нужно прежде всего установить круг лиц, которым распространенная информация могла быть известна. Круг субъектов широк: свидетели, потерпевшие, понятые, переводчики, эксперты, специалисты, адвокаты (защитники и представители), а также сотрудники правоохранительных органов, не наделенные правом давать публичные комментарии по делу.

Здесь особое внимание следует уделить установлению умысла виновного лица. Самой распространенной линией защиты по ст. 310 УК РФ является утверждение о том, что лицо не осознавало запрета на разглашение конкретных данных, либо считало, что сведения уже утратили конфиденциальность. Если говорить о самих сотрудниках правоохранительных органов, то они могут говорить о том, что утечка данных произошла случайно, что данные им нужны для расследования другого дела и что посторонние такую информацию не получали. При этом, особый статус есть у обвиняемых и подозреваемых, о чем пишет Е.А. Бравилов: «вероятно, подозреваемый и обвиняемый должны предупреждаться не об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ, а о том, что в отношении них может быть избрана более строгая мера пресечения, в том числе заключение под стражу, или, в случае нарушения данной им подписки, мера пресечения изменена на более строгую» [3, с. 90].

Второй тап расследования должен быть связан с формированием типичных следственных ситуаций. Чаще всего все следственные ситуации можно разделить на две группы: источник разглашения известен и источник разглашения не известен. Последний вариант является наиболее сложным и требует особого внимания при допросе подозреваемых, а также оценки данных их биллинга телефонных соединений. При установлении указанных данных можно будет выявить виновное лицо и обстоятельства совершения деяния.

Таким образом, расследование разглашения данных предварительного расследования требует от следователя и органов дознания высокой квалификации и знаний процессуальных особенностей расследования преступлений, правил фиксации данных и работы с информационными ресурсами. В настоящее время практически любая утечка информации имеет след, что и станет основой всего расследования.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. [ред. от 20 февраля 2026 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 05 декабря 2001 г. [ред. от 08 марта 2026 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

3. Бравилова, Е. А. О субъектах, которые могут быть предупреждены об ответственности за разглашение данных предварительного расследования / Е. А. Бравилова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2024. – № 3(43). – С. 86-91.

4. Герасименя, Д. В. Данные предварительного расследования в контексте запрета их разглашения: проблемы толкования / Д. В. Герасименя // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности. – 2023. – № 3. – С. 132-136.

Сысоева Н.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид наук, доц.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АКТЫ СТАДИИ ПОДГОТОВКИ К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ

Аннотация

В статье исследуются процессуальные акты, принимаемые на стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству, как важнейшего этапа судебного производства. Раскрывается правовая природа данной стадии, ее двойственная функция, сочетающая подготовительные и контрольные задачи. Особое внимание уделяется классификации

постановлений судьи, их содержанию и особенностям вынесения, в том числе в рамках предварительного слушания. Анализируются вопросы назначения судебного заседания, возвращения уголовного дела прокурору, прекращения и приостановления производства, а также определения подсудности. Выявляется проблема несогласованности норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих основания проведения предварительного слушания и виды принимаемых решений. Предлагается направление совершенствования законодательства, направленное на устранение выявленных противоречий и повышение эффективности правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебное разбирательство, предварительное слушание, процессуальные акты, постановление судьи, подсудность, меры пресечения, доказательства.

Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству традиционно выделяется в качестве самостоятельного этапа уголовного процесса, поскольку на ней решается комплекс специфических задач, без выполнения которых переход к судебному рассмотрению невозможен. По сути, это начальная стадия судебного производства, формирующая основу для дальнейшего разбирательства дела по существу. В научной литературе данному процессуальному институту уделяется значительное внимание, включая фундаментальные исследования монографического характера. Это объясняется его особой ролью в системе уголовного судопроизводства. Так, В. М. Лебедев, анализируя развитие данного института, справедливо указывал, что любые реакционные преобразования в уголовном процессе, как правило, сопровождались ослаблением или устранением стадии предания суду, тогда как прогрессивные реформы, напротив, были направлены на ее укрепление [1, с. 36]. Подобная закономерность прослеживается и в современном российском законодательстве, где стадия подготовки дела была трансформирована с учетом принципа состязательности. Особую значимость данная стадия приобретает в связи с тем, что она находится на стыке досудебного и судебного производства. С одной стороны, досудебное производство во многом сохраняет черты инквизиционной модели, с другой — судебное разбирательство должно строиться на принципах состязательности, закрепленных в ст. 123 Конституции Российской Федерации. В этих условиях стадия подготовки дела выступает в роли проверочного механизма, обеспечивающего переход к полноценному судебному процессу. Специфика рассматриваемого этапа заключается в сочетании двух групп задач. Первая группа связана с подготовкой судебного заседания и включает организационные действия суда. Вторая группа носит контрольный характер и направлена на проверку законности и обоснован-

ности результатов предварительного расследования. Таким образом, данная стадия одновременно устраняет препятствия для судебного разбирательства и способствует его эффективности.

Процессуальные акты, принимаемые на этом этапе, оформляются в виде постановлений, которые выносятся судьей единолично. Их можно условно разделить на несколько категорий: решения, связанные с организацией будущего судебного заседания, и решения, отражающие оценку судом результатов проведенного расследования. Среди рассматриваемых процессуальных актов особую значимость приобретают постановления о передаче уголовного дела по подсудности, а также решения, направленные на обеспечение гражданского иска либо потенциальной конфискации имущества. Указанные акты обладают самостоятельной правовой природой и оказывают непосредственное влияние на гарантии прав участников уголовного судопроизводства [4]. Отдельные процессуальные решения могут быть приняты исключительно по результатам предварительного слушания. Судья выносит постановление о его назначении как по собственной инициативе, так и на основании ходатайства сторон при наличии предусмотренных законом условий. В ходе такого слушания разрешаются ключевые вопросы, имеющие определяющее значение для дальнейшего рассмотрения дела: оценивается допустимость доказательств, решается вопрос о возвращении материалов прокурору, возможном прекращении или приостановлении производства, а также определяется форма судебного разбирательства. При отсутствии оснований для проведения предварительного слушания судья принимает решение о назначении судебного заседания. В то же время, если возникает необходимость разрешения вопроса о мере пресечения, может быть проведено отдельное судебное заседание с вынесением соответствующего постановления. Аналогичный порядок применяется и при рассмотрении вопросов, связанных с наложением ареста на имущество. Следует отметить, что действующее уголовно-процессуальное регулирование содержит определенные противоречия [2, с. 105]. Так, основания для проведения предварительного слушания не всегда соотносятся с перечнем решений, принимаемых по его итогам. Данное обстоятельство обусловлено стремлением законодателя к обеспечению процессуальной экономии, при которой в рамках одного процессуального акта разрешается сразу несколько взаимосвязанных вопросов.

Постановление о назначении судебного заседания выступает центральным документом данной стадии. В нем отражаются сведения о суде, судье, личности обвиняемого, а также указывается правовая квалификация инкриминируемого деяния. В описательной части обязательно подлежит проверке вопрос подсудности. Кроме того, судья

обязан удостовериться в соблюдении процессуальных прав обвиняемого, включая факт вручения ему обвинительного заключения.

В резолютивной части фиксируется решение о назначении судебного разбирательства, определяется его форма, указываются дата, место проведения и состав суда. Аналогичным образом оформляются решения о прекращении либо приостановлении производства по делу, фактически исключающие возможность его дальнейшего движения. Особого внимания заслуживает и роль прокурора на предшествующей стадии. Уголовно-процессуальное законодательство лишь в общем виде закрепляет обязанность прокурора рассмотреть поступившее уголовное дело с обвинительным заключением, не раскрывая детально содержание данной проверки. На практике соответствующая деятельность конкретизируется ведомственными нормативными актами. В случае выявления недостатков, таких как недостаточность доказательственной базы, ошибочная квалификация деяния либо неполнота проведенного расследования, прокурор обязан возвратить дело следователю для устранения допущенных нарушений. Статистические данные свидетельствуют о том, что значительная часть уголовных дел рассматривается в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. В связи с этим возрастает значение стадии подготовки дела к судебному разбирательству по делам, рассматриваемым в общем порядке. Представляется, что более широкое применение института предварительного слушания в таких случаях способствовало бы усилению судебного контроля и обеспечению дополнительных гарантий защиты прав обвиняемых.

Таким образом, стадия подготовки уголовного дела к судебному заседанию является важнейшим элементом уголовного процесса, от эффективности реализации которого во многом зависит качество и результативность последующего судебного разбирательства.

Список цитируемой литературы:

1. Лебедев В. М. Судебная власть в Российской Федерации: проблемы теории и практики. — М.: Норма, 2020.

2. Божьев В. П. Уголовный процесс: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2021.

3. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник. — СПб.: Питер, 2022.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству».

Тарасов П.П., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Егоров В.А., канд. пед. наук, доц.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КРАЖ И ГРАБЕЖЕЙ, СОВЕРШАЕМЫХ МАРГИНАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ В МЕСТАХ МАССОВОГО СКОПЛЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Аннотация

В статье исследуются актуальные проблемы предупреждения корыстных посягательств таких как, краж и грабежей, совершаемых представителями маргинальных социальных групп в местах с высокой концентрацией граждан. Анализируются криминологические особенности личности преступника-маргинала. Автором предлагается комплекс специализированных мер профилактики, включая алгоритм межведомственного взаимодействия полиции, служб социального контроля и администрации объектов. Обосновывается вывод о необходимости перехода от ситуативного реагирования к прогностическому мониторингу маргинальных групп.

Ключевые слова: кражи; грабежи; маргинальные группы; предупреждение преступлений; места массового скопления людей; криминологическая профилактика; бездомные; вокзалы; виктимность; ситуационный контроль.

Актуальность темы обусловлена устойчивым характером корыстной преступности в публичных пространствах. Согласно данным МВД РФ, за последние два года почти 18% всех зарегистрированных краж и 23% грабежей совершены в местах массового пребывания граждан: железнодорожные и автовокзалы (до 41% от числа преступлений на транспорте), станции метро, крупные торговые центры, рынки и остановки общественного транспортах [5]. Особенность этих делинквентных актов — высокая доля участия представителей маргинальных групп. В криминологии маргинальность рассматривается не просто как социальное исключение, а как криминогенный фактор, формирующий устойчивые паттерны противоправного поведения. Для лиц без определенного места жительства, мигрантов с неурегулированным статусом, хронических алкоголиков и наркозависимых места массового скопления людей выступают «естественной средой обитания», где минимальны риски идентификации и максимальна концентрация потенциальных жертв [6].

Исходя из эмпирических исследований, можно выделить основной тип маргинальных преступников, совершающих хищения в люд-

ных местах. Это тип — «ситуативный мародер», то есть лицо без определенного рода занятий, находящееся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Преступление носит не планируемый, а импульсивный характер: кража оставленной без присмотра сумки, телефона на стойке регистрации или грабеж с рывком.

К факторам риска относятся использование наушников (снижение слухового контроля), размещение телефона или кошелька в заднем кармане джинсов при посадке в транспорт, а также сон на вокзале, классическая ситуация для краж чемоданов и рюкзаков. Эмпирическое правило таково: маргинальный преступник за три-пять секунд сканирует толпу и выбирает того, кто не смотрит по сторонам и не меняет позу. В связи с этим виктимологическая профилактика здесь зачастую важнее уголовной репрессии [4, с.182].

Действующая система предупреждения включает патрулирование ППС и транспортной полиции, но плотность нарядов низкая — один сотрудник на три-пять тысяч человек в час пик, системы видеонаблюдения с распознаванием лиц (эффективны для раскрытия, но не для предупреждения), а также административное выдворение маргиналов из зон вокзалов, но оно лишь смещает преступность на двести-триста метров. Можно выделить две основные проблемы. Проблема №1 — юридическая квалификация. Часто грабеж, открытое хищение переквалифицируют в кражу (тайное) из-за неявной позиции потерпевшего. Маргинал пользуется этим: если его заметили, он бросает вещь — и состав преступления исчезает [1, с. 146]. Проблема №2 — отсутствие механизма «третьего места». Вокзалы и переходы — зона ничьей ответственности: РЖД отвечает за коммерцию, полиция — за порядок, соцзащита — за бездомных. Как следствие, никто не отвечает за среднесрочную профилактику.

На основе сравнительного анализа, опыта метрополитенов Токио, Парижа и московского метро, предлагается трехуровневая система совершенствования предупредительной деятельности. Уровень А — архитектурно-ситуационный, направленный на снижение криминальных возможностей. Сюда входит перепланировка зон ожидания с ликвидацией глухих углов и тупиков, где маргиналы спят или прячут добычу, установка ячеек хранения с биометрией, лицо плюс отпечаток пальца, в местах посадки для исключения ситуации «положил телефон на зарядку и отошел», а также использование белого шума в лифтах и переходах для снижения возможности скрытно подкрасться. Уровень Б — целевой социальный контроль, то есть работа с маргиналами. Предлагается введение «дорожной карты маргинала» на вокзалах: каждый выявленный БОМЖ получает талон с QR-кодом, и, если он получает два талона за неделю, следует принудительное направление в

центр социальной адаптации или штраф как альтернатива уголовной ответственности за мелкую кражу. Кроме того, необходимо создание мобильных бригад экстренной социальной помощи на крупных транспортных узлах (психолог, соцработник и полицейский), которые не задерживают, а «забирают» маргинала из зоны риска до совершения преступления [3, с. 180]. Уровень В — виктимологическое просвещение населения: вмонтированные в пол панно перед эскалаторами с напоминанием «Проверь рюкзак» или сенсорные, как в Стокгольме, а также аудиоролики не традиционного содержания «Осторожно, двери закрываются», а с призывом «Уберите телефон из заднего кармана».

Предупреждение краж и грабежей, совершаемых маргиналами в местах массового скопления людей, не может сводиться к ужесточению уголовной репрессии. Рецидив у данной категории при тюремном заключении достигает 70% (данные ФСИН). Необходим переход от парадигмы «вытеснения» к парадигме «выведения из маргинального пространства» через комплекс ситуационных, социальных и архитектурных мер [7, с.116]. Ключевой вывод: эффективность профилактики обратно пропорциональна расстоянию между постом полиции и точкой продажи дешевого алкоголя. Сокращение этого расстояния путем административного регулирования ларьков у выходов из метро способно снизить число импульсивных грабежей на 25–30%.

Список цитируемой литературы:

1. Буданова, Е. Л. Объект и предмет уголовно-правовой охраны преступлений против собственности: современные проблемы квалификации : монография / Е. Л. Буданова. — Воронеж : Воронежский институт МВД РФ, 2004. — 220 с. — Текст : непосредственный.

2. Гилинский, Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я. И. Гилинский. — 5-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2021. — 528 с. — Текст : непосредственный.

3. Дворянсков, И. В. Постпенитенциарная пробация: концептуальные принципы / И. В. Дворянсков // Пенитенциарная наука. — 2024. — Т. 18, № 2 (66). — С. 179–186. — Текст : непосредственный.

4. Омуралиев, Н. Ш. Объективные признаки кражи, совершенной из одежды или ручной клади, находящейся при потерпевшем (карманная кража) / Н. Ш. Омуралиев // Известия вузов Кыргызстана. — 2015. — № 4. — С. 181–183. — Текст : непосредственный.

5. Официальный сайт МВД России. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 15.04.2026).

6. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/crimestat/ (дата обращения: 15.04.2026).

7. Шульц, Е.В. Анализ актуального состояния правового регулирования деятельности центров пробации в рамках решения задачи снижения рецидивной преступности лиц без определенного места жительства / Е.В. Шульц // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. — Псков: Санкт-Петербургский университет ФСИН России, 2024. — С. 115–120. — Текст : непосредственный.

Толстых Н.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В. М., канд. юрид наук, доц.

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ВОЕННО-УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация

Статья посвящена анализу теоретических и практических аспектов реализации уголовной ответственности в период вооруженного конфликта. Автором обосновывается необходимость выделения военно-уголовно-исполнительного права в качестве подотрасли права Российской Федерации. Рассматриваются особенности исполнения наказаний в отношении военнопленных, лиц, совершивших преступления в зоне боевых действий, а также проблемы пенитенциарной системы в экстремальных условиях.

Ключевые слова: уголовная ответственность; вооруженный конфликт; военно-уголовно-исполнительное право, военнопленные; исполнение наказаний; международное гуманитарное право; пенитенциарная система.

Вооруженные конфликты в современном мире (международные или внутригосударственные) сопровождаются не только боевыми действиями, но и сложными процессами реализации уголовной ответственности. Субъектами или объектами уголовно-правовых отношений могут стать как военнослужащие и гражданские лица на оккупированных территориях, так и комбатанты и некомбатанты. Однако классическое уголовно-исполнительное право, ориентированное на

условия мирного времени, оказывается не вполне приспособленным к реалиям военного времени [3, с. 345].

В связи с этим, возникает потребность в формировании специализированного правового института – военно-уголовно-исполнительного права.

Цель данной статьи заключается в выявлении предмета, методов и принципов подотрасли, а также в анализе проблем реализации уголовной ответственности в условиях вооруженного конфликта на примере современных практик.

Традиционно уголовно-исполнительное право регулирует порядок и условия отбывания наказаний, а также деятельность учреждений и органов, их исполняющих. Однако условия во время военного конфликта вносят некоторые изменения.

Во-первых, изменяется состав субъектов. Помимо с осужденными по общим нормам появляются специальные категории: военнопленные, совершившие военное преступление; интернированные гражданские лица; военнослужащие, осужденные военным трибуналом за дезертирство или мародерство [5, с. 112].

Во-вторых, меняются условия содержания. А именно, боевые действия, разрушение инфраструктуры, блокада, отсутствие связи с вышестоящими органами. Данные условия меняют процедуру стандартных действий, используемых в условиях мирного времени. Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы устанавливают минимальные требования, но их реализация сталкивается с непреодолимыми трудностями [1].

В-третьих, помимо всего вышесказанного, возникает коллизия между нормами национального уголовно-исполнительного права и международного гуманитарного права. Например, принудительный труд осужденных в обычных условиях допустим, а в отношении военнопленных – запрещен, что прописано в статье 51 Женевской конвенции об обращении с военнопленными [2].

Таким образом, предметом военно-уголовно-исполнительного права следует считать именно общественные отношения, которые возникают при исполнении всех видов уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера в период вооруженного конфликта, а также в отношении лиц, чей правовой статус определяется нормами международного гуманитарного права.

За последние десятилетия практика вооруженных конфликтов (Сирия, Нагорный Карабах, Украина, сектор Газа) показывает нам неоднородность подходов к реализации уголовной ответственности.

Наиболее обширной категорией преступлений против военной службы в условиях боевых действий принято считать: самовольное

оставление части; дезертирство; неисполнение приказа. В таких случаях затруднено исполнение наказаний в виде содержания в дисциплинарной воинской части или ареста из-за отсутствия стационарных гарнизонов. Как следствие, применяются экстраординарные меры: сокращенные сроки рассмотрения дел, назначение наказаний, не связанных с изоляцией (ограничения по службе), либо отсрочка исполнения приговора до окончания боевых действий [7, с. 130]. Данные действия применяются к военнослужащим собственных вооруженных сил.

Другой категорией лиц являются военнопленные, которых подозревают в совершении военных преступлений. В данном случае возникает двойной правовой режим. С одной стороны, военнопленный пользуется защитой Женевской конвенции III. С другой, к нему применяются нормы уголовного права, в случае если он обвиняется в военном преступлении, а именно: убийство пленных, пытки, использование запрещенных средств ведения войны. Держащая в плену сторона обязана обеспечить справедливый суд, но на практике пленение часто используется как альтернатива формальному уголовному преследованию [4, с. 335].

Однако возникает проблема из-за отсутствия специализированных учреждений. Обычные тюрьмы не приспособлены к режиму военного плена, а лагеря для военнопленных не совпадают с уголовно-исполнительными требованиями.

Третьей группой лиц является гражданское население на оккупированных территориях. Их наказания регламентируются IV Женевской конвенцией гуманного обращения с гражданскими лицами. Но помимо этого, держава, производящая оккупацию, вправе привлекать их к уголовной ответственности за действия, угрожающие ее безопасности. Исполнение наказаний в таких случаях осуществляется под контролем оккупационных властей, что порождает злоупотребления [8, с. 126]. Например, коллективные наказания; принудительное исчезновение лиц; использование тюрем как инструмента политического давления.

В период вооруженного конфликта также возникают проблемы с пенитенциарной системой (государственный механизм, занимающийся исполнением наказаний за преступления). Любой вооруженный конфликт ведет к деградации или полному уничтожению государственной инфраструктуры. Так, например, тюрьмы попадают под обстрел, персонал разбегается или погибает, заключенные остаются без охраны и продовольствия. Особо остро эта проблема проявилась в Ираке после падения режима Саддама Хусейна, когда были открыты все тюрьмы, а тысячи опасных преступников вышли на свободу [9, с. 201].

Ключевыми проблемами данной системы являются:

- Физическая безопасность учреждений уголовно-исполнительного механизма, которые не обладают иммунитетом от нападения, если не

используются в военных целях, но на практике их часто занимают воюющие стороны.

- Медицинское обеспечение: эпидемии, нехватка лекарств, невозможность эвакуации раненных заключенных.

- Женевские конвенции гарантируют военнопленным право на переписку и посылки, но в условиях активных боевых действий это право зачастую не реализуется.

- Сотрудники уголовно-исполнительной системы в условиях военного времени призываются в армию или эвакуируются, что приводит к кадровому дефициту.

В условиях всех, перечисленных выше проблем, возникает потребность в создании временных пенитенциарных органов (полевых тюрем, функционирующих по упрощенным, но не противоречащим международным стандартам правил.

На данный момент существует ряд источников, которые можно отнести к военно-уголовно-исполнительному праву:

1. Международные договоры: Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы 1977 года, которые включают в себя положения о режиме содержания военнопленных, интегрированных; правила обращения с осужденными на оккупированных территориях) [2].

2. Национальное законодательство: в РФ – Уголовно-исполнительный кодекс, Положение о дисциплинарной воинской части, ведомственные приказы Минобороны и ФСИН.

3. Судебные прецеденты международных трибуналов (МТБЮ, МУТР) и решения Международного уголовного суда, в которых давалась оценка условиям содержания под стражей в ходе конфликта [6, с. 218].

Несмотря на наличие источников, регулирующих уголовно-исполнительное право, в условиях вооруженного конфликта нередко возникает ситуация, когда осужденное лицо или военнопленный, в отношении которого вынесен приговор, оказывается на территории, контролируемой иной стороной конфликта или третьим государством, что порождает проблему экстерриториального исполнения уголовных наказаний. В таких случаях, передача осужденных для отбывания наказания в третьи страны сопряжена с рядом коллизий: различия в режиме содержания, непризнание судебных решений, политические условия [6, с. 222].

Кроме того, в ходе вооруженных конфликтов фиксируются случаи, когда одна сторона выносит заочные приговоры военнослужащим противоположной стороны и пытается инициировать их исполнение через Интерпол или механизмы взаимной правовой помощи. Однако это практически невозможно из-за отсутствия дипломатических отношений и фактического контроля над территорией.

Еще одним аспектом является проблема «тюрем под открытым небом», т. е. наличие блокированных территорий, где осужденные формально не изолированы, но фактически не могут покинуть зону конфликта (сектор Газа, некоторые районы Курдистана). В таких условиях отбывание наказания не соответствует никаким стандартным правилам.

Из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что реализация уголовной ответственности в условиях вооруженного конфликта представляет собой сложный, многоплановый феномен, находящийся на стыке уголовного, уголовно-исполнительного и международного гуманитарного права. Существующие правовые механизмы фрагментарны и часто неэффективны, что наталкивает на создание более полной системы военно-уголовно-исполнительного регулирования.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку конкретных модельных актов и экспериментальное апробирование мобильных пенитенциарных систем в условиях локальных конфликтов.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.: [принята в г. Женеве 12.08.1949] // Действующее международное право. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – Т. 2. – С. 603–644.

2. Международное гуманитарное право: сборник документов / сост. А. Н. Вылегжанин. – М.: Норма, 2020. – 864 с. – ISBN 978-5-91768-789-3.

3. Громов, Н. А. Учреждения и органы, исполняющие наказания, и их правоприминительная деятельность / Н. А. Громов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2023. – № 3. – С. 342–347.

4. Додонов, В. Н. Сравнительное уголовное право: общая часть / В. Н. Додонов. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 448 с. – ISBN 978-5-4396-1570-2.

5. Коряковцев, В. В. Уголовное право. Общая часть / В. В. Коряковцев. – М.: Питер, 2009. – 224 с. – ISBN 978-5-94201-256-8.

6. Стромов, В. Ю. Международно-правовые наказания: система, понятие, общие начала / В. Ю. Стромов // Экономико-юридический журнал. – 2016. – № 4. – С. 216–224.

7. Козина О. А. Особенности применения норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания военнослужащих в период мобилизации и военного положения / О. А. Козина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 10. – С. 128–132.

8. Абдрашитов В. М. Международно-правовая защита гражданского населения в период вооруженных конфликтов / В. М. Абдрашитов. – Волгоград: Символ науки, 2023. – С. 124-127. – ISBN 978-5-00019-187-5.

9. Hafetz, J. Punishing Atrocities in the Shadow of War / J. Hafetz // New York University Journal of International Law and Politics. – 2019. – Vol. 51. – № 1. – P. 195–260. – ISSN 1930-6237.

Тупотилов П.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Сибирский филиал, г. Новосибирск
Научный руководитель – Ладошкин А.С., канд. юрид. наук, доц.

ЗАЛОГ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация

В статье исследуется залог как самостоятельная мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации через противоречие между его нормативным потенциалом и ограниченным практическим применением. На основе формально-юридического анализа статьи 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, судебной статистики, отдельных судебных актов, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и современной лд выявляются дефекты определения суммы залога, проблемы судебной мотивации и неопределенность последствий нарушения обязанностей. Научная новизна работы состоит в обосновании стандарта сравнительной судебной аргументации, критериев индивидуализации суммы залога и необходимости уточнения гарантий залогодателя. Обосновываются направления совершенствования закона и правоприменения.

Ключевые слова: мера пресечения, залог, заключение под стражу, судебный контроль, соразмерность залога, имущественное положение залогодателя, судебная мотивация, уголовный процесс.

Институт залога в российском уголовном процессе сохраняет нормативно значимый, но ограниченно реализуемый статус. Закон относит его к самостоятельным мерам пресечения и связывает с достижением тех же целей, ради которых применяются более строгие ограничения, включая обеспечение явки и предупреждение воспрепят-

ствования производству по делу [8]. Доступная судебная статистика при этом указывает на устойчиво низкую практическую востребованность залога: в 2024 году на стадии судебного производства замена иной меры пресечения залогом отражена лишь в 6 случаях, тогда как домашний арест в сопоставимой позиции применялся 1503 раза, а ходатайства о заключении под стражу удовлетворялись судами в десятках тысяч случаев [7]. Эти показатели не являются полностью тождественными по процессуальной ситуации и потому используются в статье прежде всего как индикатор общей тенденции, однако даже в таком качестве они позволяют зафиксировать крайне редкое применение залога по сравнению с иными мерами пресечения. Применяемое в статье сочетание формально-юридического анализа, анализа судебной практики и статистических данных позволяет выявить причины этой диспропорции и определить условия, при которых залог сможет применяться как действенная альтернатива изоляционным мерам.

Правовая природа залога раскрывается при выходе за пределы гражданско-правовой терминологии. В уголовном процессе денежные средства, ценности либо иное имущество вносятся или передаются на условиях, обеспечивающих возможность их обращения в доход государства как средства гарантировать надлежащее процессуальное поведение подозреваемого или обвиняемого. Поэтому имущественный элемент в конструкции статьи 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации подчинен целям меры пресечения [8]. В доктрине обоснованно подчеркивается, что эффективность залога обусловлена сочетанием риска имущественной утраты и дополнительного фактического стимула к соблюдению обязанностей, если денежные средства или иное имущество вносит третье лицо [9]. Такая модель работает лишь в связи с общими основаниями статей 97 и 99 Кодекса и требует от суда сравнения залога с иными мерами пресечения. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 в редакции от 27 мая 2025 г. специально ориентирует суды на обсуждение более мягкой меры и на соблюдение баланса между публичными интересами и правом на свободу личности [6].

Именно на уровне такого сравнения проявляется ключевая проблема правоприменения, состоящая в недостаточной конкретизации мотивов, по которым суд отвергает залог как достаточную меру пресечения. В апелляционном постановлении Краснодарского краевого суда от 10 сентября 2025 г. отказ в изменении меры пресечения был мотивирован тем, что залог в размере 500 000 руб. не будет способствовать нормальному ходу уголовного судопроизводства безотносительно внесенной суммы [2]. Такая формула оставляет без ответа вопрос, какие именно риски не снимаются имущественной гарантией и почему их нельзя

нейтрализовать менее строгим средством. Тем более показателен противоположный пример, когда Воронежский областной суд 8 апреля 2025 г. заменил заключение под стражу залогом в размере 700 000 руб., указав на связь между характером обвинения, данными о личности, имущественным положением залогодателя и достаточностью избранной суммы для обеспечения явки и надлежащего поведения [1]. Следовательно, проблема состоит в отсутствии устойчивого стандарта мотивировки при выборе между залогом, домашним арестом и заключением под стражу. Судебный отказ в применении залога должен отвечать на вопросы о том, какие конкретные риски сохраняются при внесении предложенной суммы и почему они не могут быть нейтрализованы залогом самостоятельно либо в сочетании с менее строгими ограничениями.

Нормативная модель определения размера залога содержит внутреннее противоречие. Часть 3 статьи 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предписывает учитывать характер преступления, данные о личности и имущественное положение залогодателя, одновременно устанавливая минимальные пороги в 50 000 руб. для преступлений небольшой и средней тяжести и 500 000 руб. для тяжких и особо тяжких преступлений [8]. Закон не объясняет, какое из названных обстоятельств имеет решающее значение и каким образом суду соотносить достаточность залога с вероятностью конкретного процессуального риска. В результате наиболее легко формализуемый критерий, тяжесть обвинения, начинает доминировать над имущественным положением и иными индивидуализирующими данными. На это указывают современные исследователи проблемы применения залога [5], [9], [10].

Подобная неопределенность ведет к фактическому неравенству правового воздействия. Для малоимущего подозреваемого даже минимальный порог по тяжкому обвинению способен сделать залог недоступным, хотя риск уклонения при наличии устойчивых социальных связей может быть умеренным. Для состоятельного лица та же сумма может утратить пресекательный эффект. Поэтому целесообразно законодательное закрепление перечня обстоятельств, которые суд обязан раскрыть в мотивировочной части постановления при определении суммы залога: содержание и интенсивность установленного риска, сведения о законных доходах и ликвидном имуществе залогодателя, наличие иждивенцев, данные о прежнем исполнении процессуальных обязанностей и мотивы, по которым меньшая сумма не обеспечит достижение целей меры пресечения. Одновременно требуется более гибкая модель минимальных порогов, допускающая мотивированное отступление от них в исключительных случаях либо их дифференциацию внутри группы тяжких деяний.

Ограниченная применимость залога связана и с особенностями его законодательной конструкции. Домашний арест и запрет определенных действий дают суду возможность адресно управлять рисками общения с конкретными лицами, использования средств связи и посещения определенных мест. Залог в действующей модели опирается главным образом на имущественный стимул и потому воспринимается как менее гибкий инструмент в делах, где следствие указывает на вероятность давления на свидетелей или уничтожения доказательств. В этой части критика залога отражает реальные ограничения закона. Поэтому перспективным направлением совершенствования следует признать законодательное закрепление возможности сочетать залог с отдельными запретами, предусмотренными статьей 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, при соблюдении принципа соразмерности, ясном определении пределов такого сочетания и недопустимости фактической подмены домашнего ареста. Комбинированная модель позволила бы сформировать процессуально определенный промежуточный вариант между денежной гарантией и домашним арестом [9], [10].

Особый блок проблем связан с последствиями нарушения обязанностей лицом, за которое внесен залог. Формально действующее регулирование предусматривает обращение залога в доход государства по судебному решению [8]. Однако вопрос о пределах ответственности залогодателя, который сам не является подозреваемым или обвиняемым, раскрыт недостаточно подробно. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2012 г. № 50-О12-37 имеет здесь принципиальное значение: изменяя судебное решение в части обращения залога в доход государства, Суд указал на необходимость выяснить, был ли составлен протокол о принятии залога и разъяснялись ли третьему лицу существо обвинения, обязательства и последствия их нарушения [4]. Современная литература обоснованно развивает этот подход и ставит вопрос о специальной защите прав залогодателя как лица, чьи имущественные права непосредственно затрагиваются уголовно-процессуальным решением [3]. Отсюда вытекает потребность в более детальной регламентации статей 106 и 118 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, включая обязательное участие залогодателя при решении вопроса об обращении залога в доход государства и возможность учитывать характер допущенного нарушения.

Структурным фактором ограниченного применения залога остается и процессуальная асимметрия сторон. Ходатайство следствия о заключении под стражу подкрепляется формализованным набором документов и рассматривается в условиях сжатых сроков судебного контроля. Сторона защиты при этом не всегда располагает сопоставимым временем для сбора сведений о финансовом положении залогода-

теля и иных доказательств, необходимых для обоснования более мягкой меры. При такой конфигурации даже формальная обязанность суда обсудить альтернативы не обеспечивает полноценного состязательного рассмотрения вопроса. В современной литературе дополнительно обращается внимание на то, что особенности обжалования отказа в изменении ранее избранной меры пресечения не всегда обеспечивают одинаково интенсивный судебный контроль в отношении различных мер пресечения, что также влияет на практическую доступность залога [11]. Поэтому разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации нуждаются в уточнении стандарта, по которому отказ от залога должен мотивироваться через сопоставление конкретных рисков и конкретных гарантий, предлагаемых стороной защиты, а не через общие формулы о тяжести обвинения или абстрактной возможности воспрепятствования расследованию [6].

Таким образом, проведенный формально-юридический анализ норм, судебной практики и доктринальных подходов позволяет сделать вывод, что залог в российском уголовном процессе сохраняет значительный, но во многом не реализованный потенциал меры пресечения, позволяющей достигать целей уголовного судопроизводства при меньшей степени вмешательства в свободу личности. Ключевые препятствия заключаются в неопределенности критериев суммы залога, фактической зависимости его доступности от имущественного статуса, отсутствии устойчивого стандарта судебной мотивировки при выборе между залогом, домашним арестом и заключением под стражу, а также в неполной регламентации последствий нарушения обязанностей при участии третьего залогодателя.

Список цитируемой литературы:

1. Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 8 апреля 2025 г. по делу № 22К-843/2025.

2. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 10 сентября 2025 г. по делу № 22-4071/2025.

3. Буданова, Л. Ю. Некоторые вопросы, касающиеся правовых последствий нарушения меры пресечения в виде залога / Л. Ю. Буданова, О. П. Александрова, В. Б. Шабанов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2024. – № 4. – С. 20–27. – DOI 10.24412/2071-6184-2024-4-20-27.

4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2012 г. № 50-О12-37.

Филина Н.Н., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юрид наук, доц.

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация

Институт необходимой обороны является одним из важнейших правовых механизмов, обеспечивающих реализацию конституционного права граждан на защиту своих прав и законных интересов. В современных условиях проблема правильной квалификации действий, совершенных в состоянии необходимой обороны, приобретает особую значимость в связи с частыми случаями неправомерного привлечения к уголовной ответственности лиц, защищавших себя или третьих лиц от общественно опасных посягательств.

Ключевые слова: необходимая оборона, регулирование, проблемы правоприменения.

Право на необходимую оборону — это не просто привилегия, предоставленная уголовным законом. Это прямое следствие конституционного принципа, закрепленного в ст. 45 Конституции РФ. Часть 2 этой статьи устанавливает: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» [1].

Она неразрывно связана с положениями статей 2 и 18 Конституции, где человек, его права и свободы провозглашаются высшей ценностью, а права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов.

Данная норма закрепляет двухуровневую систему защиты прав:

-государственная гарантия защиты (ч. 1 ст. 45);

-право человека на самостоятельные активные действия.

Согласно ст. 37 УК РФ, «Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» [8].

Ряд встречающихся проблем:

1. Оценочный характер критериев правомерности.

Статья 37 УК РФ оперирует оценочными категориями: «явное несоответствие», «характер и опасность посягательства». Эти понятия изна-

чально открыты для толкования, что ведет к неоднозначному и порой произвольному подходу при квалификации действий обороняющегося.

2. Игнорирование психоэмоционального состояния обороняющегося.

Законодательство возлагает на обороняющегося обязанность оценить характер преступления и его последствий еще до его совершения, что является весьма затруднительным (почти невозможным) в экстремальной ситуации.

3. Неопределенность защиты при невооруженном нападении [6].

На практике возникает сложность оценки правомерности защиты, когда нападение осуществляется невооруженным лицом, но в силу физического превосходства нападающего или иных обстоятельств (например, нападение нескольких лиц) возникает реальная угроза для жизни. Суды часто формально подходят к оценке «опасности для жизни».

Постановление Пленума ВС РФ от 28 октября 2025 года расширило толкование самообороны: теперь состояние необходимой обороны может иметь место даже если защита была осуществлена при обстоятельствах, свидетельствующих о наличии реальной угрозы совершения посягательства, а действия обороняющегося непосредственно предшествовали такому посягательству и были направлены на его предотвращение.

Однако, это решение — «половинчатое движение Верховного Суда, который не слишком последовательно расширяет крайне суженное в российском правовом поле понятие самообороны».

4. Обвинительный уклон в судебной практике.

В судебной практике по уголовным делам, связанным с необходимой обороной, явно доминирует обвинительный уклон. Значительно чаще выносятся решения о превышении пределов защиты, нежели постановления, признающие причинение вреда нападавшему правомерным . Такая тенденция порождает у граждан устойчивый страх не столько перед самим столкновением с правонарушителем, сколько перед последующим разбирательством со стороны правоохранительных органов и суда. В итоге это создаёт реальную угрозу роста преступности, поскольку институт необходимой обороны является действенным инструментом защиты личных прав и одновременно одним из способов противодействия противоправным посягательствам [3].

5. Недостаток знаний у граждан.

Большинство людей недостаточно информированы о содержании своего права на самооборону, не могут верно определить допустимые границы поведения в момент нападения, что на практике серьёзно затрудняет реализацию этого права. Институт необходимой обороны представляет собой важнейшую уголовно-правовую конкретизацию конституционного права на самозащиту [2]. Именно эта связь придаёт

проблемам правоприменения особую значимость: ошибочное или излишне узкое толкование судами границ обороны фактически ведёт к ограничению конституционного права гражданина, что является недопустимым. На практике применение статьи 37 УК РФ порождает множество споров. Главный вопрос, который встаёт перед правоприменителем, остаётся крайне острым даже после принятия разъяснений Пленума Верховного Суда РФ [5]: как именно отличить правомерную защиту от выхода за пределы необходимости?

Для признания действий законными требуется соблюдение трёх ключевых условий. Первое – защита должна быть направлена именно против общественно опасного посягательства, то есть реально угрожающего личности или правам обороняющегося. Второе – наличность и действительность посягательства: угроза должна существовать в реальности, а не в воображении лица (это исключает так называемую «мнимую оборону»), и при этом не должна уже завершиться. Нельзя обороняться от уже оконченного нападения. Третье – соразмерность: вред, причинённый нападающему, не должен быть явно чрезмерным по сравнению с характером и опасностью посягательства [7]. Именно на этом третьем условии – соразмерности – и сосредоточена основная проблема правоприменения.

Несмотря на позитивные сигналы со стороны Верховного Суда, в правоприменительной практике сохраняется ряд системных проблем: обвинительный уклон на местах. Правоохранительные органы и суды первой инстанции зачастую воспринимают защищающегося как потенциального преступника. Как отмечается в юридической литературе, существует «порочный круг правоприменения», когда причинение вреда нападающему априори считается превышением, если только нападавший не был вооружен огнестрельным оружием; ошибки в оценке момента окончания посягательства. Суды часто признают, что если нападающий упал или выронил оружие, то посягательство прекратилось, а последующий удар — это уже преступление. Однако ВС РФ указывает, что в условиях сжатого времени и стресса обороняющийся может ошибаться в оценке момента окончания атаки, особенно при групповом нападении; игнорирование психического состояния обороняющегося. Суды не всегда учитывают, что в состоянии стресса, вызванного нападением, человек не способен точно калибровать силу своего ответа.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году за убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК РФ) осуждены 143 человека, за причинение вреда здоровью при превышении пределов (ст. 114 УК РФ) — 344 человека [1].

При этом лишь 47 из 487 осужденных (менее 10%) получили реальные сроки лишения свободы.

В первом полугодии 2025 года эти показатели снизились до 37 и 83 человек соответственно, что может свидетельствовать о постепенной корректировке правоприменительной практики в сторону либерализации.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы и предложения: необходимо внести дополнения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», включив разъяснения о типичных ситуациях, при которых защита признается правомерной; рекомендуется ввести в редакцию ст. 37 УК РФ абзац, раскрывающий критерии «явного несоответствия» с привязкой к объективным показателям (количество нападающих, применение оружия, время суток и т.д.); целесообразно обязательное повышение квалификации следователей и судей по вопросам квалификации превышения пределов необходимой обороны.

Список цитируемой литературы:

1. В России за год осудили почти 150 человек за убийство при самообороне // Новости Mail. 17.05.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/incident/66164551/ (дата обращения: 10.04.2026)

2. Калдаева, Д.Н. Проблемы определения пределов необходимой обороны / Д.Н. Калдаева № 2 2026 (ЮН) // https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-predelov-neobhodimoy-oborony-1/viewer с. 278-281 (дата обращения 10.04.2026)

3. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ] // Российская газета. - 1993. - 25 дек. – Текст: непосредственный.

4. Нагорный, А. П. / проблемы квалификации необходимой обороны в России/ А.П. нагорный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – с. 336-341.

5. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022) // КонсультантПлюс (дата обращения 10.04.2026)

6. Петрякова, Л.А. Проблемы определения превышения пределов необходимой обороны от преступных посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность личности / Л.А. Петракова, П.Д. Асташкина // Сибирский юридический вестник № 2 (105)-2024, с. 83-88

7. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2025 года https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9303 – Текст : электронный (дата обращения 10.04.2026)

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 10.04.2026)

Хромина А.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Беденко А.В., доцент

УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Аннотация

В статье анализируются установленные уголовным законодательством условия условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и определяются проблемы с которыми приходится сталкиваться правоприменителю. Рассматривается вопрос эффективности института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и проблемы социализации освобожденных осужденных.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, уголовное наказание, условия освобождения, осужденный, критерии исправления, фактическое отбытие наказания.

Современный Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ) [1] предусматривает институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (далее – УДО) в гл. 12. Законодатель не указывает цели УДО, но исходя из содержания гл. 12 УК РФ можно предположить, что они связаны как с исправлением осужденного и восстановлением социальной справедливости, так и с поэтапным возвращением осужденного в общество.

Исходя из статистических данных представленных ФСИН России в 2024 г. положительное решение по ходатайствам об УДО получило только 20% от числа всех осужденных, а за первое полугодие 2025 г.

число таких лиц сократилось на 31% в сравнении с аналогичным периодом прошлого года [5]. Отметим, что еще в 2003-2005 гг. число удовлетворенных ходатайств об УДО доходило до 90%, а в 2013-2015 гг. до 50%, несмотря на то, что только в настоящее время активно лоббируется гуманистическая уголовная политика в отношении осужденных за совершение преступлений небольшой и средней тяжести.

В этой связи особое внимание в практике юристов уделяется соблюдению условий УДО, которые рассматриваются судом при принятии соответствующего решения, которое является правом, а не обязанностью суда.

Так, в ч. 1 ст. 79 УК РФ прописано первое важное условие – «Лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания…». Из этого следует, что на УДО могут рассчитывать только лица, приговоренные к отбыванию определенных видов уголовного наказания, связанных с изоляцией от общества. Важно, что содержание в воинской части может назначать только специальному субъекту – военнослужащему.

Также, для суда будет иметь значение факт возмещения вреда (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда, т.е. материальное условие УДО. При этом, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике у словно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» указано, что «если в судебном заседании установлено, что осужденным принимались меры к возмещению причиненного преступлением вреда (материального ущерба и морального вреда), однако в силу объективных причин вред возмещен лишь частично, то суд не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или в замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания только на этом основании» [2].

Формальным условием является срок фактически отбытого наказания в соответствии с ч. 3 ст. 79 УК РФ:

а) не менее одной трети срока наказания, назначенного за преступление небольшой или средней тяжести;

б) не менее половины срока наказания, назначенного за тяжкое преступление;

в) не менее двух третей срока наказания, назначенного за особо тяжкое преступление, а также двух третей срока наказания, назначенного лицу, ранее условно-досрочно освобождавшемуся, если условно-

досрочное освобождение было отменено по основаниям, предусмотренным частью седьмой настоящей статьи;

г) не менее трех четвертей срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а равно за тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также за преступления, предусмотренные статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 210, 281 - 281.3 и 361 УК РФ;

д) не менее четырех пятых срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

Для беременной женщины или женщины имеющей детей в возрасте до 4 лет, находящегося в доме ребенка исправительного учреждения – УДО может быть применено после фактического отбытия не менее одной четверти срока наказания, назначенного за преступление небольшой тяжести, но фактически отбытый любым осужденным срок лишения свободы не может быть меньше 6 мес.

Важным субъективным условием является усмотрение суда – признание судом, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании наказания. О возможности самостоятельного исправления после отбытия части уголовного наказания могут свидетельствовать данные о работе, учебе, семейном положении, отсутствие взысканий за весь срок отбытия наказания, а также отношение к совершенному деянию и др. В.Ю. Голубовский выделяет и другие критерии: «…признание вины, раскаяние в содеянном, участие в мероприятиях воспитательного характера, факт приобщения к общественно полезному труду, участие в общественной жизни отряда и колонии, отношение к представителям администрации и реакцию на замечания» [4, с. 91].

Возможность суда самостоятельно определять готовность или неготовность к исправлению осужденного вне территории исправительного учреждения предполагает возникновение субъективной оценки обстоятельств отбывания наказания, что сейчас приводит к тому, что судам проще не применять УДО.

Э.К. Боташев отмечает, что «в связи с отсутствием в законе критериев для применения условно-досрочного освобождения судебные решения на практике выносятся на основании субъективного мнения судьи, который учитывает или не учитывает тот или иной критерий, установленной практикой, иными судами» [3, с. 100]. Соответственно, формулировки закона об УДО не обладают достаточной степенью определенности, что порождает двойное толкование даже в судебной практике. От этого страдает и эффективность применения УДО, т.к. лица которые действительно готовы исправится находятся на одном

уровне с теми, кто реализует установленные условия формально – для освобождения. Это приводит к тому, что часть условно-досрочно освобожденных снова оказывается на скамье подсудимых через непродолжительное время после освобождения, что также может поставить под вопрос компетентность суда, который давал оценку условий для применения УДО. Для того, чтобы минимизировать подобные случаи суды идут по пути отказа от УДО.

В теории уголовного права отмечается, что УК РФ нуждается в совершенствовании института УДО за счет строгого установления условий для УДО с минимизацией субъективного усмотрения суда и уточнения оценочных понятий и признаков. Также, обращает на себя внимание и практика социализации лиц после УДО через трудоустройство и оказание психологической помощи.

Таким образом, условия реализации условно-досрочного освобождения представляют собой сложный комплекс формальных и оценочных требований. Только при соблюдении баланса между стимулированием и контролем над осужденным УДО будет в полной мере реализовывать свои цели.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 20 февраля 2026 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. О судебной практике у словно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 [ред. 25 июня 2024 г.] // Российская газета. – 2009. – 29 апреля.

3. Боташев, Э. К. Актуальные проблемы применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и возможные пути их решения / Э. К. Боташев // Вестник магистратуры. – 2024. – № 8(155). – С. 99-101.

4. Голубовский, В. Ю. Особенности применения института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / В. Ю. Голубовский // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – Т. 19. – № 1. – С. 89-95.

5. Обзор о работе с обращениями граждан и организаций в Федеральной службе исполнения наказаний за 2025 год [Электронный ресурс]. – URL: https://fsin.gov.ru/structure/management/obzor-obrashcheniy-grazhdan/ (режим доступа: 05.04.2026). – Режим доступа: Официальный сайт ФСИН [сайт].

Шерстюк М.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юрид наук, доц.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОЙ ПОДДЕРЖКИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье рассматриваются особенности развития молодежных гражданских инициатив в сфере добровольческой деятельности. Анализируются ключевые проблемы функционирования молодежного волонтерства, включая организационные, социальные и институциональные барьеры. Особое внимание уделяется вопросам системной поддержки добровольческой активности, роли государства и общества, а также перспективам развития волонтерского движения в России.

Ключевые слова: молодежь, волонтерство, добровольческая деятельность, гражданские инициативы, социальная активность, государственная поддержка.

В современном обществе решение значительной части социальных проблем требует не только усилий государства, но и активного участия граждан. Особую роль в этом процессе играет молодежь, которая выступает важным субъектом социальных преобразований и носителем новых форм гражданской активности. Одной из наиболее распространенных форм реализации молодежных инициатив является добровольческая (волонтерская) деятельность, направленная на решение общественно значимых задач [2].

Развитие молодежного волонтерства в России имеет сложный и противоречивый характер. В исторической ретроспективе добровольческая деятельность претерпела значительные изменения: от формально организованной и во многом обязательной общественно полезной работы в советский период до формирования независимых и инициативных объединений в постсоветское время. В условиях СССР участие граждан в общественных работах зачастую носило принудительный характер и регулировалось государственными структурами, что не соответствовало ключевым принципам волонтерства — добровольности и безвозмездности [1; 6].

С начала 1990-х годов в России происходит становление новой модели добровольчества, основанной на принципах самоорганизации, ини-

циативности и социальной ответственности. Формируются некоммерческие организации, благотворительные фонды и общественные объединения, создающие условия для участия молодежи в решении социальных проблем. Волонтерская деятельность начинает охватывать различные сферы общественной жизни: социальную защиту, здравоохранение, образование, экологию, культуру и другие направления [3; 5].

Несмотря на положительную динамику, развитие молодежных гражданских инициатив сталкивается с рядом существенных проблем. Одной из ключевых является недостаточный уровень вовлеченности населения в добровольческую деятельность. По сравнению с зарубежными странами, где участие в волонтерстве является распространенной практикой, в России доля граждан, регулярно участвующих в подобных инициативах, остается относительно низкой [1; 2]. Это свидетельствует о недостаточной сформированности культуры добровольчества и ограниченном уровне социальной активности.

Серьезным препятствием выступают также социальные стереотипы, сформировавшиеся в 1990-е годы, когда добровольческая деятельность воспринималась неоднозначно и не находила широкой поддержки в обществе. Несмотря на постепенное изменение отношения к волонтерству, данные установки продолжают оказывать влияние на уровень участия молодежи в общественно значимых инициативах [1].

К числу проблем относится и недостаточная системность в организации и поддержке волонтерской деятельности. Хотя количество добровольческих организаций в России постепенно увеличивается, их деятельность зачастую носит эпизодический характер, а реализуемые проекты ограничиваются небольшим числом мероприятий в течение года. Это связано как с нехваткой финансовых ресурсов, так и с недостаточным уровнем организационного развития самих объединений [2; 5].

Важным аспектом является и ограниченность институциональной поддержки молодежных инициатив. Несмотря на наличие законодательной базы, регулирующей деятельность в сфере благотворительности и добровольчества, практическая реализация механизмов поддержки остается недостаточно эффективной [3]. Волонтерские организации нередко выступают не только в роли инициаторов социальных проектов, но и сами нуждаются в ресурсной и организационной помощи.

Дополнительные трудности связаны с недостаточной координацией между государственными структурами, некоммерческими организациями и инициативными группами. Отсутствие устойчивых механизмов взаимодействия снижает эффективность реализации молодежных проектов и ограничивает их масштаб [4].

В то же время анализ показывает наличие значительного потенциала для развития молодежных гражданских инициатив. Одним из

главных стимулов для развития добровольческой деятельности является возрастающий интерес к ней со стороны людей всех возрастов, особенно молодежи. Причины, побуждающие людей заниматься волонтерством, разнообразны: от искреннего желания помочь тем, кто в этом нуждается, до стремления к саморазвитию, приобретению новых знаний и навыков, а также расширению круга общения [1; 3].

Международный опыт играет существенную роль в развитии добровольчества. Распространение успешных волонтерских практик, обмен знаниями и внедрение инновационных форм социальной активности помогают повысить результативность молодежных проектов и увеличить их охват [4].

Перспективы развития гражданских инициатив молодежи напрямую зависят от создания комплексной системы поддержки добровольческой деятельности. Крайне важно сформировать благоприятную институциональную среду, которая будет включать в себя:

- Нормативно-правовое обеспечение: четкие законы и правила, регулирующие волонтерство.
- Финансовую поддержку: доступ к грантам и другим источникам финансирования.
- Информационное сопровождение: широкое освещение деятельности волонтеров и возможностей для участия.
- Развитие инфраструктуры: создание условий и ресурсов для эффективной работы волонтеров.

Таким образом, молодежные инициативы в сфере добровольчества предполагают под собой ресурс для общественного становления. Не обращая внимания на имеющие место быть проблемы, например, как недостающая степень вовлеченности или же организационные и институциональные препятствия, данная область владеет большим потенциалом. Осуществление этого потенциала вероятно лишь только при условии системной помощи, которая станет содействовать функциональной роли молодежи в общественно важных задачах.

Список цитируемой литературы:

1. Новиков М. А. История, проблемы и перспективы развития молодежного волонтерства в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 6 (12). — С. 141–144.

2. Проблемы и перспективы развития волонтерской деятельности в молодежной среде на основе материалов регионального социологического исследования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-razvitiya-volonterskoy-

deyatelnosti-v-molodezhnoy-srede-na-osnove-materialov-regionalnogo-sotsiologicheskogo (дата обращения: 16.04.2026).

3. Молодежное волонтерство в современной России: особенности формирования и перспективные направления развития [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/molodezhnoe-volonterstvo-v-sovremennoi-rossii-osobennosti-formirovaniya-i-perspektivnye-napr (дата обращения: 16.04.2026).

4. Развитие добровольческой деятельности и молодежных инициатив в современных условиях [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rusjm.ru/ru/nauka/article/117532/view (дата обращения: 16.04.2026).

5. Особенности и тенденции развития добровольчества в молодежной среде [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://lifesafetyjournal.ru/wp-content/uploads/2025/04/03.pdf (дата обращения: 16.04.2026).

6. История, проблемы и перспективы развития молодежного волонтерства в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: file:///C:/Users/Masha/Downloads/hss20111733.pdf (дата обращения: 16.04.2026).

Ширяев И.Н., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В.,канд. юрид наук, доц.

КВАЛИФИКАЦИЯ СКРЫТОГО МАЙНИНГА (CRYPTOJACKING) КАК НЕПРАВОМЕРНОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ (СТ. 272 УК РФ)

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы квалификации криптоджекинга (скрытого майнинга) по ст. 272 УК РФ – неправомерный доступ к компьютерной информации. Анализируется техническая сущность явления, элементы состава преступления, судебная практика и основные правоприменительные трудности. Особое внимание уделяется конкуренции норм (ст. 272 и ст. 273 УК РФ), проблеме доказывания последствий и оценки ущерба. В заключении предлагаются пути совершенствования законодательства для эффективного противодействия криптоджекингу.

Ключевые слова: криптоджекинг, скрытый майнинг, неправомерный доступ, компьютерная информация, ст. 272 УК РФ, вредоносное ПО, квалификация преступлений.

В условиях цифровой трансформации экономики проблема незаконной добычи криптовалют приобретает особую актуальность. Криптоджекинг (cryptojacking) – это тип киберпреступлений, связанный с несанкционированным использованием вычислительных мощностей устройств (компьютеров, смартфонов, серверов) для добычи криптовалюты без ведома владельца.

Особая сложность квалификации криптоджекинга в российском уголовном праве связана с отсутствием специальной нормы. В отсутствие таковой действия злоумышленников квалифицируются по общим положениям, в том числе по ст. 272 УК РФ. Цель настоящей статьи – анализ возможности и особенностей квалификации скрытого майнинга как неправомерного доступа к компьютерной информации.

Криптоджекинг представляет собой несанкционированное использование чужих вычислительных ресурсов для майнинга криптовалюты. Вредоносный криптомайнер перехватывает мощность устройства жертвы и направляет её на добычу, чаще всего Monero (из-за его анонимности и возможности майнинга на CPU).

- внедрение JavaScript-скрипта на веб-сайты (майнинг при посещении страницы);
- установка вредоносного ПО на устройство жертвы.

Например, аналитиками зафиксированы случаи заражения более 3500 веб-сайтов скриптами для скрытого майнинга. Для обеспечения скрытности современные вредоносы применяют бесфайловое выполнение, ограничение использования процессора и маскировку трафика через WebSocket [4].

Для квалификации криптоджекинга по ст. 272 УК РФ необходимо установить все элементы состава [3].

Объективная сторона – неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекший уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации. Установка вредоносного майнера предполагает несанкционированное проникновение в систему и модификацию программного обеспечения, что может рассматриваться как модификация компьютерной информации [3].

Субъективная сторона – прямой умысел, корыстная цель (получение незаконного дохода от добытой криптовалюты). Согласно ч. 2 ст. 272 УК РФ, деяние, совершённое из корыстной заинтересованности, влечёт более строгую ответственность.

Субъект – лицо, достигшее 16 лет, не наделённое полномочиями доступа.

Таким образом, формально криптоджекинг подпадает под признаки состава ст. 272 УК РФ [1].

Анализ правоприменения показывает, что привлечение к ответственности за криптоджекинг по ст. 272 УК РФ встречается крайне редко. Имеющиеся уголовные дела чаще квалифицируются по ст. 273 УК РФ (создание, распространение вредоносных программ).

Например, в 2025 году Ворошиловский межрайонный суд г. Донецка приговорил местного жителя за распространение вредоносных программ для скрытого майнинга по ч. 2 ст. 273 УК РФ. Аналогично в Казани системный администратор, установивший майнер на чужой компьютер, был осуждён по ст. 273 УК РФ [5].

Отсутствие приговоров именно по ст. 272 УК РФ объясняется тем, что создание и распространение вредоносного ПО образует более очевидный состав по ст. 273 УК РФ, а также сложностью доказывания обязательных последствий (модификации, блокирования информации).

1. Проблема последствий. Установка майнера не всегда влечёт уничтожение или блокирование информации. Использование вычислительных мощностей само по себе может не являться модификацией в смысле ст. 272 УК РФ.

2. Проблема оценки ущерба. Типичные последствия – повышенное энергопотребление и замедление работы. Пользователь часто не связывает их с действиями хакеров. Для ч. 2 ст. 272 УК РФ требуется крупный ущерб (свыше 1 млн руб.), что при небольшом объёме добычи маловероятно.

3. Проблема охраняемой информации. Не вся информация на устройстве является охраняемой законом. Если на компьютере нет сведений ограниченного доступа (тайна, персональные данные), может возникнуть вопрос о нарушении именно «охраняемой» информации.

4. Конкуренция норм. Криптоджекинг может квалифицироваться по ст. 160 УК РФ (присвоение вычислительных мощностей), ст. 272, ст. 273, ст. 274 УК РФ. Отсутствие чётких критериев разграничения ведёт к правовой неопределённости.

Таким образом, квалификация криптоджекинга по ст. 272 УК РФ теоретически возможна, однако правоприменительная практика идёт по пути ст. 273 УК РФ. Сложности доказывания, неопределённость правового статуса криптовалюты и высокий уровень латентности требуют совершенствования законодательства: введения специальной нормы об ответственности за незаконный майнинг, определения ключевых терминов («вычислительные мощности», «криптоджекинг») и разработки методик оценки ущерба.

Список цитируемой литературы:

1. Курбанов В.А. Незаконная добыча криптовалюты как уголовно наказуемое деяние // Научная статья по специальности «Право». – CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnaya-dobycha-kriptovalyuty-kak-ugolovno-nakazuemoe-deyanie (дата обращения: 06.04.2026)
2. Адвокат фирмы Рустам Губайдуллин. Комментарий интернет-изданию «Секрет фирмы» по вопросу криптоджекинга // Юридическая фирма «Юст партнерс». – URL: https://justpartners.ru/publications/cryptojacking (дата обращения: 06.04.2026)
3. Прокуратура Амурской области. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации // Генеральная прокуратура РФ. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_28/activity/legal-education/explain?item= (дата обращения: 06.04.2026)
4. Хакеры заразили более 3500 сайтов скрытым майнером Monero // ForkLog. – URL: https://forklog.com/news/hackers-infected-over-3500-sites-with-monero-cryptominer (дата обращения: 06.04.2026)
5. Красногвардейский районный суд Республики Крым. Приговор по делу о скрытом майнинге (извлечение). – URL: https://krasnogvardeysky--krm.sudrf.ru/ (дата обращения: 06.04.2026)

Щербатых В.Н., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Шагунова В.М. канд. юрид. наук, доц.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы квалификации злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий. Исследуются вопросы схожести составов преступлений и их разграничения. Выявляются ключевые направления уточнении элементов структуры правовых норм статей 285 и 286 УК РФ.

Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, преступления, корыстный мотив, личную заинтересованность, существенный вред, ущерб, тяжкие последствия.

В теории уголовного права особое внимание уделяется вопросу отграничения преступлений от смежных преступных составов и в целом от всей массы имеющихся разновидностей преступлений. Определяющее значение отводится точности квалификационных признаков, позволяющих в совокупности однозначно определять по какой статье уголовного права квалифицируется противоправное деяние субъекта.

Можно сказать, что именно квалификация преступлений, в том числе и совершенных посредством злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, определяет объективность механизма привлечения правонарушителя к ответственности и в целом справедливости судопроизводства.

Важное значение при квалификации преступлений «злоупотребление должностными полномочиями» и «превышение должностных полномочий» отводится вопросы схожести составов преступлений и их разграничению.

Как объективно подметил Р. М. Шакиров рассматривая вопрос разграничения составов преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ: «Субъект в данных статьях совпадает – должностное лицо, определение которого дано в примечании к ст. 285 УК РФ, а в остальных элементах состава преступления можно увидеть различия» [5, с. 260].

Н. С. Кириллов уделяя внимание проблеме соотношения составов преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ обозначая базовые отличительные признаки состава преступлений в разрезе объективной и субъективной стороны [4, с. 53].

Охват признаков объективной стороны преступных деяний, выраженных должностным злоупотреблением шире, так как включает не только активные деяния, но и пассивные в форме бездействия. В призме субъективной стороны ситуация иная, так как мотив преступления в призме злоупотребления имеет ограничительные рамки, в отличии от превышения должностных полномочий, для квалификации субъективных признаков которого мотив не важен.

Думаю, что разграничение злоупотребления и превышения полномочий во многом зависит от таких признаков как «корыстный мотив» и «личная заинтересованность». Неясность этих критериев позволяет с одной стороны, расширить судейское рассмотрение, а с другой стороны создает проблемы в доказывании корыстной заинтересованности.

Корыстная заинтересованность выражается в желание противозаконными действиями получить определённую выгоду материального содержания. Например, сотрудник госоргана, отвечающий за приёмку результатов тендера, может закрывать глаза на некачественно выпол-

ненные работы или товары плохого качества, чтобы сохранить своё положение, получить премию или избежать выговора от начальства.

Мотивационные характеристики корыстного поведения должностных лиц могут проявляться в разных формах в зависимости от конкретных практических ситуаций, при этом можно обозначить три ключевые формы корытного поведения.

Во-первых, в форме мотивации, действующее на постоянной основе и выражающейся в устойчивом желании алчного накопления денежных и имущественных ценностей.

Во-вторых, желание удовлетворить свою психологическую потребность, выраженную в необходимости всегда быть замеченным, признанным и одобренным обществом, создавая зависть.

В-третьих, в форме корысти-нужды, что выражается в том, что в своей обыденной жизнедеятельности субъект, задействованный в определённых должностных обязанностях, не может полноценно удовлетворить потребности и требуются дополнительные ресурсы.

Равнозначное значение с характером совершаемых деяний правонарушителя в призме вопроса квалификации преступных деяний по статьям 285 УК РФ и 286 УК РФ отводится такому признаку как наступающие общественно опасные последствия, которые наносят отрицательное трансформирующее воздействие на объект преступления. Именно данный момент в практике правоприменения имеет неоднозначный характер, который выражается в недостаточной четкости закреплённых на законодательном уровне критериев, целенаправленно указывающих на степень общественной опасности противоправных действий должностных лиц.

Особая роль в вопросе идентификации опасности наступающих последствий в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий отводится материальной составляющей соразмерной нанесённому ущербу пострадавшему в результате неправомерных действий лицу. Так, в нормах статьи 285.1 УК РФ дано уточнение на стоимостной предел квалифицирующего признака представленного крупным или особо крупным нанесённым ущербом: «Крупным размером в настоящей статье, а также в статье 285.2 настоящего Кодекса признается сумма бюджетных средств, превышающая один миллион пятьсот тысяч рублей, а особо крупным размером - семь миллионов пятьсот тысяч рублей» [1]. При этом данное примечание не решает проблемы однозначности определения опасности нанесенных последствий в результате злоупотребления или превышения должностных полномочий, так как ущерб может носить не только материальный, но и нематериальный характер, который не так просто конвертировать в стоимостную оценку.

Следовательно, рационально рекомендовать в правовых нормах УК РФ закрепить понятие «существенного вреда» применительно к статьям 285 УК РФ и 286 УК РФ, выраженного в причинении крупного или особо крупного ущерба.

Считается объективным определить понятие «существенный вред» в случаи материального проявления в соразмерности сумме понесённого убытка пострадавшему лицу, установив определённый процесс превышения ущерба, а в случае нематериального проявления определить существенный вред как вред ущемления прав и интересам физических и юридических лиц.

Не менее важной проблемой квалификации злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий является отсутствие конкретизации такого квалификационного критерия превышения должностных полномочий как «тяжкие последствия». Данный момент влечет за собой наличие субъективного подхода в действиях судебных инстанций при проведении правовой оценки деяний правонарушителя, попадающих под юридические рамки статьи 286 УК РФ.

Проблема абстрактности наступления тяжких последствий по статьям 285 и 286 УК РФ связана с тем, что понятие «тяжкие последствия» является оценочным, то есть не раскрывается законодателем, а остаётся на усмотрение суда [3, с. 72].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» в пункте 21 приводятся лишь отдельные примеры таких последствий:«Под тяжкими последствиями как квалифицирующим признаком преступления, предусмотренным частью 3 статьи 285, пунктом «б» части 2 статьи 285.4 и пунктом «в» части 3 статьи 286 УК РФ, следует понимать последствия совершения преступления в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного нарушения деятельности организации, причинение значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.» [2].

Субъективный подход в рассмотрении подобного рода преступных деяний, отягощённых особым квалифицированным признаком в виде тяжких последствий негативным образом, влияет на вынесение объективного и правомерного решения судом с учетом всех отягощающих обстоятельств. Разрешение данного проблемного аспекта возможно при законодательном закреплении закрытого перечня последствий преступных деяний должностных лиц, которые правомерно определять как тяжкие в качестве особого квалифицируемого признака.

Подводя итоги можно сказать, что проблемы квалификации злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий состоят в том, что диспозициям данных статей свойственна в определённых моментах неопределённость и неясность, что как результат порождает проблемы в практике их применения, препятствуя эффективности механизма борьбы с коррупционными проявлениями. В рамках мероприятий по совершенствование норм уголовного законодательства, регламентирующих ответственность за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий, внимание должно быть акцентировано на уточнение элементов структуры правовых норм статей 285 и 286 УК РФ.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс : федер. закон от 13июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. думой 24 мая 1996 г. : одобрен СоветомФедерации 5 июня 1996 г. [в ред. от 29декабря 2025] // Собраниезаконодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Российская Федерация. Законы. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19: принят Верховный суд16октября2009 г. [в ред. от 11июня 2020] // Российская газета. – 2009. – № 207.

3. Капица, В. С.Проблемы толкования понятий «злоупотребление должностными полномочиями» и «превышение должностных полномочий» и их разграничение / В. С. Капица, Т. А. Капица // Право и практика. – 2025. – №1. – С. 70-75.

4. Кириллов, Н. С. Вопросы отграничения злоупотребления должностными полномочиями от превышения должностных полномочий / Н. С. Кириллов// Н.Экс.Т. – 2025. – №2 (30). – С. 52-57.

5. Шакиров, Р. М. Некоторые проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, сопряженных с причинением тяжких последствий / Р. М. Шакиров // Молодой ученый. – 2022. – № 17 (412). – С. 259-262.

Научное издание

МИР И РОССИЯ
в условиях новой реальности

Материалы XXIII Всероссийской очной
студенческой научно-практической конференции

Том 4

Секция 4
Юридическая наука как элемент модернизации современного общества

Подсекция 1
Теория и история государства и права

Подсекция 2
Уголовное право и процесс

(23 апреля 2026, г. Липецк)

Липецкий филиал РАНХиГС
г. Липецк, ул. Интернациональная, 3

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,63. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии ИП Алейников Олег Юрьевич
108811, г. Москва, Московский г., Радужная ул., д. 21